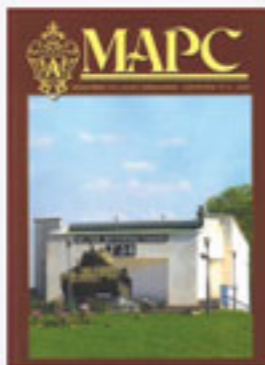

• По страницам редких изданий

О РАТНЫХ ПОДВИГАХ, О ДОБЛЕСТИ И СЛАВЕ!

У нас в гостях журнал-альманах «МАРС»

Обложка журнала

УВИДЕЛ свет 6-й номер журнала-альманаха «МАРС», материалы которого посвящены уникальным, закрытым и малоизвестным музеям России. Сбережение исторических и культурных ценностей России – важнейшая составляющая часть укрепления государственной самостоятельности и консолидации нашего общества. Возрождение нравственных ориентиров, возвращение к истокам народных традиций, обеспечение культурной преемственности являются ключевыми направлениями развития и процветания нашего Отечества. Современный этап исторического развития России вдохнул новую жизнь в возрождение музейного и коллекционного дела. Значительно обновились и расширились выставки большинства федеральных и региональных музеев России, начали возвращаться к жизни экспозиции, закрытые по различным причинам на долгие десятилетия, активизировалась краеведческая и поисковая работа. Новое рождение получили многие ведомственные музеи, открывшие свои уникальные, когда-то закрытые для большинства граждан экспозиции. Большую популярность начали приобретать частные музеи, создаваемые патриотами России и энтузиастами музейного и коллекционного дела.

Фрагмент экспозиции кабинета истории российской фельдшерской связи (Москва)

Экспозиция мемориального домашнего кабинета-музея Героя Советского Союза генерала армии В.Ф. Маргелова (Рязань)

Экспозиция музея Балтийского флота (г. Балтийск, Калининградской обл.)

Экспонаты музея Военной академии ракетных войск стратегического назначения имени Петра Великого (Санкт-Петербург)

Схемы и макеты первых отечественных жидкостных ракет

Электроаналитический прибор для расчета метео- и баллистических параметров при стрельбе из 122-мм гаубицы образца 1938 г.

Лазерный пистолет с пиротехнической лампой-вспышкой

В ОЕННО-
И СТОРИЧЕСКИЙ
Ж УРНАЛ 5
1-й 2008

Уважаемые читатели!

Вы можете оформить подписку на «Военно-исторический журнал» в отделении связи Почты России.

ГАЗЕТЫ
ЖУРНАЛЫ

2008

ПОЧТА РОССИИ

послания агентства «Роспечать» — 70137.

ПОЧТА РОССИИ

ПОЧТА РОССИИ

ПОЧТА РОССИИ

Адрес для переписки:
119160, Москва,
Хорошее шоссе,
д. 38д, редакция «Военно-исторического журнала».
Тел. редакции для справок:
(495) 693-57-45;
8-906-751-06-97
E-mail: MI_Het_magazin@mail.ru

Электронная версия «Военно-исторического журнала» и «Военно-исторический журнал. Интернет - приложение» за 2004–2007 гг. — на главной странице сайта Министерства обороны РФ www.mil.ru

Жители Москвы и Подмосквья могут приобретать отдельные номера журнала в Редакционно-издательском центре Министерства обороны РФ, тел.: (495) 693-58-68.

Ежемесячное издание Министерства обороны Российской Федерации

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

МАЙ
№ 5
2008

ИЗДАНИЕ МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ • WWW.MIL.RU

Система связи и управления Красной армией накануне Великой Отечественной войны

По кровавым следам: преступления зондеркоманды 4-а в июне 1941 — январе 1942 года

Борьба за господство в воздухе на советско-германском фронте. 1941—1945 гг.

«Я парламентёр, прибыл по заданию командования Красной армии»

Репатриация советских граждан из Германии в 1945 году

Советники Советской армии в Египте. 1967—1970 гг.

ISSN 0321-0626

Победа. 1945 г. Художник А. ЛЫСЕНКО

Военно-исторический журнал 2008 № 5 май

9 мая — День Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. (1945 год)
День воинской славы России

«ЗА ВЕРНОСТЬ

РОДИНЕ»

Проекты медалей Великой Отечественной войны в памятных юбилейных знаках

Памятные юбилейные знаки, посвящённые неутверждённым проектам медалей Великой Отечественной войны и проектные рисунки этих медалей

«Партизану Отечественной войны»

«За освобождение Украины»

«За освобождение Крыма»
(лицевая и обратная стороны)

«За взятие Берлина»

«За победу над Германией»

«За оборону Москвы»

«За оборону Ленинграда»

«За оборону Сталинграда»
(лицевая и обратная стороны)

«За оборону Кавказа»

Художник
Н.А. КОНГИССЕР

«За оборону Советского Заполярья»
Художник
И.С. ТЕЛЯТНИКОВ

«За взятие Будапешта»
Художник
АНДРИАНОВ

Рисунки проектных медалей

«За оборону Сталинграда»
Художник
Н.И. МОСКАЛЁВ

«За освобождение Белграда»
Художник
Н.И. МОСКАЛЁВ

Пробный образец медали «За храбрость»
Художник
С.И. ДМИТРИЕВ

«За взятие Кёнигсберга»
Художники
Н.И. МОСКАЛЁВ и КИСЕЛЁВ

«За взятие Вены»
Художники
Н.И. МОСКАЛЁВ и КИСЕЛЁВ

СУЩЕСТВОВАВШИЕ к началу Великой Отечественной войны советские награды не могли в полной мере охватить самоотверженность каждого воина, и руководством страны было принято решение разработать и установить новые награды. В становлении советской наградной системы решающую роль играл И.В. Сталин. Ему принадлежали идеи создания многих наград, он утверждал окончательные варианты названий медалей, тексты надписей на них. По его поручению, данному 10 апреля 1942 года, начальник Тыла Красной армии генерал армии А.В. Хрулёв создал группу художников по разработке эскизов новых орденов и медалей, которые должны были бы отражать мужество и отвагу защитников Отечества и вселять веру в скорую победу. К работе над новыми наградами были привлечены А.И. Кузнецов; Н.И. Москалёв; И.С. Телятников; Б.М. Хомич; П.И. Скокан; С.И. Дмитриев и другие.

Всего в ходе Великой Отечественной войны, в период с 20 мая 1942 года по 9 июня 1945-го было учреждено 8 орденов, 7 медалей за оборону советских городов, 3 медали за освобождение и 4 за взятие европейских городов, а также медали «За победу над Германией», «За победу над Японией», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», «Партизану Отечественной войны» 1-й и 2-й степени.

Кропотливая работа по сбору и анализу архивных документов и материалов позволила установить более 90 эскизов орденов и медалей. Особый интерес вызывают эскизы, которые не были поддержаны руководством страны. К ним относятся: эскизы орденов «За воинскую доблесть», «Пётр Багратион», «Денис Давыдов», «За верность Родине», и некоторых других, а также медалей «За разгром немцев под Москвой», «За освобождение Украины от немецких захватчиков», «За освобождение Крыма от немецких захватчиков», «За храбрость», «За отвагу и героизм» и других.

В апреле 2005 года при поддержке коллекционера-фалериста А.В. Грицина была разработана концепция выпуска серии памятных юбилейных знаков, посвящённых неутверждённым проектам медалей Великой Отечественной войны. Эта идея получила одобрение и поддержку Московского комитета ветеранов войны.

Выпуск первых памятных юбилейных знаков был посвящён 60-летию победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Завершение этой серии юбилейных знаков планируется к 65-й годовщине Великой Победы. Полный комплект памятных юбилейных знаков включает 20 видов. Тираж их составляет 200 единиц каждого знака. На конец 2007 года уже выпущено 13 памятных юбилейных знаков.

Награждаются ими ветераны войны и труда, Вооружённых сил, правоохранительных органов, активные участники военно-патриотической деятельности, военнослужащие, исполнявшие интернациональный долг, участники поисковых групп, внесшие значительный вклад в сохранение и увековечение памяти погибших в годы Великой Отечественной войны. Знак носится на левой стороне груди после государственных и ведомственных наград.

С учётом редкости памятных юбилейных знаков предусмотрено их распространение среди коллекционеров-фалеристов. В связи с этим к памятным юбилейным знакам прилагается сертификат. В июле 2007 года комплект памятных юбилейных знаков передан в дар ведущим федеральным музеям России.

Удостоверение к юбилейному знаку «За оборону Кавказа»

«БОЛЬШЕ СЕЯ ЛЮБВЕ НИКТО ЖЕ ИМАТЬ, ДА КТО ДУШУ СВОЮ ПОЛОЖИТ ЗА ДРУГИ СВОЯ»

Спрашиваете — отвечаем

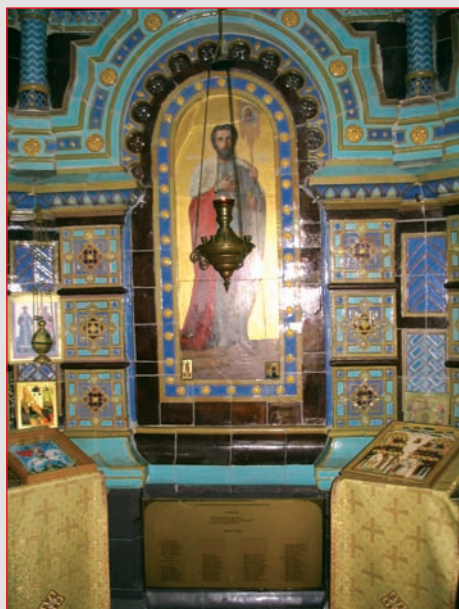
Уважаемая редакция!

В одиннадцатом номере «Военно-исторического журнала» за 2007 год моё внимание привлекла статья о памятнике русским гренадерам, погибшим под Плевной 28 ноября 1877 года. По семейному преданию, мой прапрадед был участником той войны, тоже сражался под Плевной, получил за храбрость «Георгия». Так что памятник у Политехнического музея мне как-то особенно дорог, но съездить в Москву и поклониться ему, увы, уже не смогу. Нельзя ли рассказать о нём подробнее и опубликовать хотя бы две-три фотографии покрупнее, ибо по той, что имеется в прежней статье, очень трудно судить о современном виде этого уникального мемориала.

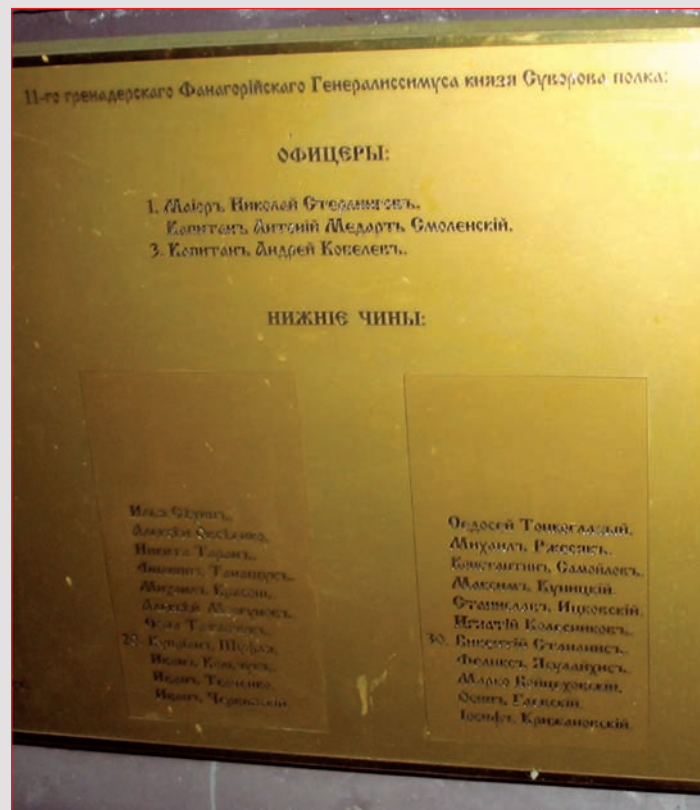
С уважением, **Е. БРАТЦЕВА**
(г. Невельск, Сахалинская обл.)

Памятник-часовня гренадерам, павшим под Плевной 28 ноября 1877 года
Современный вид

Образ Святого Благоверного великого князя Александра Невского и медная доска с именами павших воинов
Внутреннее убранство часовни

Фрагмент медной доски с именами павших воинов

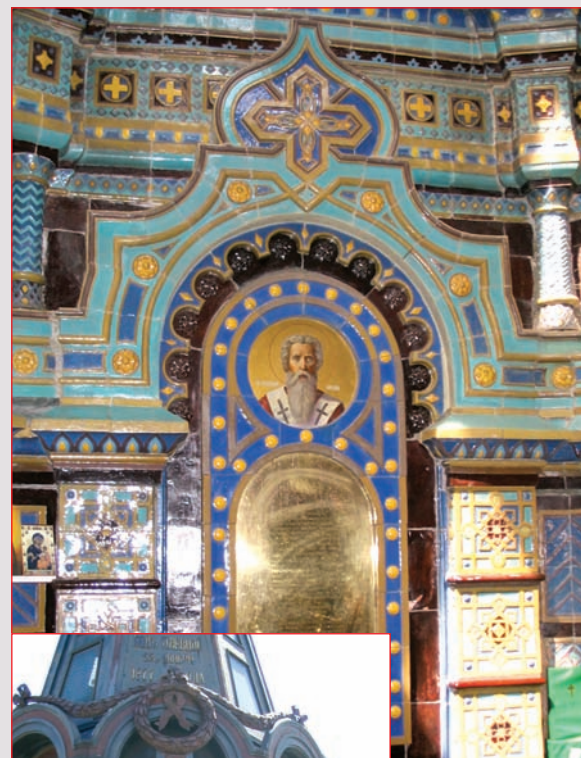
Образ Богоматери с Христом и святого Фёдора Ростовского
Внутреннее убранство часовни

Образ просветителя Кирилла
Внутреннее убранство часовни

«БОЛЬШЕ СЕЯ ЛЮБВЕ НИКТО ЖЕ ИМАТЬ, ДА КТО ДУШУ СВОЮ ПОЛОЖИТ ЗА ДРУГИ СВОЯ»

Памятник героям-гренадерам, погибшим под Плевной

Образ просветителя Мефодия
Внутреннее убранство часовни

Панихида по погибшим воинам

Торжества у часовни в день победы под Плевной

О ПАМЯТНИКЕ героям-гренадерам можно рассказывать много. Часовня была создана, для того чтобы вечно прославлять подвиг русских воинов. По сути дела, она стала первым в России памятником Неизвестному солдату.

В целом памятник гренадерам представляет собой развитую пространственную систему, формирующую художественный образ средствами архитектуры, живописи, скульптуры. Низ памятника — восьмёрки, верх — шатёр, заканчивающийся 16 кокошниками, на которых лежит полусферический свод. По фасаду восьмёрки расположены 4 скульптурные композиции — горельефы, у их подножия — перевитые лентами лавровые венки. На шатровой части имеются золочёные надписи. На северной грани шатра: «Гренадеры своим товарищам, павшим в славном бою под Плевной 28-го ноября 1877-го года». На южной: «В память войны с турками 1877—1878 годов. Плевна, Карс, Хаджи-Вали, Аладжа». На восточной и западной гранях расположены евангельские тексты. С востока: «Больше сея любве никто же имать, да кто душу свою положит за други своя» (Евангелие от Иоанна, XV глава, XIII стих). С запада: «Аминь, аминь глаголю вам: аще зерно пшенично пад на землю, не умрёт, то едино пребывает, аще же умрёт много плод сотворит» (Евангелие от Иоанна, XII глава, XXIV стих).

На остальных гранях шатра расположены по два трапециевидных оконных проёма с металлическими переплётами.

Основанием главки часовни служит так называемый барабан, а её завершением — конус, поддерживающий кокошники разных размеров: 16 малых и 8 больших. Внутри каждого верхнего кокошника расположен двуглавый орёл. Поверху — крест, как бы опирающийся на поверженный полумесяц.

Внутри часовня отделана майоликовыми изразцами, керамика — объёмная, полихромная, на стенах помещаются иконы святых: Александра Невского, Георгия Победоносца, Николая Чудотворца, Стефана и Федора, просветителей Кирилла и Мефодия и иконы Пресвятой Богородицы — Владимирской и Смоленской.

Над образом Александра Невского поставлен образ Святого, по правую сторону, через грань — образ Богоматери, а по левую, также через грань — Иоанна Крестителя. Против образа Спасителя находится образ Михаила Архистратига. Имеются и другие иконы и детали интерьера. За долгие годы многое, к сожалению, было утрачено.

Благодаря реставрации часовня практически приобрела свой прежний вид, восстановлено почти всё её внутреннее убранство, в том числе и бронзовые доски.

10 декабря 2007 года у часовни-памятника по благословию Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II прошли отдание воинских почестей и панихида, посвященные 130-летию победы русских войск под Плевной. Церемонией организовало Патриаршее подворье с участием Центра национальной славы России, Фонда Андрея Первозванного, Свято-Тихоновского Богословского университета, Центра духовно-образовательного военнослужаших, регионального некоммерческого фонда помощи ветеранам и инвалидам силовых структур «Омофор», а также представителей православного молодёжного движения «Георгиевцы» и других молодёжных организаций г. Москвы.

«МЫ НИКОГДА ПОТОМУ ЧТО ДАЖЕ ДЕТИ У НИХ»

Курский военно-исторический музей «Юные защитники Родины»

МУЗЕЙ «Юные защитники Родины» необычен и рассказывает о детях, которые в годы Великой Отечественной войны с оружием в руках защищали родину от фашистских захватчиков. Инициатором его создания и бессменным директором до конца жизни была Клара Александровна Рябова, разыскавшая и объединившая вокруг него тысячи бывших юных участников войны.

19 мая 1963 года К.А. Рябова организовала литературный клуб «Алые паруса», на базе которого 23 февраля 1977 года был открыт общественный музей «Юные защитники Родины», позже удостоенный звания «Народный музей». 17 января 1991 года музей был преобразован в государственный и стал филиалом Курского областного краеведческого музея.

Война и дети — понятия несоместимые. Однако так случилось, что в силу разных обстоятельств дети оказались на дорогах Великой Отечественной. Мужество юных героев побудило одного из гитлеровцев сделать запись в дневнике: «Мы никогда не победим русских, потому что даже дети у них сражаются и погибают, как герои».

В музее «Юные защитники Родины» представлены уникальные документальные и картографические материалы, фотографии, личные вещи и другие экспонаты, связанные с событиями 1941—1945 гг. и документирующие участие детей в войне. В залах представлены подлинные реликвии, составляющие золотой фонд музейной коллекции: редкие документы, фронтовая печать, листовки, благодарности, боевые награды и др.

Коллектив музея ведёт большую научно-исследовательскую и собирательскую работу, направленную на дальнейшее изучение, сохранение и популяризацию культурно-исторического наследия России и Курского края. На базе музея проводятся научные конференции, семинары-практикумы по всем видам музейной деятельности.

Особое внимание уделяется научно-просветительской работе. Посещают музей самые разнообразные люди. Это и учащиеся школ и других средних учебных заведений, и студенты, и воины Вооружённых сил России, и ветераны Великой Отечественной войны, и труженики тыла, для которых всегда интересны разнообразные по тематике лекции, обзорные и тематические экскурсии: «Детство, опалённое войной», «У войны — не женское лицо», «Их знают и помнят куряне», «Юные минёры». Адрес музея: 305007, Россия, г. Курск, ул. Сумская, д. 6.

▲ Клара Александровна Рябова
На фронте, 1942 г.

▲ Сотрудники музея за работой.
В центре — К.А. Рябова

▼ Дети-узники

▲ Амелин Митя и Боженов Петя
1943 г.

▲ Алфёров Николай и Караченцев Володя
1943 г.

▲ Фрагмент экспозиции музея

НЕ ПОБЕДИМ РУССКИХ, СРАЖАЮТСЯ И ПОГИБАЮТ, КАК ГЕРОИ»

музей «Юные защитники Родины»

Лёва Кондратьев

Юрий Лебедев

А.Д. Холтобина

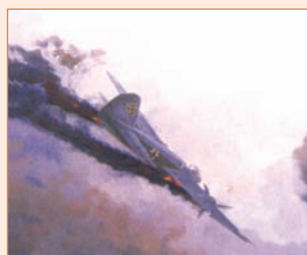

Коля Чернорук

Юные защитники Родины ▲

▲ Встреча на Параде Победы

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941—1945 гг. THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941—1945	
С.В. БЫЧКОВ — «За верность Родине». Проекты медалей Великой Отечественной войны в памятных юбилейных знаках S.V. BYCHKOV — «For the fidelity of the Native land!». Projects of medals of the Great Patriotic War in memorable anniversary signs	1
ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ MILITARY PATRIOTIC EDUCATION	
Е.Б. ПОЛЯКОВА — «Больше сея любви никто же иметь, да кто душу свою положит за други своя». Памятник героям-гренадёрам, погибшим под Плевной E.B. POLYAKOVA — «There is no more love than to give a soul for a friend». Monument to the heroes-grenadiers who have lost near Plevna	2
А.Н. ЧАБАНОВА — «Мы никогда не победим русских, потому что даже дети у них сражаются и погибают, как герои». Курский военно-исторический музей «Юные защитники Родины» A.N. CHABANOVA — «We never shall win Russian, because even children at them battle and perish as heroes». Kursk military-historical museum «Young defenders of the Native land»	4
ПРОТИВ ЛЖИ И ФАЛЬСИФИКАЦИЙ AGAINST A LIE AND FALSIFICATION	
Ю.А. НИКИФОРОВ — Научная гипотеза или безответственное словоблудие? U.A. NIKIFOROV — Scientific hypotesis or irresponsible curse?	9
Д.Г. ГУЖВА — Историческая правда Великой Отечественной войны – не объект для художественного вымысла D.G. GUJVA — Historical truth of the Great Patriotic War is not objekt for the art fiction	14
ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941—1945 гг. THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941—1945	
С.А. ТЮШКЕВИЧ — Преумножим духовный потенциал Великой Победы! S.A. TUSHKEVICH — Let's multiply spiritual potential of the Great Victory!	15
И.И. КОВТУН — По кровавым следам: преступления зондеркоманды 4-а в июне 1941 — январе 1942 года I.I. KOVTUN — On bloody traces: crimes of the zondercommand 4-a in June of 1941 — January of 1942	16
«Я парламентёр, прибыл по заданию командования Красной армии». К 65-летию разгрома советскими войсками немецко-фашистских войск в Сталинградской битве (Публикация А.Ю. БЕЗУГОЛЬНОГО) «I am the truce envoy, have arrived under orders of command of the Red Army». To the 65 anniversary of rout by the Soviet Armies of fascist armies in Stalingrad battle (Publication A.Yu. BEZUGOLNY)	22
А.Ю. ЧЕРЕДНИКОВА — Без толмачей не обходится ни одна война A.Yu. CHEREDNIKOVA — Without translators any war doesn't manage	25
Г.Д. ПИЛИШВИЛИ — Добровольческие военизированные формирования Центрального Черноземья. 1941—1942 гг. G.D. PILISHVILI — The voluntary militarized formations of the Central Chernozem region. 1941—1942	29
В.И. СОКОЛОВА — Трудный путь домой. Репатриация советских граждан из Германии в 1945 году V.I. SOKOLOVA — Difficult way to home. Repatriation of the Soviet citizens from Germany in 1945	32
М.А. МАКОВ — Формирование и боевая деятельность истребительного авиационного полка «Нормандия-Неман» M.A. MAKOV — Formation and fighting activity of fighting aviation regiment «Normandija-Neman» in 1945	35
ВОЕННОЕ ИСКУССТВО MILITARY ART	
М.А. БОБРОВ — Борьба за господство в воздухе на советско-германском фронте. 1941—1945 гг. M.A. BOBROV — Struggle for domination in air on the Soviet-German front. 1941—1945	39
ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ DOCUMENTS AND MATERIALS	
В предчувствии неотвратимости надвигающейся угрозы. Система связи и управления Красной армии накануне Великой Отечественной войны (Публикация В.С. ХОХЛОВА) In a presentiment of inevitability of approaching threat. Communication system and managements of the Red Army on the eve of the Great Patriotic War (Publication of V.S. KHOHLLOV)	44
ИЗ ИСТОРИИ ФОРТИФИКАЦИИ FROM THE HISTORY OF FORTIFICATION	
В.Г. СИМОНЕНКО — Третья оборона Севастополя V.G. SIMONENKO — The third defence of Sevastopol	50

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ FROM UNPUBLISHED MANUSCRIPTS	
И.М. ЦАЛЬКОВИЧ — «Застарелая порт-артурская болезнь... по-прежнему нуждалась в серьёзном лечении» (Публикация В.Г. СИМОНЕНКО) I.M. TSALKOVICH — «The inveterate Port-arthur illness... still required serious treatment» (Publication of V.G. SIMONENKO)	52
П.М. КУРОЧКИН — «Большое количество имущества связи... было утрачено в первые дни войны» (Публикация А.П. ЖАРСКОГО) P.M. KUROCHKIN — «The considerable quantity of property of communication... has been lost in the first days of war» (Publication of A.P. ZHARSKY)	57
ЛОКАЛЬНЫЕ ВОЙНЫ И ВООРУЖЁННЫЕ КОНФЛИКТЫ XX—XXI вв. LOCAL WARS AND ARMED CONFLICTS OF THE XX-XXI CENTURY	
В.Т. СЕРКОВ — Советники Советской армии в Египте. 1967—1970 гг. V.T. SERKOV — Advisers of the Soviet army in Egypt. 1967—1970	62
ИЗ ИСТОРИИ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ FROM THE HISTORY OF MILITARY-POLITICAL RELATIONS	
В.И. ШАРЫЙ — Поддержка СССР национально-освободительного движения стран Африки в 1960—1970-е годы V.I. SHARY — Support of the USSR of the national-liberation movement of the countries of Africa in 1960-1970	67
ЗАБЫТОЕ ИМЯ FORGOTTEN NAME	
И.В. ЗИМИН — Царский телохранитель Карл Кох I.V. ZIMIN — The imperial bodyguard Karl Kokh	70
ПОЛКОВОДЦЫ И ВОЕНАЧАЛЬНИКИ COMMANDERS AND CHIEFS	
Ю.Н. ГЕРАСИМОВА — «Полное удовольствие за... ограждение жителей от всяких стеснений». Участие М.Т. Лорис-Меликова в Восточной (Крымской) войне Yu.N. GERASIMOVA — «Full pleasure for a protection of inhabitants from any inconveniences». M.T. Loris-Melikov's participation in East (Crimean) war	73
ИСТОРИЯ ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ HISTORY OF THE MILITARY INTELLIGENCE	
В.А. АВДЕЕВ, В.Н. КАРПОВ — Из революционеров — в разведчики V.A. AVDEEV, V.N. KARPOV — From a revolutionary — to an intelligence and reconnaissance serviceman	77
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ CRITIQUE AND BIBLIOGRAPHY	
В.А. ШАМАНОВ — Они сражались за Родину в Заполярье V.A. SHAMANOV — They battled for the Native land in the Polar region	82
В.М. КУЛИШ — Германская стратегия во Второй мировой войне V.M. KULISH — The German strategy in the Second World War	84
В.М. ЧИКОВ — Война без объявления войны или полёт «Наглого орла — 2007» V.M. CHIKOV — War without declaration of war or flight of the «Impudent eagle — 2007»	86
81	ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ THE MEMORABLE DATES
88	СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ INFORMATION ABOUT AUTHORS
ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941—1945 гг. THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941—1945	
3-я стр. обл.	И в России, и во Франции бережно хранят память героев Второй мировой войны Both in Russia, and in France carefully store the memory of the heroes of the Second World War
ПО СТРАНИЦАМ РЕДКИХ ИЗДАНИЙ IN THE PAGES OF RARE EDITIONS	
4-я стр. обл.	О ратных подвигах, о доблести и славе! У нас в гостях журнал-альманах «МАРС» About feats of arms, about valour and glory! Our visitor is magazine-almanac «MARS»

М.Т. Лорис-Меликов

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор

ЧАЧУХ Игорь Мадиевич, полковник

Заместитель главного редактора

АВЕРЧЕНКО Сергей Викторович,
подполковник, кандидат исторических наук

Ответственный секретарь редакции

КИКНАДЗЕ Владимир Георгиевич,
капитан 2 ранга, кандидат военных наук

Научные редакторы

Н.И. ВАХРОМЕЕВА;
Н.М. ВЕРЕТЕННИКОВА;
Е.В. ДОБЫЧИНА, кандидат исторических наук;

В.Т. ИМИНОВ, генерал-лейтенант
в отставке, кандидат исторических наук,
профессор;

Н.Ф. КОВАЛЕВСКИЙ, полковник запаса,
кандидат философских наук, старший
научный сотрудник;

В.Г. ОППОКОВ, капитан 1 ранга
в отставке;

А.В. ОСТРОВСКИЙ;
Р.И. ПАРФЁНОВ, старший лейтенант

Секретариат

М.В. ЗАБРОДИНА

(заместитель ответственного
секретаря редакции);

К.Н. АГАФОНОВА;

Е.В. КРИГЕР;

Ю.В. СНЕГОВА

Литературная редакция

О.К. ГРАЧЁВА, заслуженный работник
культуры РФ;

Е.С. ДАНИЛИНА;

А.М. ПЕТРОВ, полковник запаса

Художественный редактор

Т.Г. ПИМЕНОВА

Заведующая редакцией

М.П. МОИСЕЕВА

Перевод

Н.И. ВАХРОМЕЕВА

Компьютерная вёрстка

О.В. ТАРАСОВ, лейтенант;

А.В. СОЛОМАХИН, лейтенант

Адрес для переписки: 119160,
Москва, Хорошёвское шоссе, 38 Д,
редакция «Военно-исторического
журнала».

тел.: (495) 693-57-45,

8-906-751-06-97;

E-mail: Mil_Hist_magazin@mail.ru

Электронная версия «Военно-
исторического журнала» и «Военно-
исторический журнал. Интернет
приложение» – на главной
странице сайта
Министерства обороны РФ
www.mil.ru

«VOENNO-ISTORICHESKY
ZHURNAL»
MONTHLY SCIENTIFIC POPULAR
EDITION OF THE MINISTRY OF
DEFENSE OF THE
RUSSIAN FEDERATION
Founded in August, 1939

Решением Президиума Высшей аттестационной
комиссии (ВАК) Министерства образования
и науки РФ «Военно-исторический журнал» включён
в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций на соискание
учёных степеней кандидата и доктора наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

И.О. ГАРКУША — директор Российского государственного военно-исторического
архива, заслуженный работник культуры РФ (Москва)

С.А. ИЛЬЕНКОВ — начальник Архивной службы ВС РФ, полковник (Москва)

В.И. ИСАКОВ — начальник Тыла Вооружённых сил — заместитель министра обороны
РФ, генерал армии (Москва)

А.В. КИРИЛИН — начальник Военно-мемориального центра ВС РФ, генерал-майор,
кандидат исторических наук (Москва)

В.П. КОЗЛОВ — руководитель Федерального архивного агентства России, доктор
исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН (Москва)

А.А. КОЛЬТЮКОВ — начальник Института военной истории МО РФ, полковник запаса,
кандидат военных наук, старший научный сотрудник (Москва)

И.П. МАКАР — начальник кафедры истории войн и военного искусства Военной
академии Генерального штаба ВС РФ, генерал-майор, кандидат исторических наук,
доцент (Москва)

А.А. НОГОВИЦЫН — заместитель главнокомандующего Военно-воздушными силами,
генерал-полковник, доктор военных наук (Москва)

А.В. ОСТРОВСКИЙ — ведущий научный редактор редакции «Военно-исторического
журнала» (Москва)

А.С. РУКШИН — начальник Главного оперативного управления — заместитель
начальника Генерального штаба ВС РФ, генерал-полковник, кандидат военных
наук (Москва)

А.С. СКВОРЦОВ — заместитель начальника Генерального штаба — председатель
Военно-научного комитета Генерального штаба ВС РФ, генерал-полковник, кандидат
политических наук, доцент (Москва)

Н.Е. СОЛОВЦОВ — командующий Ракетными войсками стратегического назначения,
генерал-полковник, доктор военных наук, профессор (Москва)

В.И. ТЕРЕЩЕНКО — председатель Военно-научного комитета Сухопутных войск,
полковник (Москва)

А.О. ЧУБАРЬЯН — директор Института всеобщей истории Российской академии наук,
доктор исторических наук, профессор, академик РАН (Москва)

С.И. ЧУВАШИН — начальник Центрального архива МО РФ, полковник, заслуженный
работник культуры РФ (г. Подольск Московской области)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

К.М. АНДЕРСОН — директор Российского государственного архива социально-
политической истории, кандидат исторических наук, доцент (Москва)

И.И. БАСИК — заместитель начальника Института военной истории МО РФ
по научной работе, полковник, кандидат исторических наук, старший научный
сотрудник (Москва)

А.А. БУДКО — начальник Военно-медицинского музея МО РФ, полковник медицинской
службы, доктор медицинских наук, профессор (Санкт-Петербург)

В.В. ГРАДОСЕЛЬСКИЙ — председатель Комитета ветеранов военных комиссариатов
г. Москвы, генерал-майор в отставке (Москва)

Е.Ю. ГУСЬКОВА — руководитель Центра по изучению современного балканского
кризиса Института славяноведения Российской академии наук, доктор исторических
наук (Москва)

И.С. ДАНИЛЕНКО — начальник Научно-методического центра отечественной военной
стратегии Военной академии Генерального штаба ВС РФ, генерал-майор в отставке,
доктор философских наук, профессор (Москва)

А.А. ЗДАНОВИЧ — заместитель председателя Всероссийской государственной
телерадиокомпании, генерал-лейтенант запаса, кандидат исторических
наук (Москва)

С.Н. КОВАЛЁВ — начальник научно-исследовательского отдела Института военной
истории МО РФ, полковник, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург)

Г.Ф. КРИВОШЕВ — консультант Военно-мемориального центра ВС РФ, генерал-
полковник в отставке, кандидат военных наук (Москва)

В.М. КРЫЛОВ — начальник Военно-исторического музея артиллерии, инженерных
войск и войск связи, полковник запаса, доктор исторических наук (Санкт-Петербург)

В.Н. КУЗЕЛЕНКОВ — директор Российского государственного всенного
архива (Москва)

Г.А. КУМАНЁВ — руководитель Центра военной истории России, главный научный
сотрудник Института российской истории Российской академии наук, доктор
исторических наук, профессор (Москва)

С.В. МИРОНЕНКО — директор Государственного архива Российской Федерации,
доктор исторических наук (Москва)

Н.И. НИКИФОРОВ — заместитель начальника Института военной истории МО РФ,
полковник, кандидат исторических наук (Москва)

А.К. НИКОНОВ — директор Центрального музея Вооружённых сил, полковник
запаса (Москва)

Р.Б. РЫБАКОВ — директор Института востоковедения Российской академии наук,
доктор исторических наук (Москва)

М.Р. РЫЖЕНКОВ — директор Российского государственного архива древних актов,
кандидат исторических наук (Москва)

А.Н. САХАРОВ — директор Института российской истории Российской академии наук,
доктор исторических наук, член-корреспондент РАН (Москва)

А.Р. СОКОЛОВ — директор Российского государственного исторического архива,
кандидат исторических наук, доцент (Санкт-Петербург)

И В РОССИИ, И ВО ФРАНЦИИ БЕРЕЖНО ХРАНЯТ ПАМЯТЬ ГЕРОЕВ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Боевой путь авиаполка «Нормандия — Неман»

Открытие памятника лётчикам и инженерам
французского авиаполка «Нормандия-Неман»
в парижском пригороде Ле-Бурже

ПРЕЗИДЕНТЫ России и Франции Влади-
мир Путин и Николя Саркози в октя-
бре 2007 года открыли памятник лётчи-
кам и инженерам французского авиаполка
«Нормандия-Неман» в московском районе Ле-
фортово. В церемонии открытия также приня-
ли участие главнокомандующий ВВС генерал-
полковник Александр Зелин, мэр Москвы Юрий
Лужков, представители истребительного авиа-
ционного полка «Нормандия-Неман», диплома-
тического корпуса, ветеранских организаций,
творческой интеллигенции и общественности.
Инициатором установки в Москве памятника
лётчикам французского авиаполка выступил по-
сол России во Франции Александр Авдеев.

Район Лефортово был выбран не случайно.
Именно там, на Введенском кладбище, были в
свое время похоронены погибшие лётчики авиа-
полка «Нормандия-Неман». Автором памятника
стал народный художник России, скульптор Ан-
дрей Ковальчук.

Во Франции памятник авиаполку скульптора
Виктора Суровцева был открыт 22 сентября 2006
года в парижском пригороде Ле-Бурже. Тогда в
церемонии участвовали президенты двух стран
Владимир Путин и предшественник Саркози –
Жак Ширак.

Об особенностях формирования и боевой де-
ятельности в годы Великой Отечественной вой-
ны авиаполка «Нормандия — Неман» читайте в
номере статью М.А. Макова.

Читайте
в
номере

Язык жестов
был понятен
французам

Рисунок В.Н. БАРСУКОВА

Памятник лётчикам и инженерам французского
авиаполка «Нормандия-Неман» в парижском
пригороде Ле-Бурже
Скульптор В. СУРОВЦЕВ

Памятник лётчикам и инженерам французского авиаполка
«Нормандия-Неман» в московском районе Лефортово
Скульптор А. КОВАЛЬЧУК

ПРОТИВ ЛЖИ И ФАЛЬСИФИКАЦИЙ

Ю.А. НИКИФОРОВ — Научная гипотеза или безответственное словоблудие?

ПРОТИВ ЛЖИ И ФАЛЬСИФИКАЦИЙ

НАУЧНАЯ ГИПОТЕЗА ИЛИ БЕЗОТВЕТСТВЕННОЕ СЛОВОБЛУДИЕ?

Важнейшим видом социальной памяти является память народа о своём происхождении и своём прошлом. «Для того чтобы любая социальная группа обрела коллективную идентичность, — пишет американский историк Дж. Тош, — ей необходимо общее понимание событий и опыта, постепенно формировавших эту группу. Иногда оно включает общепринятое поверие относительно происхождения этой группы, как это имеет место во многих национальных государствах; или акцент делается на ярких поворотных этапах и моментах символического характера, подкрепляющих представление группы о себе и её устремлениях»¹. Память о своём прошлом помогает людям лучше и глубже понять настоящее, осознать свои взаимоотношения с другими народами, яснее представить себе возможное будущее. Особенно мощно консолидирующая и вдохновляющая роль социальной памяти проявляется в периоды резких перемен в жизни общества, в моменты опасности для существования нации. В таких ситуациях политики и государственные деятели часто апеллируют к ярким эпизодам из прошлого своего народа для того, чтобы сплотить и воодушевить сограждан, напомнив им о славных деяниях предков. В трудные моменты истории социальная память народа оказывается источником духовной силы и патриотического воодушевления всего населения.

До недавнего времени в нашей стране историки и популяризаторы исторических знаний не покушались на символы социальной памяти, ибо обычно в событии-символе сохраняется воспоминание о реально важном эпизоде истории народа. Исследователи стремились лишь обогатить, дополнить социальную память, сделать её точнее и полнокровнее. Социальная память русского народа опиралась на труды Н.М. Карамзина и С.М. Соловьёва, В.О. Ключевского и С.Ф. Платонова, И.Е. Забелина и Н.Г. Устрялова, на работы советских историков. Художественная и популярная литература черпала свой материал из работ этих профессиональных учёных.

К сожалению, во второй половине XX века как история, так и популярная историческая литература стали испытывать сильнейшее влияние идеологии и политики. В атмосфере «холодной войны» задача просвещения постепенно уступила место целям пропаганды. Историческое просвещение в трудах зарубежных популяризаторов истории постепенно уступило место откровенной националистической пропаганде. Для иллюстрации достаточно привести один весьма характерный пример. В недавно изданной обширной «Патриотической истории Соединённых Штатов» в главе под названием «Прекраснейший час демократии, 1941—45» американские историки Л. Швейкерт и М. Аллен приводят такой перечень важнейших событий Второй мировой войны:

«Сентябрь, 1939: Гитлер захватывает Польшу, и в Европе начинается Вторая мировая война.

1940: Германия осуществляет разгром французских и британских вооружённых сил во Франции; Франция капитулирует и подвергается оккупации; оккупируется Норвегия; битва за Англию.

7 декабря 1941: Япония нападает на Пёрл-Харбор.

1942: Соединённые Штаты и Британия высаживаются в Северной Африке; Джимми Дулитл бомбит Токио (февраль); битвы в Коралловом море (май) и у атолла Мидуэй (июнь).

1943: союзники приступают к бомбардировкам в Европе, наносят поражение Африканскому корпусу, оккупируют Сицилию и Италию (июль).

1944: вторжение во Францию (шестое июня); освобождение Парижа (август); высадка на Филиппинах и сражение в заливе Лейте (октябрь).

1945: Германия капитулирует (май); высадка на Иводжима и Окинаве; испытание атомной бомбы; атомная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки (шестого и девятого августа); капитуляция Японии.

1946: речь Уинстона Черчилля о «железном занавесе», начало холодной войны.

1947: план Маршалла, создание Северо-Атлантического пакта»².

Надо ли комментировать эту, с позволения сказать, «историю»? А ведь «холодная война» вроде бы закончилась, и авторы вполне могли бы в числе важнейших событий Второй мировой упомянуть и нападение Германии на СССР, раз уж они не забыли о Норвегии. Но такого упоминания, как мы видим, нет. Совсем недавно было модно поносить советскую историографию за её идеологизированность, за якобы покорное следование партийным инструкциям, но советские историки никогда не забывали упомянуть о вкладе США и Англии в общую победу над фашизмом. Но пусть историки и популяризаторы из зарубежных стран формируют социальную память своих народов — это их дело. Зададимся вопросом: всё ли благополучно у нас в стране?

В последние двадцать лет было издано огромное количество популярной исторической литературы, которая направлена не на укрепление социальной памяти, не на её обогащение, дополнение, уточнение, а, напротив, — на её разрушение. Особенно усердствует телевидение, последовательно дискредитирующее все наиболее важные события российской истории, имеющие символическое значение. Более того, целая «школа» академика А.Т. Фоменко трудится над доказательством того, что у России вообще не было истории, по крайней мере, эта история на 500 лет короче, чем привыкли думать.

Великая Отечественная война, безусловно, является одной из опор коллективной памяти российского народа. Образ войны и Победы является символом могущества нашего Отечества, единения людей разных национальностей, социальных и возрастных групп, служит напоминанием об огромном духовном потенциале, которым обладают Россия и её народ. Осознание этого обстоятельства заставляет с особой ответственностью относиться к повторяющимся время от времени попыткам предложить обществу «новое прочтение», пересмотр устоявшихся представлений относительно возникновения Второй мировой войны, обстоятельств её развязывания, роли и места Великой Отечественной войны («Восточного фронта») в общем ходе военных действий и их итогов.

Специалисты в области военной истории давно бьют тревогу в связи с тем, что освещение событий 1941—1945 гг. во многих средствах массовой информации ведётся предвзято, крайне идеологизированно, с нарочитым пренебрежением к фактам и документам. Вот как оценивает ситуацию известный историк Ю.В. Рубцов: «Сегодня нас понуждают полностью сдать позиции, которые всегда считались незыблемыми, потому что отражали объективную реальность. А именно: усвоить, что всё в нашей истории было либо “неправильным”, либо вовсе преступным; признать агрессором не фашистскую Германию, а Советский Союз; согласиться с тем, что не военная машина Гитлера, а кремлёвское руководство планомерно уничтожало во время войны советский народ... что наши полководцы — бездари, способные побеждать не иначе как большой кровью...»³.

Наиболее одиозной фигурой, прочно ассоциирующейся с ложью и фальсификацией о событиях Великой Отечественной войны, является В. Суворов*. За последние годы было издано немало работ, в которых показана полная несостоятельность его «версий», основанных на подлогах аргументации⁴. Однако эстафета ниспровержения «тоталитарных мифов» — а на деле конструирования новой мифологии — подхвачена в сочинениях Б. Соколова, М. Солонина, В. Бешанова, В. Кольковского, И. Кузнецова, К. Плешакова и ряда других авторов, компилирующих новые литературные поделки на основе заложенной автором «Ледокола» В. Суворовым «идейной базы».

В этом ряду стоит рассматривать и появившуюся недавно на прилавках магазинов книгу** А. Осокина, который излагает свою, «новую, невероятную, переворачивающую все былые представления», версию трагического для СССР начала войны, которая, по его мнению, конечно же, и является той самой правдой, которую от нас (равно как от всего человечества) до сих пор тщательно скрывали. И скрывали не только пресловутые, столь нелюбимые В. Суворовым и его эпигонами «коммунистические историки» — в заговоре по сохранению этой «великой тайны» участвовали и участвуют политики и историки других стран, прежде всего Германии и Англии.

Суть «открытия», сделанного А. Осокиным, сводится к следующему. Оказывается, в соответствии с тайными договорённостями Сталина и Гитлера войска Красной армии готовились к совместному с вермахтом нападению на Англию, для чего должны были в железнодорожных эшелонах проследовать на территорию Германии для участия в грандиозной десантной операции на

Британские острова. Однако Гитлер изменил свои намерения после того, как весной 1941 года получил от Черчилля заверения о том, что английские вооружённые силы примут участие в нападении на СССР, и предпочел разгромить своего незадачливого восточного «союзника», воспользовавшись его беспримерной доверчивостью и слепотой. «Представьте, — восклицает А. Осокин, — ситуацию: по готовящимся летом 1944 года к высадке в Нормандии ещё не получившим боеприпасы американским войскам вдруг наносят неожиданный смертельный удар войска английские!» (с. 93). Именно это, по мнению автора, произошло на границе 22 июня 1941 года, и именно этим объясняется столь катастрофический для Красной армии исход начального периода войны.

Эта экстравагантная версия преподносится в книге как научная гипотеза, подкреплённая, по словам автора предисловия А. Владимирова, «почти исчерпывающей информацией» и «скрупулезной документированностью».

Любой читатель, мало-мальски осведомлённый о технологии работы историка, с нетерпением будет ждать от автора столь смелой, действительно невероятной «гипотезы» её документального подтверждения. Но тщетно будет листать он книгу в надежде, что автору стали известны какие-то сенсационные документы или мемуарные свидетельства, ранее скрывавшиеся в недоступных простым смертным архивах. Напрасно: в книге их нет. Вообще. В этом отношении А. Осокин превзошёл В. Суворова — тот по крайней мере приводил то одну, то другую цитату, постоянно подчёркивая, что их содержание свидетельствует в пользу его «версии». Осокин же прямо заявляет: «Прямых документальных свидетельств о совместных германо-советских планах операции против Англии и её колоний летом 1941 года до сих пор не найдено и, возможно, не будет найдено никогда» (с. 99).

Это, однако, не мешает псевдо-историку излагать события предвоенного периода таким образом, будто главный тезис его «гипотезы» в доказательстве и не нуждается. Его «истинность» иллюстрируется за счёт привлечения «отдельных деталей самых разных документов, мемуаров», «деталей устных рассказов доживших до наших дней ветеранов войны», которые хоть в какой-то мере поддаются истолкованию в рамках авторской «гипотезы». Поскольку и этих «деталей» катастрофически, недопустимо мало, то для «понимания истинных причин решений и событий», признает автор, приходится «использовать аналитику» (с. 100).

В основе рассуждений А. Осокина, как в своё время у В. Суворова, лежит постулат о «нетерпимом отношении Сталина к доводимым до его сведения фактам, свидетельствующим о подготовке Гитлера к нападению на СССР» (с. 36). Не верил Сталин разведке, верил Гитлеру — и всё тут! Обсуждать обоснованность этого тезиса, заимствованного из работ советских историков «шестидесятнического» толка, или подвергать его столь необходимому, по их мнению, «переосмыслению» Суворов и его эпигоны не стремились — он был им нужен именно как аксиоматическое утверждение (единственное, кстати, из всего багажа пресловутых «коммунистических историков»). Не считает нужным этого делать и А. Осокин. Далее из факта «необъяснимой слепоты» Сталина перед угрозой германского нападения делается «великая тайна» и — мели Емеля, твоя неделя!

И вот обнаруживается целый ряд «загадочных», «необъяснимых» фактов, которые могут получить удовлетворительное объяснение якобы только с точки зрения правильности предлагаемой новой «гипотезы». Например, 22 июня 1941 года бойцам 27-го рембата 84-й дивизии 11-й армии ПрибОВО выдали майки и трусы вместо кальсон и рубашек — это, считает А. Осокин, свидетельствует о том, что дивизия предназначалась для участия в десантной операции против Англии, и Сталин озаботился, чтобы «проезжающие через Европу красноармейцы и командиры достойно выглядели перед местным населением» (с. 61, 421, 422).

Почему был репрессирован ряд советских военачальников (П.В. Рычагов, Я.В. Смушкевич, Б.Л. Ванников, К.А. Мерецков, И.И. Проскуров и др.)? Многочисленные «странности», связанные с их арестом и последующей трагической судьбой, обусловлены, по мнению Осокина, причастностью названных лиц к подготовке советско-германской высадки на Британские острова — Сталин «заметал следы» (с. 242—262). Однако большинство репрессированных были арестованы до 22 июня (когда выяснилось, что Гитлер обманул Сталина и никакого совместного десанта не будет). Зачем же было «ликвидировать» людей, от которых должен был зависеть успех затеваемой операции, до начала её осуществления? Причастность названных деятелей к «великой

тайне» (в которую, по А. Осокину, не были посвящены даже члены Политбюро!) должна была гарантировать их от ареста до 22 июня 1941 года, т.е. до той поры как стало ясно, что замысел Сталина провалился. Вот уж действительно странность!

Подозрительным кажется А. Осокину траурное выражение лиц И. Риббентропа и Й. Геббельса на фотоснимках, датированных 22 июня 1941 года. В чём же дело? Загадка! «Видимо, — заключает он, — в Берлине уже получили известие, что Черчилль обманул Гитлера и не нанёс обещанного удара по СССР» (с. 424).

«Похоже, — продолжает он, — что дата последнего письма Я.И. Джугашвили домой кем-то подправлена: “21” переделано на “26”. Очередная загадка! К счастью, она «вполне объяснима, если предположить, что Яков Джугашвили вместе со своей частью был в числе войск Красной армии, перебрасываемых по железной дороге к Дортмунду через оккупированную немцами Польшу и Германию, и пересёк советско-германскую границу 21 июня» («фотоприложения», с. 64).

Правда, «загадочных» фактов, которые можно было бы подвергать под нужное объяснение, оказывается, не так уж и много. Видимо поэтому А. Осокин готов черпать их откуда угодно, даже из художественной литературы. Так, уверяя читателя, что некоторые советские части успели накануне войны проследовать через границу на территорию Польши, он приводит пример из сочинения И. Бунича, где рассказывается о героической гибели на территории оккупированной немцами Польши танковой дивизии из состава 14-го механизированного корпуса под командованием подполковника С. Медникова. Обнаружив, что среди командиров 14-мехкорпуса подполковник Медников никогда не значился, А. Осокин не собирается отказываться от столь «веского аргумента» в пользу своей версии: «Вопрос о “реальности пребывания” танковой дивизии С. Медникова “остаётся открытым”», — глубокомысленно заключает он (с. 283, 349).

Помимо привлечения к доказательству «гипотезы» этих и других, столь же «весомых фактов», А. Осокин не стесняется комментировать известные источники — например, выдержки из дневника Ф. Гальдера — приписывая им тот смысл, который ему удобен. Некоторые из этих комментариев настолько экстравагантны, что дают дополнительные основания усомниться в серьёзности намерений автора: уж не шутит ли он? Например, предположение, что содержание записей в дневнике Ф. Гальдера не соответствует его «гипотезе» потому, что те предназначались для дезинформации — «большого блефа», «целевой утечки в сторону туманного Альбиона» (с. 109). Может быть, и изложенная в книге А. Осокина «гипотеза» — тоже всего лишь розыгрыш, мистификация?

По мере углубления в толщу книги это впечатление усиливается, так как, пытаясь втиснуть известные факты в прокрустово ложе своей «гипотезы», А. Осокин вынужден придумывать всё более забавные версии для их объяснения, в которых в конечном счёте запутывается сам, и становится уже невозможно понять, например: Р. Гесс прилетел в Англию по заданию Гитлера или же по собственной инициативе? Может быть, он оказался там против воли не только фюрера, но и своей собственной? Это трудно представить, но А. Осокин уверяет, что и этот вариант возможен! (с. 73). Летал ли Гесс вообще в Англию? Следующий шаг, продолжающий этот ряд версий, самоопровержений и снова версий — предположить, что Гесс в Англию не летал. А кто же летал? Используя любую зацепку для выдвижения всё более фантастических версий, А. Осокин в то же время игнорирует известный историкам массив фактов и документов, привлечение которого сразу же остановило бы безудержный полёт его фантазии. Например, множество предположений выдвигается им по поводу «странностей» первого налёта немецкой авиации на советские города (с. 189—209). Ему кажется таинственным, что в донесениях о нападении на Севастополь вражеские самолёты названы «неизвестными», прилетели они со стороны Турции, и налёт состоялся за час до начала войны. Объяснить это, считает А. Осокин, можно только тем, что налёт был совершён британскими ВВС, поскольку Черчилль до последнего момента имитировал свою верность достигнутой через Гесса договорённости о совместном нападении на СССР. Специалистам известно, однако, что согласно дневнику 4-го авиакорпуса 4-го воздушного флота люфтваффе налёт осуществили 9 бомбардировщиков Хе-111 из состава 6-й эскадрильи 4-й бомбардировочной эскадры с целью заминировать вход в бухту Севастополя⁵. Вопреки домыслам А. Осокина интенсивность боевых действий на западе после полёта Гесса не снизилась. Вечером 21 июня англичане предприняли чуть ли не самую крупную из проведённых с начала

лета 1941 года воздушных операций (но не против СССР, а против Германии!), в ходе которой были сбиты 9 немецких и 7 английских самолётов. Можно ли согласовать эти факты с новой «гипотезой», не прибегая к очередному витку домыслов и искажений?

Необходимой историографической предпосылкой содержащегося в книге А. Осокина «помола» является отвержение всех вариантов описания событий кануна войны и объяснения причин поражений Красной армии, выработанных как отечественными, так и зарубежными историками в предшествующие годы.

«22 июня 1941 года — одна из самых страшных дат в жизни нашего народа... — начинает своё повествование А. Осокин. — Навсегда остался вопрос: как же такое могло случиться?.. Кто же за это несёт ответственность? Ответа на этот вопрос пока нет» (с. 23). В аннотации к книге также подчёркнуто, что «ни одна из обнародованных до сих пор» версий не даёт «внятных ответов» на имеющиеся вопросы, и «тайна первого дня Великой Отечественной войны до сих пор не разгадана». Дальше читателю предлагается карикатурное изложение имеющихся в исторической литературе точек зрения («от официоза до Резуна»), целью которого, в сущности, является показать, что все имеющиеся в историографии варианты — всего лишь мнения, «версии», в равной степени малообоснованные и потому равноправные в своих претензиях на истинность: «версия» писателя Бунича, «версия» предателя Резуна...

Выработанные и согласованные несколькими поколениями советских (а теперь российских, равно как и белорусских, украинских и т.д.) учёных-историков представления о предвоенном развитии Советского государства, внешней и внутренней политике сталинского руководства, причинах поражений Красной армии в начале войны — также всего лишь одна из «версий» в этом ряду (всего их А. Осокин насчитал восемь). Естественно, что мешает кому бы то ни было при надлежащем воображении предложить ещё одну, новую версию?

На деле же, однако, никаких «версий» относительно этих событий в историографии нет и быть не может: дискуссии среди специалистов по предвоенному периоду, в том числе о причинах неудачного для Красной армии начала войны ведутся в рамках достаточно жёсткой системы координат, заданной имеющимися в распоряжении исследователей источниками. Конечно, ничто не мешало литераторам И. Буничу, Э. Радзинскому, В. Карпову создавать сочинения в жанре исторической беллетристики, в том числе и о кануне войны, но их творчество никак не может быть учтено в работе историков-профессионалов. Напротив, последние не раз отмечали, что достижения специалистов зачастую попросту игнорируются многими деятелями искусств, избравшими для самовыражения столь непростую тему, как канун и начало Великой Отечественной войны.

Но если автор претендует на то, что в его сочинении излагается «научная гипотеза», он не имеет права пренебрегать методами и приёмами, выработанными в науке для отделения зёрен истины от плевел домыслов и фантазий. Можно ли представить, что А. Осокину неизвестно, что любая историческая реконструкция опирается на источники, и без этой опоры разговор об исторических фактах вообще невозможен? Нет источника — нет факта, нет и самой истории.

Поскольку выдвинутая А. Осокиным «гипотеза» не только не основана на анализе известных источников, но и игнорирует накопленный к настоящему времени массив документов — в его построениях нет и описания кануна Великой Отечественной войны. Изложенная в книге версия ни в коей мере не может быть названа научной гипотезой, это просто фантазии, безответственное словоблудие. Поистине — тупик псевдоисторической мысли.

Отрицая за сочинением А. Осокина какую-либо научную значимость, тем не менее нужно отметить, что предложенная им очередная «версия» хорошо вписывается в общую тенденцию, проявившуюся в современной российской историографии, посвящённой предыстории и начальному периоду Великой Отечественной войны. В последние годы на прилавках книжных магазинов появилось множество сочинений, авторы которых с разной степенью убедительности пытаются предложить «новое прочтение» истории кануна и начала Великой Отечественной. Эти книги написаны с разных идеологических позиций: так, А. Мартиросян объясняет причины поражений 1941 года наличием «троцкистского заговора» и «вредительством» генералов во главе с главными троцкистами — Г.К. Жуковым и С.К. Тимошенко. М. Солонин «творчески» развивает концепцию, основы которой в годы «холодной войны» были заложены «Архипелагом Гулаг» А.И. Солженицына и журналом «Посев» и так далее. Некоторые обличают агрессивность СССР,

якобы подготавливавшего нападение на Германию, другие видят в этом намерении лишь проявление прагматизма и реалистичности сталинского руководства или даже «патриотично» сожалеют о том, что осуществление этого замысла было сорвано Гитлером. Не собираясь здесь затевать разговор об обоснованности и научной состоятельности каждой из «новинок» книжного рынка, отметим присущий им общий концептуальный подход — стремление объяснить поражения Красной армии летом 1941 года сугубо внутренними причинами: порочностью и преступностью советского общественно-политического строя (М. Солонин), предательством высшего генералитета (А. Мартиросян) или, как у А. Осокина, «проигранной вождём предвоенной дипломатией» (с. 426). В результате создаётся картина, в которой нацизму, Гитлеру, вермахту при анализе трагических событий и обстоятельств начала войны просто не остаётся места. Но можно ли представить, что в суде при разборе дела о вооружённом ограблении судья и прокурор приняли бы с пристрастием допрашивать жертву: как же вы допустили, что вас ограбили? Ай-яй-яй, сами виноваты, нечего ночью по тёмным улицам ходить! Посторонний наблюдатель сделал бы вывод о пристрастности такого суда, и был бы совершенно прав.

Другая тенденция, также отчетливо проявившаяся в историографии, связана с негативистским отношением к трудам предшественников. Это отношение присуще не только сочинениям названных выше авторов — оно в большей или меньшей степени характерно для более широкого пласта военно-исторической литературы. Своего рода ритуалом становятся заявления, что «официальная историография» ни в коей мере не смогла дать адекватного описания событий Великой Отечественной войны. Имярек же в своих работах впервые (!) предлагает правдивую реконструкцию событий, наконец-то даёт внятные (!) ответы на все те вопросы, над которыми десятилетиями бились не только отечественные, но и зарубежные историки. Чем более категорично и громогласно делаются соответствующие заявления, тем более легковесные, рассчитанные на широкую, недостаточно образованную аудиторию версии и «гипотезы» мы находим под обложкой книги. Как и другие представители этого жанра, А. Осокин на страницах своего более чем шестисотстраничного опуса не раз и не два заявляет, что ему наконец-то удалось раскрыть «великую тайну», которую так тщательно скрывали и до сих пор скрывают сильные мира сего... Увы.

Стоит оговориться: мы вовсе не полагаем возможным дискредитировать кого бы то ни было на том основании, что квалификация и образование не позволяют ему писать о военной истории. Это нужно подчеркнуть, потому что в некоторых новейших публикациях можно встретить утверждения, будто о войне могут грамотно писать только те, кто прошёл соответствующую военно-теоретическую подготовку (имеет за плечами «хотя бы школу прапорщиков»⁷). Поддерживать данную точку зрения было бы абсурдно, потому что это значило бы, что об истории внешней политики могут квалифицированно судить только дипломаты, об истории медицины — врачи и т.д. Напротив, мы настаиваем на том, что историю должны писать историки. А для них обоснованность той или иной гипотезы, грамотность или безграмотность того или иного текста определяются качеством проведённого критического анализа источников, степенью полноты использованной источниковой базы. Но как раз этому критерию книга А. Осокина ни в коей мере не соответствует.

Описанное явление не есть особенность только литературы о Второй мировой войне. Специалисты давно обратили внимание на рост числа псевдоисторических сочинений по русской истории (начиная от Рюрика и заканчивая современностью), авторы которых выказывают одни и те же претензии. «Пафос подобного рода монстров, — отмечают авторы сборника статей, содержащих критику современной “псевдоисторической мысли”, — неизменно сводится либо к ниспровержению существующих представлений о тех или иных исторических событиях, либо к осуждению того, что уже свершилось в истории. Первый случай понятен: историки — дурачье... Во втором случае монстр просто объясняет аудитории, как мерзко и неправильно вели себя далёкие предки и как надо было им себя вести, чтобы всё было хорошо»⁸.

Надо ли говорить, что умножение числа подобных сочинений наносит непоправимый вред социальной памяти. К числу очевидных последствий следует отнести падение исторической грамотности у молодёжи и в обществе в целом. Общество приучается к восприятию истории не как науки, способной добыть объективное знание, но как литературного творчества. Если история — лишь субъективная интерпретация, чья-то «версия», «мнение» или «миф» — что мешает

любому энтузиасту заняться конструированием и тиражированием собственного мифа? Если прошлое «непредсказуемо», достоверно установленных фактов попросту нет, то обесмысливается преподавание истории как учебной дисциплины в школах и вузах. От утверждения о непредсказуемости российского прошлого один шаг до признания того, что у России прошлого вообще нет. Результат — общество постепенно лишается исторической памяти. В своё время президент Франции Ф. Миттеран сказал: «Народ, не занимающийся изучением своей истории, — это народ, который утрачивает свою идентичность»⁹.

К сожалению, опасность утраты исторической памяти осознаётся весьма немногими. По-видимому, сегодня как никогда важно, чтобы историки осознали свою социальную функцию — хранить и укреплять социальную память о прошлом — и решительно выступили против разрушителей этой памяти.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Тол Дж.* Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. М.: Весь мир, 2000. С. 12.
- 2 *Larry Schweikart and Michael Allen.* A Patriot's History of the United States. From Columbus's Great Discovery to the War on Terror. N.Y., Sentinel (USA), 2004. P. 591, 592.
- 3 *Рубцов Ю.В.* Штрафники Великой Отечественной. В жизни и на экране. М.: Вече, 2007. С. 7.
- 4 Из последних работ см.: *Помогайбо А.* Псевдоисторик Суворов и загадки Второй мировой войны. М.: Вече, 2002; *Грызун В.* Как Виктор Суворов сочинял историю. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003; *Исаев А.* Антисуворов. М.: Изд-во Яуза, Изд-во Эксмо, 2004; *Суворов В.* Ледокол 2. М., 2003.
- 5 См.: *Хазанов Д.Б.* 1941. Горькие уроки. М.: Яуза, ЭКСМО, 2006. С. 144.
- 6 См.: *Зефирова М.В.* Асы люфтваффе. Дневная истребительная авиация. Н. Новгород, 2000. С. 162, 163.
- 7 Именно к таким аргументам, например, прибегает В.М. Мельников, пытаясь дискредитировать А.В. Исаева. См.: Военно-исторический архив. № 8(92). 2007. С. 171—191.
- 8 *Володихин Д., Елисеева О., Олейников Д.* История на продажу. Тупики псевдоисторической мысли. М.: Вече, 2005. С. 7.
- 9 Цит. по: *Про А.* Двенадцать уроков по истории. М.: РГГУ, 1999. С. 15.

Ю.А. НИКИФОРОВ

* Виктор Суворов — литературный псевдоним. Настоящее имя — Резун Владимир Богданович.

** *Осокин А.* Великая тайна Великой Отечественной: новая гипотеза начала войны. М.: Время, 2007. 672 с.

ПРОТИВ ЛЖИ И ФАЛЬСИФИКАЦИЙ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРАВДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ — НЕ ОБЪЕКТ ДЛЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВЫМЫСЛА

Выход на экраны отечественных кинотеатров военной драмы «Сволочи» по якобы автобиографической повести Владимира Кунина, повествующей о также якобы существовавшей в годы войны в горах Казахстана диверсионной школе, где проходили подготовку несовершеннолетние преступники, неоднозначно был воспринят в российском обществе. Для молодого поколения это был очередной незамысловатый «экшен» со спецэффектами, стрельбой и блатным жаргоном и попыткой авторов убедить зрителя, что самую кровопролитную войну в истории человечества выиграли именно благодаря малолеткам-уголовникам. Благо до этого в широком прокате уже были показаны и, судя по опросам общественного мнения, имели большой успех фильмы «Гуга», «Штрафбат», «Диверсант» и другие «эпосы» российского кинематографа последних лет, пытающиеся сделать переоценку ценностей и роли тех или иных формирований в годы Великой Отечественной войны. Люди старшего поколения наверняка задались

вопросом о самом факте существования подобного военизированного подразделения даже в столь суровые годы.

Справедливости ради необходимо отметить, что неудачи начали преследовать фильм с самого начала. Так, ещё до выхода его на широкий экран центр общественных связей ФСБ России и Комитет национальной безопасности Республики Казахстан после изучения архивных документов заявили, что в годы войны подобного рода «детских диверсионных школ» в системе органов НКВД — НКГБ не существовало. При этом подобная школа действительно была, но... в нацистской Германии, на её базе велась подготовка несовершеннолетних диверсантов из республик СССР, насильно вывезенных фашистами из страны. В конце концов под тяжестью неопровержимых доказательств режиссёру фильма Александру Атанесяну пришлось признать, что «Сволочи» не претендуют на историческую достоверность, а являются лишь не более чем вымыслом самих авторов. Хотя прежде точка зрения Атанесяна было прямо противоположной.

Очередная крупная неудача при большом скоплении общественности постигла фильм на вручении премии «Кинонаграда MTV-2007», когда известный актер и режиссёр Владимир Меньшов отказался вручить премию в номинации «Лучший фильм» и уступил это «почётное право» модели Памеле Андерсен.

При этом ФСБ России, и в первую очередь ветераны-чекисты, не ограничились лишь официальными заявлениями, а пошли дальше. В рекордные сроки после выхода «Сволочей» в прокат в издательстве «Эксмо» была опубликована книга*, повествующая о нелёгкой работе несовершеннолетних ребят в рядах НКВД в годы Великой Отечественной войны.

Этот труд включает в себя две документальные повести об истинных малолетних героях той кровопролитной войны. Так, повесть Теодора Гладкова и Юрия Калиниченко «Воздаяние и возмездие» рассказывает о молодёжной комсомольской группе, действовавшей в первые годы войны в городе Людиново Калужской области и его окрестностях. Её возглавлял самый молодой резидент НКВД шестнадцатилетний Алексей Шумавцов, посмертно удостоенный высокого звания Героя Советского Союза. По фабуле повесть схожа с произведением Александра Фадеева «Молодая гвардия», повествующая о группе комсомольцев-краснодонцев, вступивших в неравную схватку с немецко-фашистскими захватчиками. Но при этом «Молодая гвардия» является всё-таки художественным произведением, а «Воздаяние и возмездие» полностью основано на архивных документах органов государственной безопасности России. Именно благодаря богатому архивному и фактологическому материалу, ранее не известному широкой общественности, произведение получилось насыщенным и довольно увлекательным.

Название повести выбрано не случайно. В ней красной нитью проходит, с одной стороны, любовь к Родине, беззаветная преданность ей даже в ситуации, когда кажется, что всё закончилось, борьба не на жизнь, а на смерть и как результат, несмотря на гибель главных героев — всенародное признание и государственные награды. Это — воздаяние. С другой стороны — предательство, измененность, жестокость, желание выслужиться перед захватчиками, нередко за счёт унижения и лишения жизни своих же односельчан и как результат — справедливый приговор и расстрел — это возмездие.

В повести Валерия Сафонова «В особый отдел не вернулся...» рассказывается реальная история боевой деятельности четырнадцатилетнего пионера-героя Петра Петрова — разведчика Особого отдела НКВД Ленинградского фронта, совершившего с августа по октябрь 1941 года одиннадцать (!) переходов линии фронта в тыл противника.

Пётр Петров родился осенью 1927 года в деревне Молосковицы Волосовского района Ленинградской области в крестьянской семье. К началу войны ему было неполных четырнадцать лет. В начале августа 1941 года он втайне от родителей ушёл из дома и

прибился к одной из танковых частей. Своё первое задание — разведать силы и средства, которыми располагал противник в одной из деревень района, — юный диверсант получил 22 августа. Первый боевой опыт оказался неудачным. Петра схватили и отправили в концлагерь. Однако ему удалось бежать, и он доставил добытые сведения в штаб полка. Вскоре юного героя отправили в Ленинград, где после прохождения ускоренного курса спецподготовки его включили в списки 6-го отделения Особого отдела НКВД Ленинградского фронта.

Несовершеннолетнему разведчику, по сути ещё ребёнку, поручали выполнение самых сложных и ответственных заданий, то, что было не под силу матёрым диверсантам. Так, в начале сентября 1941 года Петров был заброшен в тыл противника с целью узнать местоположение и координаты немецкой артиллерийской батареи, не дававшей покоя жителям Колпино и бойцам фронта. В следующий раз, возвращаясь с задания, Пётр чуть не погиб на минном поле, но вновь доставил в штаб ценные данные. А потом снова были новые задания, переходы через линию фронта, встречи со старыми друзьями и сотни спасённых благодаря добытым сведениям жизнью солдат и офицеров.

Жизнь четырнадцатилетнего героя оборвалась трагически. Возвращаясь с очередного, одиннадцатого по счёту выхода в тыл противника, юный разведчик попал под бомбёжку немецкой авиации и погиб.

Читая две повести настоящего сборника, читатель узнаёт о простых ребятах и девочках, которые в свои четырнадцать—восемнадцать лет хотели жить и любить, но на чей век выпала нелёгкая доля по защите Родины. Действительно, некоторым из этих несовершеннолетних патриотов приходилось выполнять под руководством старших товарищей сложные, порой, казалось бы, невыполнимые разведывательные задания. Но делали это ребята сугубо добровольно, движимые чувством патриотизма и любви к Отечеству.

Книга Т. Гладкова, Ю. Калиниченко и В. Сафонова очень нужна сегодня современным читателям, особенно молодым. В ней дан достойный отпор создателям фильма «Сволочи», лживо и тенденциозно показавшим деятельность советских подростков в тылу врага в годы Великой Отечественной, а также всем, кто клеветает не только на страну, победившую в самой кровопролитной и страшной войне, но и «на самых юных, неспособных после своей безвременной гибели защитить себя от поклёпов...». Именно такие книги помогут подрастающему поколению определить для себя — кто же на самом деле сволочи.

Майор Д.Г. ГУЖВА

* Не Сволочи, или Дети-разведчики в тылу врага. М.: Яуза; Эксмо, 2006. 480 с.

Д.Г. ГУЖВА — Историческая правда Великой Отечественной войны — не объект для художественного вымысла

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941—1945 гг.

С.А. ТЮШКЕВИЧ — Преумножим духовный потенциал Великой Победы!

И.И. КОВТУН — По кровавым следам: преступления зондеркоманды 4-а в июне 1941 — январе 1942 года

«Я парламентёр, прибыл по заданию командования Красной армии». К 65-летию разгрома советскими войсками немецко-фашистских войск в Сталинградской битве

(Публикация А.Ю. БЕЗУГОЛЬНОГО)

А.Ю. ЧЕРЕДНИКОВА — Без толмачей не обходится ни одна война

Г.Д. ПИЛИШВИЛИ — Добровольческие военизированные формирования Центрального Черноземья. 1941—1942 гг.

В.И. СОКОЛОВА — Трудный путь домой. Репатриация советских граждан из Германии в 1945 году

М.А. МАКОВ — Формирование и боевая деятельность истребительного авиационного полка «Нормандия–Неман»

ВОЕННОЕ ИСКУССТВО

М.А. БОБРОВ — Борьба за господство в воздухе на советско-германском фронте. 1941—1945 гг.

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

В предчувствии неотвратимости надвигающейся угрозы. Система связи и управления Красной армии накануне Великой Отечественной войны

(Публикация В.С. ХОХЛОВА)

ИЗ ИСТОРИИ ФОРТИФИКАЦИИ

В.Г. СИМОНЕНКО — Третья оборона Севастополя

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ

И.М. ЦАЛЬКОВИЧ — «Застарелая порт-артурская болезнь... по-прежнему нуждалась в серьёзном лечении»

(Публикация В.Г. СИМОНЕНКО)

П.М. Курочкин — «Большое количество имущества связи... было утрачено в первые дни войны»

(Публикация А.П. ЖАРСКОГО)

ЛОКАЛЬНЫЕ ВОЙНЫ И ВООРУЖЁННЫЕ КОНФЛИКТЫ XX—XXI ВЕКА

В.Т. СЕРКОВ — Советники советской армии в Египте. 1967—1970гг.

ИЗ ИСТОРИИ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

В.И. ШАРЫЙ — Поддержка СССР национально-освободительного движения стран Африки в 1960—1970-е годы

ЗАБЫТОЕ ИМЯ

И.В. ЗИМИН — Царский телохранитель Карл Кох

ПОЛКОВОДЦЫ И ВОЕНАЧАЛЬНИКИ

Ю.Н. ГЕРАСИМОВА — «Полное удовольствие за... ограждение жителей от всяких стеснений». Участие М.Т. Лорис-Меликова в Восточной (Крымской) войне

ИСТОРИЯ ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ

В.Н. КАРПОВ

В.А. АВДЕЕВ, — Из революционеров — в разведчики

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

В.А. ШАМАНОВ — Они сражались за Родину в Заполярье

В.М. КУЛИШ — Германская стратегия во Второй мировой войне

В.М. ЧИКОВ — Война без объявления войны или полёт «Наглого орла — 2007»

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

Против лжи и фальсификаций

Никифоров Юрий Александрович —

старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, кандидат исторических наук, доцент (Москва)

Научная гипотеза или безответственное словоблудие?

Важнейшим видом социальной памяти является память народа о своём происхождении и своём прошлом. «Для того чтобы любая социальная группа обрела коллективную идентичность, — пишет американский историк Дж.Тош, — ей необходимо общее понимание событий и опыта, постепенно формировавших эту группу. Иногда оно включает общепринятое поверие относительно происхождения этой группы, как это имеет место во многих национальных государствах; или акцент делается на ярких поворотных этапах и моментах символического характера, подкрепляющих представление группы о себе и её устремлениях»¹.

Память о своём прошлом помогает людям лучше и глубже понять настоящее, осознать свои взаимоотношения с другими народами, яснее представить себе возможное будущее. Особенно мощно консолидирующая и вдохновляющая роль социальной памяти проявляется в периоды резких перемен в жизни общества, в моменты опасности для существования нации. В таких ситуациях политики и государственные деятели часто апеллируют к ярким эпизодам из прошлого своего народа для того, чтобы сплотить и воодушевить сограждан, напомнив им о славных деяниях предков. В трудные моменты истории социальная память народа оказывается источником духовной силы и патриотического воодушевления всего населения.

До недавнего времени в нашей стране историки и популяризаторы исторических знаний не покушались на символы социальной памяти, ибо обычно в событии-символе сохраняется воспоминание о реально важном эпизоде истории народа. Исследователи стремились лишь обогатить, дополнить социальную память, сделать её точнее и полнокровнее. Социальная память русского народа опиралась на труды Н.М.Карамзина и С.М.Соловьёва, В.О.Ключевского и С.Ф.Платонова, И.Е.Забелина и Н.Г.Устрялова, на работы советских историков. Художественная и популярная литература черпала свой материал из работ этих профессиональных учёных.

К сожалению, во второй половине XX века как история, так и популярная историческая литература стали испытывать сильнейшее влияние идеологии и политики. В атмосфере «холодной войны» задача просвещения постепенно уступила место целям пропаганды. Историческое просвещение в трудах зарубежных популяризаторов истории постепенно уступило место откровенной националистической пропаганде. Для иллюстрации достаточно привести один весьма характерный пример. В недавно изданной обширной «Патриотической истории Соединённых Штатов» в главе под названием «Прекраснейший час демократии, 1941—45» американские историки Л.Швейкарт и М.Аллен приводят такой перечень важнейших событий Второй мировой войны:

«Сентябрь, 1939: Гитлер захватывает Польшу, и в Европе начинается Вторая мировая война.

1940: Германия осуществляет разгром французских и британских вооружённых сил во Франции; Франция капитулирует и подвергается оккупации; оккупируются Норвегия; битва за Англию.

7 декабря 1941: Япония нападает на Пёрл-Харбор.

1942: Соединённые Штаты и Британия высаживаются в Северной Африке; Джимми Дулитл бомбит Токио (февраль); битвы в Коралловом море (май) и у атолла Мидуэй (июнь).

1943: союзники приступают к бомбардировкам в Европе, наносят поражение Африканскому корпусу, оккупируют Сицилию и Италию (июль).

1944: вторжение во Францию (шестое июня); освобождение Парижа (август); высадка на Филиппинах и сражение в заливе Лейте (октябрь).

1945: Германия капитулирует (май); высадка на Иводжима и Окинаве; испытание атомной бомбы; атомная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки (шестого и девятого августа); капитуляция Японии.

1946: речь Уинстона Черчилля о «железном занавесе», начало холодной войны.

1947: план Маршалла, создание Северо-Атлантического пакта»².

Надо ли комментировать эту, с позволения сказать, «историю»? А ведь «холодная война» вроде бы закончилась, и авторы вполне могли бы в числе важнейших событий Второй мировой упомянуть и нападение Германии на СССР, раз уж они не забыли о Норвегии. Но такого упоминания, как мы видим, нет. Совсем недавно было модно поносить советскую историографию за её идеологизированность, за якобы покорное следование партийным инструкциям, но советские историки никогда не забывали упомянуть о вкладе США и Англии в общую победу над фашизмом. Но пусть историки и популяризаторы из зарубежных стран формируют социальную память своих народов — это их дело. Зададимся вопросом: всё ли благополучно у нас в стране?

В последние двадцать лет было издано огромное количество популярной исторической литературы, которая направлена не на укрепление социальной памяти, не на её обогащение, дополнение, уточнение, а, напротив, — на её разрушение. Особенно усердствует телевидение, последовательно дискредитирующее все наиболее важные события российской истории, имеющие символическое значение. Более того, целая «школа» академика А.Т.Фоменко трудится над доказательством того, что у России вообще не было истории, по крайней мере, эта история на 500 лет короче, чем привыкли думать.

Великая Отечественная война, безусловно, является одной из опор коллективной памяти российского народа. Образ войны и Победы является символом могущества нашего Отечества, единения людей разных национальностей, социальных и возрастных групп, служит напоминанием об огромном духовном потенциале, которым обладают Россия и её народ. Осознание этого обстоятельства заставляет с особой ответственностью относиться к повторяющимся время от времени попыткам предложить обществу «новое прочтение», пересмотр устоявшихся представлений относительно возникновения Второй мировой войны, обстоятельств её развязывания, роли и места Великой Отечественной войны («Восточного фронта») в общем ходе военных действий и их итогов.

Специалисты в области военной истории давно бьют тревогу в связи с тем, что освещение событий 1941—1945гг. во многих средствах массовой информации ведётся предвзято, крайне идеологизированно, с нарочитым пренебрежением к фактам и документам. Вот как оценивает ситуацию известный историк Ю.В.Рубцов: «Сегодня нас понуждают полностью сдать позиции, которые всегда считались незыблемыми, потому что отражали объективную реальность. А именно: усвоить, что всё в нашей истории было либо “неправильным”, либо вовсе преступным; признать агрессором не фашистскую Германию, а Советский Союз; согласиться с тем, что не военная машина Гитлера, а кремлёвское руководство планомерно уничтожало во время войны советский народ... что наши полководцы — бездари, способные побеждать не иначе как большой кровью...»³.

Наиболее одиозной фигурой, прочно ассоциирующейся с ложью и фальсификацией о событиях Великой Отечественной войны, является В.Суворов*. За последние годы было издано немало работ, в которых показана полная несостоятельность его «версий», основанных на подлогах аргументации⁴. Однако эстафета ниспровержения «тоталитарных мифов» — а на деле конструирования новой мифологии — подхвачена в сочинениях Б.Соколова, М. Солонина, В.Бешанова, В.Кольковского, И.Кузнецова, К. Плешакова и ряда других авторов, компилирующих новые литературные поделки на основе заложенной автором «Ледокола» В.Суворовым «идейной базы».

В этом ряду стоит рассматривать и появившуюся недавно на прилавках магазинов книгу** А.Осокина, который излагает свою, «новую, невероятную, переворачивающую все былые представления», версию трагического для СССР начала войны, которая, по его мнению, конечно же, и является той самой правдой, которую от нас (равно как от всего человечества) до сих пор тщательно скрывали. И скрывали не только пресловутые, столь нелюбимые В.Суворовым и его эпигонами «коммунистические историки» — в заговоре по сохранению этой «великой тайны» участвовали и участвуют политики и историки других стран, прежде всего Германии и Англии.

Суть «открытия», сделанного А.Осокиным, сводится к следующему. Оказывается, в соответствии с тайными договорённостями Сталина и Гитлера войска Красной армии готовились к совместному с вермахтом нападению на Англию, для чего должны были в железнодорожных эшелонах проследовать на территорию Германии для участия в грандиозной десантной операции на Британские острова. Однако Гитлер изменил свои намерения после того, как весной 1941 года получил от Черчилля заверения о том, что английские вооружённые силы примут участие в нападении на СССР, и предпочел разгромить своего незадачливого восточного «союзника», воспользовавшись его беспримерной доверчивостью и слепотой. «Представьте, — восклицает А.Осокин, — ситуацию: по готовящимся летом 1944года к высадке в Нормандии ещё не получившим боеприпасы американским войскам вдруг наносят неожиданный смертельный удар войска английские!» (с. 93). Именно это, по мнению автора, произошло на границе 22июня 1941года, и именно этим объясняется столь катастрофический для Красной армии исход начального периода войны.

Эта экстравагантная версия преподносится в книге как научная гипотеза, подкреплённая, по словам автора предисловия А.Владимирова, «почти исчерпывающей информацией» и «скрупулезной документированностью».

Любой читатель, мало-мальски осведомлённый о технологии работы историка, с нетерпением будет ждать от автора столь смелой, действительно невероятной «гипотезы» её документального подтверждения. Но тщетно будет листать он книгу в надежде, что автору стали известны какие-то сенсационные документы или мемуарные свидетельства, ранее скрывавшиеся в недоступных простым смертным архивах. Напрасно: в книге их нет. Вообще. В этом отношении А.Осокин превзошёл В.Суворова — тот по крайней мере приводил то одну, то другую цитату, постоянно подчёркивая, что их содержание свидетельствует в пользу его «версии». Осокин же прямо заявляет: «Прямых документальных свидетельств о совместных германо-советских планах операции против Англии и её колоний летом 1941 года до сих пор не найдено и, возможно, не будет найдено никогда» (с. 99).

Это, однако, не мешает псевдо-историку излагать события предвоенного периода таким образом, будто главный тезис его «гипотезы» в доказательстве и не нуждается. Его «истинность» иллюстрируется за счёт привлечения «отдельных деталей самых разных документов, мемуаров»,

«деталей устных рассказов доживших до наших дней ветеранов войны», которые хоть в какой-то мере поддаются истолкованию в рамках авторской «гипотезы». Поскольку и этих «деталей» катастрофически, недопустимо мало, то для «понимания истинных причин решений и событий», признает автор, приходится «использовать аналитику» (с. 100).

В основе рассуждений А.Осокина, как в своё время у В.Суворова, лежит постулат о «нетерпимом отношении Сталина к доводимым до его сведения фактам, свидетельствующим о подготовке Гитлера к нападению на СССР» (с. 36). Не верил Сталин разведке, верил Гитлеру — и всё тут! Обсуждать обоснованность этого тезиса, заимствованного из работ советских историков «шестидесятнического» толка, или подвергать его столь необходимому, по их мнению, «переосмыслению» Суворов и его эпигоны не стремились — он был им нужен именно как аксиоматическое утверждение (единственное, кстати, из всего багажа пресловутых «коммунистических историков»). Не считает нужным этого делать и А.Осокин. Далее из факта «необъяснимой слепоты» Сталина перед угрозой германского нападения делается «великая тайна» и — мели Емеля, твоя неделя!

И вот обнаруживается целый ряд «загадочных», «необъяснимых» фактов, которые могут получить удовлетворительное объяснение якобы только с точки зрения правильности предлагаемой новой «гипотезы». Например, 22 июня 1941года бойцам 27-го рембата 84-й дивизии 11-й армии ПриБОВО выдали майки и трусы вместо кальсон и рубашек — это, считает А.Осокин, свидетельствует о том, что дивизия предназначалась для участия в десантной операции против Англии, и Сталин озаботился, чтобы «проезжающие через Европу красноармейцы и командиры достойно выглядели перед местным населением» (с.61, 421, 422).

Почему был репрессирован ряд советских военачальников (П.В.Рычагов, Я.В.Смушкевич, Б.Л.Ванников, К.А.Мерецков, И.И.Проскурков и др.)? Многочисленные «странности», связанные с их арестом и последующей трагической судьбой, обусловлены, по мнению Осокина, причастностью названных лиц к подготовке советско-германской высадки на Британские острова — Сталин «заметал следы» (с.242—262). Однако большинство репрессированных были арестованы до 22 июня (когда выяснилось, что Гитлер обманул Сталина и никакого совместного десанта не будет). Зачем же было «ликвидировать» людей, от которых должен был зависеть успех затеваемой операции, до начала её осуществления? Причастность названных деятелей к «великой тайне» (в которую, по А.Осокину, не были посвящены даже члены Политбюро!) должна была гарантировать их от ареста до 22июня 1941года, т.е. до той поры как стало ясно, что замысел Сталина провалился. Вот уж действительно странность!

Подозрительным кажется А.Осокину траурное выражение лиц И.Риббентропа и Й.Геббельса на фотоснимках, датированных 22июня 1941года. В чём же дело? Загадка! «Видимо, — заключает он, — в Берлине уже получили известие, что Черчилль обманул Гитлера и не нанёс обещанного удара по СССР» (с. 424).

«Похоже, — продолжает он, — что дата последнего письма Я.И.Джугашвили домой кем-то подправлена: “21” переделано на “26”. Очередная загадка! К счастью, она «вполне объяснима, если предположить, что Яков Джугашвили вместе со своей частью был в числе войск Красной армии, перебрасываемых по железной дороге к Дортмунду через оккупированную немцами Польшу и Германию, и пересёк советско-германскую границу 21 июня» («фотоприложения», с. 64).

Правда, «загадочных» фактов, которые можно было бы подвергать под нужное объяснение, оказывается, не так уж и много. Видимо поэтому А. Осокин готов черпать их откуда угодно, даже из художественной литературы. Так, уверяя читателя, что некоторые советские части успели накануне войны проследовать через границу на территорию Польши, он приводит пример из сочинения И. Бунича, где рассказывается о героической гибели на территории оккупированной немцами Польши танковой дивизии из состава 14-го механизированного корпуса под командованием подполковника С.Медникова. Обнаружив, что среди командиров 14-мехкопуста подполковник Медников никогда не значился, А.Осокин не собирается отказываться от столь «веского аргумента» в пользу своей версии: «Вопрос о “реальности пребывания” танковой дивизии С.Медникова “остаётся открытым”», — глубокомысленно заключает он (с. 283, 349).

Помимо привлечения к доказательству «гипотезы» этих и других, столь же «весомых фактов», А.Осокин не стесняется комментировать известные источники — например, выдержки из дневника Ф.Гальдера — приписывая им тот смысл, который ему удобен. Некоторые из этих комментариев настолько экстравагантны, что дают дополнительные основания усомниться в серьёзности намерений автора: уж не шутит ли он? Например, предположение, что содержание записей в дневнике Ф.Гальдера не соответствует его «гипотезе» потому, что те предназначались для дезинформации — «большого блефа», «целевой утечки в сторону туманного Альбиона» (с. 109). Может быть, и изложенная в книге А.Осокина «гипотеза» — тоже всего лишь розыгрыш, мистификация?

По мере углубления в толщу книги это впечатление усиливается, так как, пытаясь втиснуть известные факты в прокрустово ложе своей «гипотезы», А.Осокин вынужден придумывать всё более забавные версии для их объяснения, в которых в конечном счёте запутывается сам, и становится уже невозможно понять, например: Р.Гесс прилетел в Англию по заданию Гитлера или же по собственной инициативе? Может быть, он оказался там против воли не только фюрера, но и своей собственной? Это трудно представить, но А.Осокин уверяет, что и этот вариант возможен! (с. 73). Летал ли Гесс вообще в Англию? Следующий шаг, продолжающий этот ряд версий, самоопровержений и снова версий — предположить, что Гесс в Англию не летал. А кто же летал?

Используя любую зацепку для выдвижения всё более фантастических версий, А.Осокин в то же время игнорирует известный историкам массив фактов и документов, привлечение которого сразу же остановило бы безудержный полёт его фантазии. Например, множество предположений выдвигается им по поводу «странностей» первого налёта немецкой авиации на советские города (с.189—209). Ему кажется таинственным, что в донесениях о нападении на Севастополь вражеские самолёты названы «неизвестными», прилетели они со стороны Турции, и налёт состоялся за час до начала войны. Объяснить это, считает А.Осокин, можно только тем, что налёт был совершён британскими ВВС, поскольку Черчилль до последнего момента имитировал свою верность достигнутой через Гесса договорённости о совместном нападении на СССР. Специалистам известно, однако, что согласно дневнику 4-го авиакорпуса 4-го воздушного флота люфтваффе налёт осуществили 9 бомбардировщиков Хе-111 из состава 6-й эскадрильи 4-й бомбардировочной эскадры с целью заминировать вход в бухту Севастополя⁵. Вопреки домыслам А.Осокина интенсивность боевых действий на западе после полёта Гесса не снизилась. Вечером 21 июня англичане предприняли чуть ли не самую крупную из проведённых с начала лета 1941года воздушных операций (но не против СССР, а против Германии!), в ходе которой были сбиты 9 немецких и 7 английских самолётов⁶. Можно ли согласовать эти факты с новой «гипотезой», не прибегая к очередному витку домыслов и искажений?

Необходимой историографической предпосылкой содержащегося в книге А.Осокина «помола» является отвержение всех вариантов описания событий кануна войны и объяснения причин поражений Красной армии, выработанных как отечественными, так и зарубежными историками в предшествующие годы.

«22 июня 1941 года — одна из самых страшных дат в жизни нашего народа... — начинает своё повествование А.Осокин. — Навсегда остался вопрос: как же такое могло случиться?.. Кто же за это несёт ответственность? Ответа на этот вопрос пока нет» (с.23). В аннотации к книге также подчёркнуто, что «ни одна из обнародованных до сих пор» версий не даёт «внятных ответов» на имеющиеся вопросы, и «тайна первого дня Великой Отечественной войны до сих пор не разгадана». Дальше читателю предлагается карикатурное изложение имеющихся в исторической литературе точек зрения («от официоза до Резуна»), целью которого, в сущности, является показать, что все имеющиеся в историографии варианты — всего лишь мнения, «версии», в равной степени малообоснованные и потому равноправные в своих претензиях на истинность: «версия» писателя Бунича, «версия» предателя Резуна...

Выработанные и согласованные несколькими поколениями советских (а теперь российских, равно как и белорусских, украинских и т.д.) учёных-историков представления о предвоенном развитии Советского государства, внешней и внутренней политике сталинского руководства, причинах поражений Красной армии в начале войны — также всего лишь одна из «версий» в этом ряду (всего их А.Осокин насчитал восемь). Естественно, что мешает кому бы то ни было при надлежащем воображении предложить ещё одну, новую версию?

На деле же, однако, никаких «версий» относительно этих событий в историографии нет и быть не может: дискуссии среди специалистов по предвоенному периоду, в том числе о причинах неудачного для Красной армии начала войны ведутся в рамках достаточно жёсткой системы координат, заданной имеющимися в распоряжении исследователей источниками. Конечно, ничто не мешало литераторам И.Буничу, Э.Радзинскому, В.Карпову создавать сочинения в жанре исторической беллетристики, в том числе и о кануне войны, но их творчество никак не может быть учтено в работе историков-профессионалов. Напротив, последние не раз отмечали, что достижения специалистов зачастую попросту игнорируются многими деятелями искусств, избравшими для самовыражения столь непростую тему, как канун и начало Великой Отечественной войны.

Но если автор претендует на то, что в его сочинении излагается «научная гипотеза», он не имеет права пренебрегать методами и приёмами, выработанными в науке для отделения зёрен истины от плевел домыслов и фантазий. Можно ли представить, что А.Осокину неизвестно, что любая историческая реконструкция опирается на источники, и без этой опоры разговор об исторических фактах вообще невозможен? Нет источника — нет факта, нет и самой истории.

Поскольку выдвинутая А.Осокиным «гипотеза» не только не основана на анализе известных источников, но и игнорирует накопленный к настоящему времени массив документов — в его построениях нет и описания кануна Великой Отечественной войны. Изложенная в книге версия ни в коей мере не может быть названа научной гипотезой, это просто фантазии, безответственное словоблудие. Поистине — тупик псевдоисторической мысли.

Отрицая за сочинением А. Осокина какую-либо научную значимость, тем не менее нужно отметить, что предложенная им очередная «версия» хорошо вписывается в общую тенденцию, проявившуюся в современной российской историографии, посвящённой предыстории и

начальному периоду Великой Отечественной войны. В последние годы на прилавках книжных магазинов появилось множество сочинений, авторы которых с разной степенью убедительности пытаются предложить «новое прочтение» истории кануна и начала Великой Отечественной. Эти книги написаны с разных идеологических позиций: так, А.Мартиросян объясняет причины поражений 1941 года наличием «троцкистского заговора» и «вредительством» генералов во главе с главными троцкистами — Г.К.Жуковым и С.К.Тимошенко. М.Солонин «творчески» развивает концепцию, основы которой в годы «холодной войны» были заложены «Архипелагом Гулаг» А.И.Солженицына и журналом «Посев» и так далее. Некоторые обличают агрессивность СССР, якобы подготавливавшего нападение на Германию, другие видят в этом намерении лишь проявление прагматизма и реалистичности сталинского руководства или даже «патриотично» сожалеют о том, что осуществление этого замысла было сорвано Гитлером. Не собираясь здесь затевать разговор об обоснованности и научной состоятельности каждой из «новинок» книжного рынка, отметим присущий им общий концептуальный подход — стремление объяснить поражения Красной армии летом 1941 года сугубо внутренними причинами: порочностью и преступностью советского общественно-политического строя (М.Солонин), предательством высшего генералитета (А.Мартиросян) или, как у А. Осокина, «проигранной вождём предвоенной дипломатией» (с. 426). В результате создаётся картина, в которой нацизму, Гитлеру, вермахту при анализе трагических событий и обстоятельств начала войны просто не остаётся места. Но можно ли представить, что в суде при разборе дела о вооружённом ограблении судья и прокурор принялись бы с пристрастием допрашивать жертву: как же вы допустили, что вас ограбили? Ай-яй-яй, сами виноваты, нечего ночью по тёмным улицам ходить! Посторонний наблюдатель сделал бы вывод о пристрастности такого суда, и был бы совершенно прав.

Другая тенденция, также отчетливо проявившаяся в историографии, связана с негативистским отношением к трудам предшественников. Это отношение присуще не только сочинениям названных выше авторов — оно в большей или меньшей степени характерно для более широкого пласта военно-исторической литературы. Своего рода ритуалом становятся заявления, что «официальная историография» ни в коей мере не смогла дать адекватного описания событий Великой Отечественной войны. Имярек же в своих работах впервые (!) предлагает правдивую реконструкцию событий, наконец-то дает внятные (!) ответы на все те вопросы, над которыми десятилетиями бились не только отечественные, но и зарубежные историки. Чем более категорично и громогласно делаются соответствующие заявления, тем более легковесные, рассчитанные на широкую, недостаточно образованную аудиторию версии и «гипотезы» мы находим под обложкой книги. Как и другие представители этого жанра, А.Осокин на страницах своего более чем шестисотстраничного опуса не раз и не два заявляет, что ему наконец-то удалось раскрыть «великую тайну», которую так тщательно скрывали и до сих пор скрывают сильные мира сего... Увы.

Стоит оговориться: мы вовсе не полагаем возможным дискредитировать кого бы то ни было на том основании, что квалификация и образование не позволяют ему писать о военной истории. Это нужно подчеркнуть, потому что в некоторых новейших публикациях можно встретить утверждения, будто о войне могут грамотно писать только те, кто прошёл соответствующую военно-теоретическую подготовку (имеет за плечами «хотя бы школу прапорщиков»⁷). Поддерживать данную точку зрения было бы абсурдно, потому что это значило бы, что об истории внешней политики могут квалифицированно судить только дипломаты, об истории медицины — врачи и т.д. Напротив, мы настаиваем на том, что историю должны писать историки. А для них обоснованность той или иной гипотезы, грамотность или безграмотность того или иного текста определяются качеством проведённого критического анализа источников, степенью полноты

использованной источниковой базы. Но как раз этому критерию книга А.Осокина ни в коей мере не соответствует.

Описанное явление не есть особенность только литературы о Второй мировой войне. Специалисты давно обратили внимание на рост числа псевдоисторических сочинений по русской истории (начиная от Рюрика и заканчивая современностью), авторы которых выказывают одни и те же претензии. «Пафос подобного рода монстров, — отмечают авторы сборника статей, содержащих критику современной “псевдоисторической мысли”, — неизменно сводится либо к ниспровержению существующих представлений о тех или иных исторических событиях, либо к осуждению того, что уже свершилось в истории. Первый случай понятен: историки — дурачье... Во втором случае монстр просто объясняет аудитории, как мерзко и неправильно вели себя далёкие предки и как надо было им себя вести, чтобы всё было хорошо»⁸.

Надо ли говорить, что умножение числа подобных сочинений наносит непоправимый вред социальной памяти. К числу очевидных последствий следует отнести падение исторической грамотности у молодёжи и в обществе в целом. Общество приучается к восприятию истории не как науки, способной добыть объективное знание, но как литературного творчества. Если история — лишь субъективная интерпретация, чья-то «версия», «мнение» или «миф» — что мешает любому энтузиасту заняться конструированием и тиражированием собственного мифа? Если прошлое «непредсказуемо», достоверно установленных фактов попросту нет, то обесмысливается преподавание истории как учебной дисциплины в школах и вузах. От утверждения о непредсказуемости российского прошлого один шаг до признания того, что у России прошлого вообще нет. Результат — общество постепенно лишается исторической памяти. В своё время президент Франции Ф.Миттеран сказал: «Народ, не занимающийся изучением своей истории, — это народ, который утрачивает свою идентичность»⁹.

К сожалению, опасность утраты исторической памяти осознаётся весьма немногими. По-видимому, сегодня как никогда важно, чтобы историки осознали свою социальную функцию — хранить и укреплять социальную память о прошлом — и решительно выступили против разрушителей этой памяти.

* Виктор Суворов — литературный псевдоним. Настоящее имя — Резун Владимир Богданович.

** *Осокин А.* Великая тайна Великой Отечественной: новая гипотеза начала войны. М.: Время, 2007. 672 с.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Тош Дж.* Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. М.: Весь мир, 2000. С. 12.

² *Larry Schweikart and Michael Allen.* A Patriot's History of the United States. From Columbus's Great Discovery to the War on Terror. N.Y., Sentinel (USA), 2004. P. 591, 592.

³ *Рубцов Ю.В.* Штрафники Великой Отечественной. В жизни и на экране. М.: Вече, 2007. С. 7.

⁴ Из последних работ см.: *Помогайбо А.* Псевдоисторик Суворов и загадки Второй мировой войны. М.: Вече, 2002; *ГрызунВ.* Как Виктор Суворов сочинял историю. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003; *Исаев А.* Антисуворов. М.: Изд-во Яуза, Изд-во Эксмо, 2004; *Суворов В.* Ледокол 2. М., 2003.

⁵ См.: *Хазанов Д.Б.* 1941. Горькие уроки. М.: Яуза, ЭКСМО, 2006. С. 144.

⁶ См.: *Зефирова М.В.* Асы люфтваффе. Дневная истребительная авиация. Н.Новгород, 2000. С. 162, 163.

⁷ Именно к таким аргументам, например, прибегает В.М.Мельников, пытаясь дискредитировать А.В.Исаева. См.: Военно-исторический архив. №8(92). 2007. С.171—191.

⁸ *Володихин Д., Елисеева О., Олейников Д.* История на продажу. Тупики псевдоисторической мысли. М.: Вече, 2005. С. 7.

⁹ Цит. по: *Про А.* Двенадцать уроков по истории. М.: РГУ, 1999. С.15.

Гужва Дмитрий Геннадьевич —

адъюнкт кафедры истории Военного университета МО РФ, майор (Москва)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРАВДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ — НЕ ОБЪЕКТ ДЛЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВЫМЫСЛА

Выход на экраны отечественных кинотеатров военной драмы «Сволочи» по якобы автобиографической повести Владимира Кунина, повествующей о также якобы существовавшей в годы войны в горах Казахстана диверсионной школе, где проходили подготовку несовершеннолетние преступники, неоднозначно был воспринят в российском обществе. Для молодого поколения это был очередной незамысловатый «экшен» со спецэффектами, стрельбой и блатным жаргоном и попыткой авторов убедить зрителя, что самую кровопролитную войну в истории человечества выиграла именно благодаря малолеткам-уголовникам. Благо до этого в широком прокате уже были показаны и, судя по опросам общественного мнения, имели большой успех фильмы «Гу-га», «Штрафбат», «Диверсант» и другие «эпосы» российского кинематографа последних лет, пытающиеся сделать переоценку ценностей и роли тех или иных формирований в годы Великой Отечественной войны. Люди старшего поколения наверняка задались вопросом о самом факте существования подобного военизированного подразделения даже в столь суровые годы.

Справедливости ради необходимо отметить, что неудачи начали преследовать фильм с самого начала. Так, ещё до выхода его на широкий экран центр общественных связей ФСБ России и Комитет национальной безопасности Республики Казахстан после изучения архивных документов заявили, что в годы войны подобного рода «детских диверсионных школ» в системе органов НКВД — НКГБ не существовало. При этом подобная школа действительно была, но... в нацистской Германии, на её базе велась подготовка несовершеннолетних диверсантов из республик СССР,

насилно вывезенных фашистами из страны. В конце концов под тяжестью неопровержимых доказательств режиссёру фильма Александру Атанесяну пришлось признать, что «Сволочи» не претендуют на историческую достоверность, а являются лишь не более чем вымыслом самих авторов. Хотя прежде точка зрения Атанесяна было прямо противоположной.

Очередная крупная неудача при большом скоплении общественности постигла фильм на вручении премии «Кинонаграда MTV-2007», когда известный актер и режиссёр Владимир Меньшов отказался вручить премию в номинации «Лучший фильм» и уступил это «почётное право» модели Памеле Андерсен.

При этом ФСБ России, и в первую очередь ветераны-чекисты, не ограничились лишь официальными заявлениями, а пошли дальше. В рекордные сроки после выхода «Сволочей» в прокат в издательстве «Эксмо» была опубликована книга*, повествующая о нелёгкой работе несовершеннолетних ребят в рядах НКВД в годы Великой Отечественной войны.

Этот труд включает в себя две документальные повести об истинных малолетних героях той кровопролитной войны. Так, повесть Теодора Гладкова и Юрия Калиниченко «Воздаяние и возмездие» рассказывает о молодёжной комсомольской группе, действовавшей в первые годы войны в городе Людиново Калужской области и его окрестностях. Её возглавлял самый молодой резидент НКВД шестнадцатилетний Алексей Шумавцов, посмертно удостоенный высокого звания Героя Советского Союза. По фабуле повесть схожа с произведением Александра Фадеева «Молодая гвардия», повествующая о группе комсомольцев-краснодонцев, вступивших в неравную схватку с немецко-фашистскими захватчиками. Но при этом «Молодая гвардия» является всё-таки художественным произведением, а «Воздаяние и возмездие» полностью основано на архивных документах органов государственной безопасности России. Именно благодаря богатому архивному и фактологическому материалу, ранее не известному широкой общественности, произведение получилось насыщенным и довольно увлекательным.

Название повести выбрано не случайно. В ней красной нитью проходит, с одной стороны, любовь к Родине, беззаветная преданность ей даже в ситуации, когда кажется, что всё закончилось, борьба не на жизнь, а на смерть и как результат, несмотря на гибель главных героев — всенародное признание и государственные награды. Это — воздаяние. С другой стороны — предательство, низменность, жестокость, желание выслужиться перед захватчиками, нередко за счёт унижения и лишения жизни своих же односельчан и как результат — справедливый приговор и расстрел — это возмездие.

В повести Валерия Сафонова «В особый отдел не вернулся...» рассказывается реальная история боевой деятельности четырнадцатилетнего пионера-героя Петра Петрова — разведчика Особого отдела НКВД Ленинградского фронта, совершившего с августа по октябрь 1941 года одиннадцать (!) переходов линии фронта в тыл противника.

Пётр Петров родился осенью 1927 года в деревне Молосковицы Волосовского района Ленинградской области в крестьянской семье. К началу войны ему было неполных четырнадцать лет. В начале августа 1941 года он втайне от родителей ушёл из дома и прибил к одной из танковых частей. Своё первое задание — разведать силы и средства, которыми располагал противник в одной из деревень района, — юный диверсант получил 22 августа. Первый боевой опыт оказался неудачным. Петра схватили и отправили в концлагерь. Однако ему удалось бежать, и он доставил добытые сведения в штаб полка.

Вскоре юного героя отправили в Ленинград, где после прохождения ускоренного курса спецподготовки его включили в списки 6-го отделения Особого отдела НКВД Ленинградского фронта.

Несовершеннолетнему разведчику, по сути ещё ребёнку, поручали выполнение самых сложных и ответственных заданий, то, что было не под силу матёрым диверсантам. Так, в начале сентября 1941 года Петров был заброшен в тыл противника с целью узнать местоположение и координаты немецкой артиллерийской батареи, не дававшей покоя жителям Колпино и бойцам фронта. В следующий раз, возвращаясь с задания, Пётр чуть не погиб на минном поле, но вновь доставил в штаб ценные данные. А потом снова были новые задания, переходы через линию фронта, встречи со старыми друзьями и сотни спасённых благодаря добытым сведениям жизнью солдат и офицеров.

Жизнь четырнадцатилетнего героя оборвалась трагически. Возвращаясь с очередного, одиннадцатого по счёту выхода в тыл противника, юный разведчик попал под бомбёжку немецкой авиации и погиб.

Читая две повести настоящего сборника, читатель узнаёт о простых ребятах и девочках, которые в свои четырнадцать—восемнадцать лет хотели жить и любить, но на чей век выпала нелёгкая доля по защите Родины. Действительно, некоторым из этих несовершеннолетних патриотов приходилось выполнять под руководством старших товарищей сложные, порой, казалось бы, невыполнимые разведывательные задания. Но делали это ребята сугубо добровольно, движимые чувством патриотизма и любви к Отечеству.

Книга Т. Гладкова, Ю. Калининченка и В. Сафонова очень нужна сегодня современным читателям, особенно молодым. В ней дан достойный отпор создателям фильма «Сволочи», лживо и тенденциозно показавшим деятельность советских подростков в тылу врага в годы Великой Отечественной, а также всем, кто клеветает не только на страну, победившую в самой кровопролитной и страшной войне, но и «на самых юных, неспособных после своей безвременной гибели защитить себя от поклёпов...». Именно такие книги помогут подрастающему поколению определить для себя — кто же на самом деле сволочи.

* Не Сволочи, или Дети-разведчики в тылу врага. М.: Яуза; Эксмо, 2006. 480 с

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941—1945 гг.

ТЮШКЕВИЧ Степан Андреевич —

ведущий научный сотрудник Института военной истории МО РФ, генерал-майор в отставке, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР (Москва)

ПРЕУМНОЖИМ ДУХОВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ!

В арсенале средств патриотического воспитания граждан России, особенно молодёжи, особую роль играет духовный потенциал Великой Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.

По своей сущности духовный потенциал Великой Победы — это специфическое проявление общественного сознания, которое на рационально-идеологическом, общественно-психологическом и морально-нравственном уровне выражает не только социально-исторический смысл Великой Отечественной войны, но и определённую степень готовности народа и его армии не утратить воли к решению задач, стоящих ныне перед обществом и государством.

Отметим, что формированию духовного потенциала Великой Победы способствовали как социальные, культурные и научно-технические преобразования, осуществлённые в стране до начала Великой Отечественной войны, так и мощные воздействия генетической памяти народа, способствовавшие осознанию им опасности, нависшей над Отечеством, и укрепившие уверенность в том, что борьба с захватчиками, как и прежде, является правым делом, в котором нельзя не одержать победы.

В содержание духовного потенциала входило также понимание того, что победа означает спасение исторического прошлого, своей территории, обеспечение независимости, сохранение социальных завоеваний. В результате победы над фашизмом Советский Союз вышел из войны с высоким морально-политическим авторитетом и возросшей военной силой, превратившись в одну из ведущих держав мира.

Победа над фашизмом создала условия для разрешения основных противоречий середины XX века, обеспечила сохранение прогрессивно-гуманистической перспективы развития человечества и демократических принципов жизни в различных формах, ликвидацию позорной колониальной системы и т.д. Исторический опыт человечества был существенно пополнен новым содержанием в сфере международного сотрудничества, осознанием общей ответственности за жизнь на Земле.

В целом же основное содержание духовного потенциала Великой Победы и поныне выражает глубинные истоки фундаментальных качеств подлинного гражданина нашего Отечества, без которых немислимы экономическое и социально-политическое развитие общества, обеспечение независимости и вооружённой защиты Российского государства.

Именно поэтому необходима актуализация духовного потенциала Великой Победы, возрождение его нравственных начал с целью повышения гражданской активности населения России, сплочения людей, их патриотического воспитания и мобилизации на решение созидательных задач.

Можно утверждать, что возрождение в массах духовного потенциала Великой Победы — главное звено патриотического воспитания российских граждан, прежде всего молодых, в современных условиях, и это должно стать особой заботой государства, политических партий, общественных организаций. При этом, как и прежде, в патриотическом воспитании велика роль Вооружённых сил.

Мы, люди старшего поколения, вынесшие на своих плечах войну, уверены, что, несмотря на многие упущения последних лет в сфере военно-исторического образования и военно-патриотического воспитания, ещё не утрачена их единая ценностная основа, их воспитательная функция ещё очень велика — нужны лишь соответствующие усилия по их возрождению.

В российском обществе были и есть здоровые силы, которые при определённых обстоятельствах способны актуализировать духовный потенциал Великой Победы в интересах развития Отечества и решения исторических задач, стоящих перед Российской Федерацией. Это нужно главным образом в интересах формирования у россиян чётких мировоззренческих позиций; сознания и самосознания народа, патриотизма — настоящего, действенного; идеологической и морально-психологической ориентации народа, его сплочения; сплочения народа и армии, всех граждан, независимо от этнонациональной принадлежности; формирования стимулов, мотивов поведения. Необходимо ныне делать всё, что можно, для усвоения россиянами, особенно молодёжью, всех слагаемых духовного потенциала Победы; человек всегда нуждается в ориентирах — исторических, героических, патриотических.

Духовный потенциал Победы был и остаётся фактором воспитания патриотов российского общества. Он призван помочь всем нашим людям стать настоящими патриотами и своими глазами увидеть момент, когда уйдёт в прошлое мрачная кризисная эпоха и займётся заря новой жизни.

Ковтун Иван Иванович —

старший редактор редакционного отдела Агентства «Военинформ» МО РФ, подполковник (Москва)

По кровавым следам: преступления зондеркоманды 4-а в июне 1941 — январе 1942 года

Одной из самых мрачных страниц Второй мировой войны является массовое уничтожение гражданского населения на оккупированной территории Советского Союза. Данной проблеме посвящено немало научных исследований как у нас в стране, так и за рубежом. Тем не менее вопрос о преступлениях гитлеровского режима по-прежнему актуален, в особенности сегодня, когда в странах Балтии вопреки совести и здравому смыслу ведётся реабилитация нацистских пособников.

Многочисленные документы и материалы, касающиеся преступлений немецких оккупантов, неопровержимо свидетельствуют, что ведущую роль в развертывании и проведении истребительной политики на Востоке играли ведомство Г.Гиммлера и подчинённые ему формирования полиции и войск СС. Среди них наиболее ужасные и чудовищные злодеяния совершались оперативными группами полиции безопасности и СД, или айнзатцгруппами (Einsatzgruppen der Sicherheitspolizei und des SD), сформированными главным управлением имперской безопасности (РСХА).

В предлагаемой читателям «Военно-исторического журнала» статье рассказывается о карательной деятельности зондеркоманды 4-а (Sonderkommando 4-a)¹, входившей в состав оперативной группы Ц (Einsatzgruppe C). Эта группа причастна к самым бесчеловечным акциям, на примере которых виден масштаб и системный характер преступлений немецких захватчиков.

Ведя подготовку к нападению на СССР, политическое руководство нацистской Германии, как и в предыдущих военных кампаниях, приняло решение об использовании в армейском тылу частей и подразделений, подчинённых рейхсфюреру СС. В «Инструкции об особых областях к директиве № 21 (план «Барбаросса»)» от 13 марта 1941 года, подписанной начальником главного командования вермахта (ОКВ) генерал-фельдмаршалом В.Кейтелем, говорилось, что рейхсфюрер СС «получает специальное задание, которое вытекает из идеи борьбы двух диаметрально противоположных систем. В рамках этого задания рейхсфюрер СС действует самостоятельно и на свою ответственность»². Гиммлер отвечал и за то, чтобы выполнение мероприятий, связанных со специальным заданием, не нарушало хода боевых операций. Остальные детали он был обязан согласовать с главным командованием сухопутных сил (ОКХ). Эту задачу Г.Гиммлер поручил шефу полиции безопасности и СД группенфюреру СС Р.Гейдриху³.

Переговоры между ОКХ и РСХА завершились 26 марта 1941 года составлением совместного проекта приказа «О деятельности зондеркоманд и оперативных групп и команд в оперативной зоне»⁴. После согласования с ОКВ 28 апреля того же года был подписан приказ «О регулировании деятельности полиции безопасности и СД в сухопутных войсках»⁵. 14 июня его дополнили ещё одним приказом — «О военной организации и применении сил полиции порядка и полиции безопасности (СД)»⁶. Эти документы определили правовой статус карательных подразделений РСХА, область их применения, численность и состав.

Формирование оперативных групп (ОГ) началось в середине мая 1941 года на базе школы пограничной полиции в Претцше-на-Эльбе (Саксония) и в ближайших городках — Дюбене и Бад-Шмидеберге⁷. Сюда прибыли свыше 2000 сотрудников СД, гестапо и криминальной полиции. Следует заметить: при отборе кадров Р.Гейдрих столкнулся с рядом трудностей, основной из которых было откровенное нежелание сотрудников РСХА заниматься истреблением мирных граждан (по опыту военных действий в Польше служащие органов безопасности «третьего рейха» хорошо понимали, какие задачи им придётся выполнять). Региональные отделения СД, гестапо и уголовной полиции, получив соответствующую разнарядку, стремились откомандировать в ОГ тех людей, без которых можно было обойтись. Однако, учитывая особый характер предстоявшей войны, в карательные команды направляли и профессионалов — сыщиков, экспертов-криминалистов, прокуроров, чиновников министерств, имевших учёные степени в области социологии, политэкономии и философии⁸. Большинство из них, конечно, трудно считать прирождёнными убийцами и садистами, но, привыкшие к беспрекословному подчинению, ониполнили ряды военно-террористических подразделений.

20 июня 1941 года отобранных сотрудников РСХА распределили по четырем оперативным группам (А, Б, Ц и Д) и 18 командам. Тремя днями ранее на закрытом совещании в Берлине⁹ Р.Гейдрих довел до командиров групп и команд приказ о проведении на захваченной территории комплекса репрессивно-карательных мер, начиная от арестов и уничтожения советских партийных работников, офицеров НКВД, армейских политруков и заканчивая ликвидацией евреев. Особое внимание обращалось на «еврейский вопрос», решение которого являлось едва ли не центральной задачей «крестового похода» против «еврейско-большевистской» системы.<...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала»

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Sonderkommando — специальная, или особая команда. Кроме специальных команд, в каждую оперативную группу входило несколько оперативных команд, или по-немецки Einsatzkommandos (айнзатцкоманды).

² Цит. по: Преступные цели — преступные средства: Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941—1945 гг.). М., 1985. С. 21.

³ Гейдрих Ойген Тристан Райнхард (7 марта 1904 г.— 4 июня 1942 г.). 1 июля 1931 г. вступил в Национал-социалистическую немецкую рабочую партию (НСДАП), 10 августа — в СС. 1 июля 1934 г. получил чин группенфюрера СС (генерал-лейтенанта). С сентября 1939 г. — начальник РСХА. С 27 сентября 1941г. — заместитель имперского протектора Богемии и Моравии. Организатор репрессий и террора. В начале июня 1942г. в результате нападения чешских диверсантов Гейдрих был тяжело ранен и после нескольких операций скончался в пражской больнице.

⁴ Krausnick H. Hitlers Einsatzgruppen. Die Truppe des Weltanschauungskrieges. Frankfurt/Main, 1985. S. 118.

⁵ Ueberschar G.R. Hitlers Entschluß zum «Lebensraum» — Krieg im Osten. Der deutsche Oberfall auf die Sowjetunion. Hrsg. G. Ueberschar, W. Wette. Frankfurt/ Main, 1991. S. 249.

⁶ Krausnick H. Op. cit. S. 306.

⁷ Ibid. S. 121.

⁸ См.: Хене Х. Черный орден СС. История охранных отрядов. М., 2004. С. 316.

⁹ Klein P. (Hg.). Die Einsatzgruppen in der besetzten Sowjetunion 1941/42. Tätigkeits-und Lageberichte des Chefs der Sicherheitspolizei und des SD. Berlin, 1997. S. 319.

Публикация: БЕЗУГОЛЬНЫЙ Алексей Юрьевич —

ведущий научный сотрудник Института военной истории МО РФ, кандидат исторических наук (Москва)

«Я ПАРЛАМЕНТЁР, ПРИБЫЛ ПО ЗАДАНИЮ КОМАНДОВАНИЯ КРАСНОЙ АРМИИ»

К 65-летию разгрома советскими войсками немецко-фашистских войск в Сталинградской битве

Предлагаемый вниманию читателей «Военно-исторического журнала» документ «Сообщение парламентаря Н-ской дивизии старшего лейтенанта Балашёва Ивана Яковлевича»¹ был

обнаружен среди материалов 7-го отделения (работа среди войск противника) политотдела 223-й стрелковой дивизии 37-й армии Закавказского фронта, действовавшей на территории Северного Кавказа. Очевидно, опыт старшего лейтенанта Балашёва был высоко оценен командованием и распространялся в войсках Красной армии как образец эффективной парламентерской миссии, весьма полезный для советских частей, повсеместно наступавших зимой 1942/43года на южном крыле советско-германского фронта.

По упоминаемым в сообщении дате события, топонимике и именах советского и румынского командиров без труда удалось установить исторический контекст описываемого И.Я.Балашёвым события. Речь идет о начальной фазе контрнаступления советских войск с целью окружения и уничтожения сталинградской группировки немецких войск и войск их союзников. В рамках реализации стратегического плана «Уран» войска 21-й армии Юго-Западного фронта, в составе которой была и 96-я стрелковая дивизия, 19ноября 1942года нанесли сходящиеся удары по частям 3-й румынской армии с плацдармов на правом берегу Дона в районах Серафимовича и Клетской. В тяжёлых боях с занимавшим выгодные оборонительные позиции противником к 21ноября советским войскам удалось окружить пять дивизий 4-го и 5-го армейских корпусов румын. Руководство румынской группировкой было возложено на упоминаемого в сообщении генерал-лейтенанта М.Ласкара² (в документе фамилия искажена — Ласкер) — самого известного из румынских военачальников. После расщепления 21ноября румынских войск в районе Распопинской М.Ласкар возглавил одну из частей группировки (5-я и 6-я пехотные дивизии). В эти дни А.Гитлер всячески пытался подбодрить этого, как он его называл, «примерного солдата» и «первого офицера наших союзных войск». 23 ноября фюрер удостоил Ласкара высшей военной награды гитлеровской Германии — Рыцарского креста с дубовыми листьями. Однако, не имея боеприпасов и горючего для продолжения боевых действий, в этот же день генерал-лейтенант М.Ласкар принял предложение советского командования о капитуляции и сдался в плен. В целом в котле под Распопинской в плен попали свыше 27тыс. румынских солдат и офицеров³. Уже после войны М.Ласкар сказал: «Как я благодарен судьбе за то, что она привела меня тогда к единственно правильному решению — сдаться в плен. Это спасло не только мою жизнь, но и жизни тысячам румынских солдат»⁴. Добавим, что это спасло жизни и многим советским солдатам. Несомненно, принятие верного решения румынским генералом было ускорено неожиданным появлением в его штабе русского парламентаря И.Я.Балашёва.

Читатель наверняка обратит внимание на спокойную решительность, наблюдательность, а также интеллигентность молодого советского старшего лейтенанта — уроженца алтайской деревни. Нельзя не заметить и того, как вежливо обращались с ним румынские офицеры, сохранявшие самообладание и офицерскую честь в той отчаянной для них обстановке. Сообщение написано в ярком, живом, даже захватывающем, если такой термин здесь позволителен, стиле. Оно хорошо передает атмосферу начавшегося грандиозного наступления советских войск: смятение и растерянность в стане противника, мучительный выбор румынских солдат и офицеров между неизбежной гибелью и неизвестностью русского плена.

Отважный советский офицер, рискуя собственной жизнью, способствовал прекращению ненужного кровопролития, предотвратив гибель многих своих собратьев по оружию. Но сам он вскоре после этого — 11января 1943года был убит в бою. Похоронен Иван Яковлевич Балашёв в деревне Мариновке Калачевского района Волгоградской области.

Сообщение парламентаря Н-ской дивизии

старшего лейтенанта Балашёва Ивана Яковлевича

В 17.00 21 ноября 1942 г. командир дивизии полковник Исаков⁵ вызвал меня и поставил передо мною следующую задачу: пойти в расположение войск противника в качестве парламентаря. В задачу мою входило доставить командованию румынских войск письмо, в котором предлагалось командующему группой румынских войск в связи с создавшейся обстановкой сложить оружие и сдаться в плен Красной Армии.<...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала»

Чередникова Анна Юрьевна —

старший преподаватель Поморского государственного университета, ефрейтор, кандидат исторических наук

(г. Архангельск)

без ТОМАЧЕЙ не обходится ни одна война

Сегодня этих специалистов называют прозаически просто — переводчик. А раньше их называли толмачами. В.И. Даль так объясняет значение этого термина: толмач — переводчик с языка на язык, причём в основном устный, словесный переводчик, а толмачить — это значит толковать, объяснять, рассказывать подробно, внушать, заставить понять, перелагать. Сколько оттенков в значении одного слова, и все они верно отражают суть работы, выполняемой переводчиком, особенно военным, тем более в пылу сражения. Между прочим, неготовность Советского Союза в 1941 году к войне с Германией выразилась не только в чисто военном аспекте, но и в гуманитарном — с началом военных действий вдруг выяснилось, что катастрофически не хватает тех самых толмачей, словесных переводчиков с русского на немецкий и наоборот.

Иммануил Левин, переводчик времен Великой Отечественной войны и публицист, вспоминает: «Тогда был великий голод на людей, хоть как-то знающих языки»¹. Он отмечал, что «при острой, особенно в начальный период войны, нехватке «языковых» специалистов переводчиками в звене дивизия — полк часто становились случайно. Сами командиры у себя же в части подыскивали переводчиков среди мало-мальски знающих язык солдат и офицеров»².

У переводчиков первых военных лет возникали трудности и с обработкой трофейной документации: солдатских книжек, листовок, боевых приказов, перехваченных писем на родину. Немцы писали сложным готическим шрифтом, которым приходилось овладевать, ведь армейская переписка — немаловажный источник информации. Об этой трудности красноречиво свидетельствует А.А.Синклинер, который имел только школьную языковую подготовку:

«Пришлось учиться на ходу. И не только переводить и допрашивать, но даже читать и писать. Дело в том, что немцы в документах, написанных от руки, и в личной переписке применяли готический шрифт, а в школе не учили нас письменной готике. И вот я, как первоклассник, глядя на алфавит в словаре, вывожу стрелчатые готические буквы. Изучаю сокращения военных терминов, которые немцы широко применяли не только в документах, но и в разговорной речи»³. По этому же поводу Т. Ивлиева пишет: «Знать язык на уровне бытовой или литературной лексики отнюдь недостаточно для военного переводчика. Надо было знать и предмет перевода — военное дело»⁴. А вот с этим обстояло совсем неважно.

Проблемы чаще всего возникали из-за слабого знания военной терминологии, диалектов немецкой речи, своеобразного произношения и звучания по-немецки названий советских населенных пунктов (Эмга — Мга, Плескау — Псков и т.д.). Это отмечали даже те, у кого была сильная вузовская подготовка⁵. Ведь классическая немецкая, да и иная другая, речь существует только в высоких образцах культуры и в учебниках. На деле же большинство немецких пленных — простые солдаты, являлись выходцами из разных земель Германии и разговаривали на своих диалектах, зачастую плохо понимая друг друга. Об одном языковом казусе вспоминает И.Я.Биск: «Однажды в 1942 году я так плохо понимал допрашиваемого, что спросил, на каком языке он изъясняется. Когда смысл этого вопроса дошёл до него, он с улыбкой до ушей произнес: «Но, господин старший лейтенант, я ведь шваб: настоящего шваба вообще никто понять не может»⁶.<...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала»

ПРИМЕЧАНИЯ

Четвёртая республика (1946—1958) — установленный во Франции со дня вступления в силу новой конституции (24 декабря 1946 г.) государственный строй.

² Там же. С. 191.³

³ Синклер А.А. Записки военного переводчика. Ставрополь. 1989. С. 11.

⁴ Ивлиева Т. Записки военной переводчицы // Международная жизнь. 1995. № 7. С. 86.

⁵ Об этом упоминает Т. Ивлиева: «...разговорный немецкий язык был в детстве для меня, что называется, своим. Мой отец в 20–30-х годах работал в Дании и Франции, куда он был направлен для организации советских банков, и общение в местных детских садах, учеба в школах и просто ребячьи игры заложили в нас прочный фундамент языковых знаний» (Ивлиева Т. Указ. соч. С. 87.).

⁶ Биск И.Я. Мой XX век. Записки историка. Иваново, 2003. С. 120.

Пилишвили Георгий Джунглович —

старший преподаватель кафедры социологии и политологии Курского государственного университета, кандидат исторических наук (г.Курск)

Добровольческие военизированные формирования Центрального Черноземья. 1941—1942 гг.

Наряду с частями регулярной Красной армии важную роль в Великой Отечественной войне сыграли добровольческие военизированные формирования: народное ополчение, истребительные батальоны. Они участвовали в боях с немецкими войсками, обеспечивали безопасность советского тыла. Организация этих формирований занимала существенное место в деятельности государственных и политических структур, направленной на оказание всемерной помощи фронту.

В Центральном Черноземье народное ополчение стало формироваться вслед за призывом, прозвучавшим в речи И.В.Сталина 3 июля 1941 года. В г. Старый Оскол митинг рабочих и служащих кондитерской фабрики принял резолюцию, в которой говорилось о готовности создать народное ополчение¹. В Курске с аналогичной просьбой в РКВКП(б) обратились работники Западного депо, трамвайного парка, городской телефонной станции².

В дальнейшем процессе организации народного ополчения в областях региона определяющую роль сыграли директивные документы обкомов ВКП(б): в Воронежской области — постановление «Об организации народного ополчения» от 5 июля и директива № 755 от 12 июля; в Курской — «Об организации народного ополчения в Курской области» от 9 июля. В них давались указания городским и районным партийным органам немедленно приступить к созданию ополченческих подразделений на предприятиях, в колхозах, учреждениях, содержались рекомендации по их комплектованию, подбору командно-политического состава, военному обучению³.

По мере поступления заявлений производилось формирование подразделений народного ополчения. Создавались они по территориально-производственному принципу: сначала на предприятиях, в учреждениях, МТС, колхозах, совхозах, объединяясь затем в более крупные единицы в масштабах сельских и городских районов — в роты, батальоны, полки⁴. Самым крупным ополченческим формированием в регионе была дивизия народного ополчения (дно) г.Воронежа (21760 человек), состоявшая из 11 полков, сформированных в области, районах города, на заводах №18, №154, им.Калинина, им.Коминтерна, им.Дзержинского, им.Тельмана, «Электросигнал» и в 20-м стройтресте⁵.

Курским ополченцам пришлось участвовать в обороне областного центра вместе с частями 2-й гвардейской стрелковой дивизии (сд), сильно измотанной в предыдущих боях. Совсем недавно вышедшая из окружения, она была направлена на оборону города командованием Брянского фронта по просьбе Курского обкома ВКП(б). В дивизии насчитывалось не более 800 бойцов, имелось лишь 4 орудия, кочевавших по десятикилометровому фронту. В этих условиях для командира дивизии полковника А.З.Акименко, вступившего 23 октября в командование Курским гарнизоном, существенным подспорьем стали 4 полка народного ополчения и бойцы курских истребительных батальонов. <...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала»

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Государственный архив общественно-политической истории Курской области (ГАОПИ КО). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2636. Л. 94.

² Там же. Л. 113.

³ Яценко К.В. Организация добровольческих военизированных формирований в годы Великой Отечественной войны (По материалам областей Центрального Черноземья). М., 2003. С. 6.

⁴ На 15 августа 1941 г. в народном ополчении Курской области числилось около 120 тыс. человек. См.: ГАОПИ КО. Ф.П-1. Оп.1. Д.2774. Л. 25, 25 об.

⁵ Яценко К.В. Указ. соч. С. 8.

СОКОЛОВА Валентина Ивановна —

доцент кафедры отечественной истории XX—XXI веков Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова, кандидат исторических наук (г.Чебоксары)

Трудный путь домой

Репатриация советских граждан из Германии в 1945 году

По мере того, как войска Красной армии всё далее продвигались на запад, всё более чётче вырисовывалась проблема возвращения на родину советских граждан, насильственно вывезенных фашистскими властями с оккупированных вермахтом территорий в основном в Германию и Австрию для принудительных работ в некоторых отраслях промышленности и сельском хозяйстве. Надо отметить, что в Германию и в союзные с ней страны вывозились не только граждане СССР, но и других европейских государств, по отношению к которым во время Второй мировой войны был впервые применён термин «перемещённые лица». Естественно, что часть этих граждан при захвате территории противника советскими войсками оказывалась под их юрисдикцией. Таким образом, репатриация¹ беженцев и перемещённых лиц после войны приобрела ясно выраженный политический характер.

В настоящей статье мы рассмотрим основные аспекты возвращения на Родину лишь советских гражданских лиц, не касаясь такой большой темы, как репатриация военнопленных. Что же касается гражданских перемещённых лиц, будем считать, что все они вывозились в Германию принудительно, так сказать, под дулом автомата, хотя на самом деле это не так: многие выезжали в Германию в качестве «восточных рабочих» по повестке немецкой биржи труда².

Говоря о количестве угнанных и репатриированных, точные цифры назвать трудно. Согласно документам Уполномоченного по делам репатриации по состоянию на 30 ноября 1945 года удалось установить, что противником было захвачено и вывезено на территорию Германии 6810547 граждан СССР, из которых 4794087 являлись гражданскими лицами, причём лишь

3559132человека были выявлены и взяты на учёт, остальных, более 1,2миллиона человек, можно считать погибшими³.<...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала»

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Repatriato — возвращение на родину. Надо отметить, что к концу войны на территории Германии и Австрии насчитывалось около 14млн человек, принудительно вывезенных гитлеровцами из других государств.

² Часть граждан следует считать внутренними перемещёнными лицами, ибо они возвращались в освобождённые регионы из Прибалтики, Западной Украины, Западной Белоруссии, Правобережной Молдавии, Северной Буковины, но в отчётах указывались как репатрианты. Таких гражданских лиц по состоянию на 1марта 1946г. насчитывалось 873тыс. 4человека. К тому же десятки тысяч потерявших работоспособность «иностранных рабочих» были возвращены гитлеровцами в 1942—1943гг. на оккупированную ими территорию СССР. См.: *Земсков В.Н.* К вопросам о репатриации советских граждан. 1944—1951годы // История СССР. №4. 1990. С. 28, 37, 40.

³ См.: *Лавренёв С.Я., Попов И.М.* Крах III Рейха. М., 2000. С.444.

Маков Михаил Александрович —

полковник запаса, доцент (г.Саратов)

формированиЕ и боевАЯ деятельность истребительного авиационного полка «Нормандия–Неман»

9 октября 2007 года в Москве был открыт памятник боевому содружеству советских и французских лётчиков во Второй мировой войне. Событие неординарное хотя бы потому, что этот символ боевого братства открывали Президент Российской Федерации В.В. Путин и Президент Французской Республики Н. Саркози. Странно в этой истории другое. На всю страну диктор Первого канала дал анонс, где говорилось, что памятник открывается в честь французской эскадрильи «Нормандия–Неман». Однако в выступлении российского президента прозвучало, что весомый вклад в нашу общую Победу внёс истребительный авиационный полк «Нормандия–Неман».

Возможно, об этом и говорить не стоит, и мало кто обратил на этот факт внимание. Да и столь ли уж важно, что это было: эскадрилья или полк, ведь немало лет прошло с той поры. Но всё-таки любого человека, изучающего военную историю, это не может не волновать.

Во многих энциклопедиях и словарях есть упоминания о легендарной французской авиационной части, и все они однозначно говорят, что это был полк. Предлагаемая статья приглашает читателей «Военно-исторического журнала» обратиться к истории этого вопроса.

В годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Советское правительство оказывало поддержку всем силам, которые были готовы вести борьбу против фашизма, в том числе и французским патриотам, сражавшимся против Германии.

В 1940 году в Лондоне было основано антифашистское движение «Свободная Франция» (с 1942 г. «Сражающаяся Франция»). 24 сентября 1941 года в английской столице учредили Французский национальный комитет во главе с Шарлем де Голлем. Через два дня Советское правительство признало комитет «как руководителя всех свободных французов, где бы они ни находились...»¹, одновременно выразив готовность оказать французам всестороннюю помощь и содействие в общей борьбе с гитлеровской Германией и ее союзниками.

В феврале 1942 года по инициативе Французского национального комитета в Лондоне начались переговоры о формировании французской авиационной части в СССР². Затем они были продолжены в Москве генералом Э.Пети³, прибывшим в СССР в качестве постоянного военного представителя Французского национального комитета. В последующем он стал главой французской военной миссии и находился в Советском Союзе в течение всей Великой Отечественной войны.

31 марта 1942 года Э. Пети встречался с заместителем уполномоченного Ставки Верховного Главнокомандования по иностранным формированиям генерал-майором Л.П. Панфиловым. Во время переговоров обсуждался вопрос о формировании французской авиационной части. Результаты этой встречи Э.Пети изложил на следующий день в телеграмме генералу Ш. де Голлю. «Советское правительство, — указывалось в телеграмме, — командование и народ горячо желают, чтобы войска “Свободной Франции” сражались вместе с Советской Армией, дабы скрепить дружбу братством по оружию»⁴.

Начатые переговоры завершились 25 ноября 1942 года подписанием соглашения об участии французских авиационных частей в боевых операциях на советско-германском фронте. Соглашением предусматривалось формирование в СССР истребительной авиационной эскадрильи. Его подписали заместитель командующего ВВС Красной армии (КА) генерал-лейтенант авиации Ф.Я. Фалалеев и бригадный генерал Э. Пети.<...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала»

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Документы и материалы. М.: Госполитиздат, 1959. С. 47.

² *Франсуа де Жоффри*. Нормандия — Неман. Воспоминания военного лётчика / Пер. с фр. М.: Воениздат, 1960. С.14.

³ Генерал Э. Пети — глава французской военной миссии в СССР во Второй мировой войне. После окончания войны являлся президентом-исполнителем общества «Франция — СССР». В связи с восьмидесятилетием со дня рождения указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 февраля 1968 г. генерал Э. Пети был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

⁴ *Шарль де Голль*. Военные мемуары. Призыв. 1940—1942годы / Пер. с фр. М.: ИЛ, 1957. С. 798.

военное искусство

БОБРОВ Михаил Александрович —

заместитель начальника научно-исследовательского отдела ВВА им. Ю.А. Гагарина, полковник, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (пгт. Монино Московской обл.)

борьба за господство в воздухе на советско-германском фронте. 1941—1945 гг.

Разработка теории борьбы за господство в воздухе строилась советской военной наукой в предвоенные годы на основе опыта межвоенных локальных вооружённых конфликтов и начавшейся в сентябре 1939 года Второй мировой войны. И уже тогда эта проблема рассматривалась не изолированно от военных действий, а как часть всей вооружённой борьбы. Так, в проекте Полевого устава Красной армии (1939 г.) подчёркивалось, что «главнейшая задача авиации заключается в содействии успеху наземных войск в бою и операции», а также «в обеспечении господства в воздухе»¹. Добиваться последнего предполагалось уничтожением вражеских авиационных группировок, запасов авиационного горючего, боеприпасов и других материальных средств противника, разрушением его предприятий авиационной промышленности, срывом планомерной подготовки лётно-технических кадров².

С учётом всё возрастающей роли авиации в войне Военно-воздушные силы Красной армии (ВВС КА) строились как самостоятельный вид Вооружённых сил. Они включали: авиацию Главного командования (дальнебомбардировочную), фронтовую (ВВС военных округов), армейскую (ВВС общевойсковых армий) и войсковую (корпусные авиаэскадрильи). Удельный вес первой из них составлял 13,5, второй — 40,5, третьей — 43,7 и четвёртой — 2,3 проц. При этом в боевом составе ВВС пяти западных военных округов истребители составляли 59, бомбардировщики — 31, штурмовики — 4,5, разведчики — 5,5 проц.

Война убедительно показала, что господство в воздухе — не самоцель, а лишь одно из важнейших условий для достижения победы над врагом, которую можно одержать только объединёнными усилиями и в тесном взаимодействии всех родов войск и видов Вооружённых сил. От успешной борьбы за такое превосходство в значительной степени зависели и ход, и исход всей вооружённой борьбы на советско-германском фронте. Он, этот успех, ощутимо влиял на характер

и результативность действий разнородных сил, (совместно, самостоятельно) на суше, море, в воздухе. Вот почему борьба за господство в воздухе, принявшая, как составная и неотъемлемая часть всей вооружённой борьбы, огромный размах с первого же дня войны и не прекращавшаяся до её конца, носила крайне ожесточённый и напряжённый характер. В её интересах из общего количества самолётовывлетов, произведенных нашей авиацией в годы Великой Отечественной, было затрачено фронтовой авиацией — 35,1, авиацией дальнего действия (АДД) — 9,6, ВВС ВМФ — 55,2 и истребительной авиацией ПВО страны — 83,8 проц. Всего же было произведено более 1,4 млн боевых самолётовывлетов.

Как указывалось в руководящих документах тех годов, завоевание господства в воздухе означало активные действия авиационных и других сил и средств, направленных на разгром или серьёзное ослабление вражеской авиации, прочное и устойчивое овладение инициативой в воздушном пространстве. Иными словами, надлежало создать такую воздушную обстановку, при которой фронт и тыл могли бы успешно, без существенных помех со стороны вражеской авиации выполнять поставленные задачи, в то время как противник под массивным воздействием наших ВВС лишался бы такой возможности, будучи скованным, не мог планомерно выполнять собственные боевые задачи на земле, в воздухе и на море³. <...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала»

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Полевой устав РККА (ПУ-39). Проект. М.: Воениздат (Народный комиссариат обороны Союза ССР), 1939. С. 24.

² Там же. С. 24, 25.

³ *Тимохович И.В.* Оперативное искусство советских ВВС в Великой Отечественной войне. М.: Воениздат, 1976. С. 17.

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

ХОХЛОВ Владимир Сергеевич —

вице-президент — статс-секретарь Национального благотворительного фонда «Вечная слава героям», полковника запаса (Москва)

В предчувствии неотвратимости надвигающейся угрозы

Система связи и управления Красной армии накануне Великой Отечественной войны

К теме недостаточной готовности системы связи и управления Красной армии накануне Великой Отечественной войны «Военно-исторический журнал» обращался не однажды. Особое внимание читателей привлекла публикация письма, а точнее служебной записки начальника войск связи Западного особого военного округа генерал-майора А.Т.Григорьева¹. Менее чем за год до нападения фашистской Германии на СССР в предчувствии неотвратимости надвигающейся угрозы он делился со своим бывшим подчиненным, а теперь старшим начальником глубокой озабоченностью по поводу состояния «вопросов организационно-материального порядка, которые на сегодня [конец августа 1940г.] к горлу подпирают...»². Опираясь на печальный опыт организации связи «в период проведения операции по освобождению западных областей Белоруссии» 1939года, он обстоятельно излагал резонные соображения по устранению тревоживших его недочётов, которые требовали не просто «настоятельного изменения», но решительного пересмотра всей организации службы их ведомства «сверху донизу»³.

А.Т. Григорьев адресовал это письмо генерал-майору Н.И.Гапичу — начальнику Управления связи Красной армии. В результате архивных поисков автору предлагаемой ниже читателям «Военно-исторического журнала» публикации удалось добыть не менее примечательный документ.

27 октября 1940 года начальник Управления связи Красной армии генерал-майор Н.И.Гапич направил народному комиссару обороны СССР Маршалу Советского Союза С.К.Тимошенко докладную записку с проектами письма председателю Совета Народных Комиссаров (СНК) В.М.Молотову и постановления СНК «О мероприятиях по развитию средств связи Красной Армии». В этом «специальном и глубоко обоснованном ходатайстве»⁴, по выражению маршала войск связи И.Т.Пересыпкина⁵, он просил наркома обороны сделать 1941 год годом решительного перелома в сторону большего внимания развитию и укреплению службы связи и её материального оснащения.

Уместно более подробно рассказать об авторе этой докладной записки.

Николай Иванович Гапич родился 9 мая 1901года в деревне Новая Алексеевка Благовещенского района Амурской области. Окончив в 1916 году двухклассное железнодорожное училище, работал на железной дороге по полученной специальности телеграфист-надсмотрщик, в 1918-м — комиссаром станции Ерофей Павлович. Осенью того же года подвергся аресту с последующей насильственной мобилизацией в армию Колчака. После разгрома последней добровольно вступил в феврале 1920-го в Красную армию. Какие только должности ни довелось ему занимать: адъютант начальника связи Забайкальского фронта и тыла, начальник связи железнодорожного направления Восточно-Западного фронта, командир общевойсковой роты, командир взвода и помощник командира дивизиона связи, начальник связи полка, помощник командира телеграфно-стрелковой роты, начальник связи пограничного участка, порученец при начальнике связи мотострелковой и командир отдельной роты связи стрелковой дивизии.

С 1 октября 1927 года по 1 мая 1930 года Н.И.Гапич являлся слушателем основного факультета Военной академии имени М.В.Фрунзе, после окончания которой был сперва назначен начальником штаба 9-го полка связи, а семь месяцев спустя помощником начальника связи Белорусского военного округа, то есть попал в непосредственное подчинение к А.Т.Григорьеву, которого через год сменил.

С октября 1936 года — снова учёба, на этот раз в Военной академии Генерального штаба РККА, длившаяся до июня 1938-го. Здесь же его оставили преподавателем кафедры оперативного искусства, где он подготовил несколько учебников по службе связи, получил звание доцента.

26 июля 1940 года в соответствии с приказом наркома обороны Н.И.Гапич возглавил Управление связи РККА. Не прошло и месяца после этого его назначения, как он получил письмо, больше похожее на докладную записку, от А.Т.Григорьева. Не менее озабоченный, чем его бывший начальник, неудовлетворительным состоянием дел в ведомстве, тем не менее вдохновлённый и подталкиваемый григорьевским посланием, Николай Иванович, что называется, стал бомбардировать «высшую инстанцию». Как уже сообщалось, в октябре 1940 года он направил свою первую докладную записку. <...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала»

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Воен.-истор. журнал. 2007. № 3. С. 40—44.

² Там же. С. 41.

³ Там же. С. 44.

⁴ Пересыпкин И.Т. Связь в начальный период войны. М.: Воениздат, 1960. С. 26.

⁵ Пересыпкин Иван Терентьевич — маршал войск связи (1944), народный комиссар связи (1939—1944) и одновременно заместитель народного комиссара обороны СССР (июль 1941 — ноябрь 1944) — начальник Главного управления связи Красной (Советской) армии (1941—1946).

ИЗ ИСТОРИИ ФОРТИФИКАЦИИ

Симоненко Владимир Григорьевич —

капитан 1 ранга в отставке, кандидат исторических наук (г. Севастополь)

ТРЕТЬЯ ОБОРОНА СЕВАСТОПОЛЯ

Рукопись, фрагмент которой публикуется ниже «Военно-историческим журналом», обнаружена несколько лет назад в фондах Музея военных строителей Черноморского флота. Двухтомный труд под названием «Инженерная подготовка Черноморского флота к войне в 1-й пятилетке» был написан в 1972—1974 гг. отставным инженер-полковником И.М. Цальковичем. Особо привлекает внимание в работе эпизод посещения И.В.Сталиным с группой сопровождающих лиц осенью 1929 года секретного объекта в Севастопольской крепости — 35-й бронебашенной батареи.

3 июля 2007 года в Севастополе прошла торжественная церемония, посвящённая закладке камня на месте возводимого историко-мемориального комплекса, который будет носить имя «35-я береговая батарея». Удостоился он такой высокой чести и исторической памяти как последний рубеж севастопольской обороны в Великую Отечественную войну 1941—1945 гг. Его защитники стояли насмерть ещё в течение двух недель после 250-дневной осады Севастополя, вынужденно оставленного советскими войсками.

Ещё только проходила закладка первого камня будущего мемориала, а в адрес инициатора общенародной акции — Севастопольского комитета ветеранов Великой Отечественной войны и Вооружённых сил уже стали поступать будущие экспонаты: документальные материалы, фотографии военных лет, фронтовые письма, воспоминания, научные работы. Причём не только из Украины, России, Белоруссии и других бывших советских республик, но и из дальнего зарубежья — Германии, Турции, Англии, США. Возведение музейного комплекса участники митинга образно назвали обороной памяти об общенародном подвиге во время Крымской (Восточной) 1853—1856 и Великой Отечественной 1941—1945гг. войн, или третьей обороной Севастополя.

Уместно кратко остановиться на предыстории общенародной акции, а точнее на посещении в двадцатые годы прошлого столетия строящегося секретного объекта — 35-й бронебашенной батареи руководителями партии, государства и Вооружённых сил.

В отдельных военно-исторических трудах по этому поводу содержится лишь краткое сообщение общего характера, позволяющее только догадываться о таком посещении. Например, о том, что 24—25июля 1929 года генеральный секретарь ЦКВКП(б) И.В.Сталин и народный комиссар Рабоче-Крестьянской инспекции С.К.Орджоникидзе посетили Севастополь и на новом крейсере «Червона Украина» вместе с сопровождавшими их В.М.Орловым и Г.С.Окуневым — руководителями Морских сил Чёрного моря (МСЧМ) совершили плавание вдоль берегов Крыма и Кавказа до Сочи. При этом проводилось специальное показное учение с выполнением боевых упражнений, которыми высокие гости были вполне удовлетворены. Или, как 18августа того же года нарком по военным и морским делам К.Е.Ворошилов и начальник Штаба РККА Б.М.Шапошников вместе с начальником Морских дел РККА Р.А.Муклевичем побывали на кораблях МСЧМ, проводивших очередное учение у кавказского побережья. Трудно усомниться в том, что эти поездки обходились без посещения столь важного объекта, к которому проявляла повышенный интерес зарубежные военные специалисты. Например, «в 1929г. батарею посетили делегация Советского правительства во главе с И.В.Сталиным и группа высших офицеров германских вооружённых сил (рейхсвера) под руководством ген.Бломберга»¹. <...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала»

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Севастополь. Энциклопедический словарь. Севастополь: Изд. Музея героической обороны и освобождения Севастополя, 2000. С.534.

из неопубликованных рукописей

Публикация: Симоненко Владимир Григорьевич —

капитан 1 ранга в отставке, кандидат исторических наук (г. Севастополь)

И.М. Цалькович

«Застарелая порт-артурская болезнь... по-прежнему нуждалась в серьёзном лечении»

24 августа 1925 г[ода] Артиллерийское управление РККА и Ленинградский машиностроительный трест заключили договор на постройку и монтаж в Севастопольской крепости бронешашенной морской батареи общей стоимостью 350млн золотых рублей. Она вооружалась двумя заранее изготовленными башнями типа «МБ-2-12», [каждая] с двумя 305-мм орудиями, способными вести стрельбу на дальность до 42км (229 кабельтовых). При монтаже предусматривалось использование орудийных станков, механизмов зарядания и других устройств, снятых из башен линкора «Полтава», подлежащего разделке на одном из ленинградских заводов¹.

Употребив понятие «на достройку», заметим, что учреждённый в российской столице весной 1913г[ода] Морской крепостной совет к обследованию крымского побережья возле мыса Херсонес, неподалёку от находящегося там издавна маяка, никакого отношения не имел. И тем более к разработке проекта строительства крупнокалиберной береговой батареи. Севастопольская крепость тогда принадлежала Военному ведомству, комендантом её был армейский генерал. Застарелая порт-артурская болезнь, т.е. отсутствие единоначалия в крупном оперативном пункте, по-прежнему нуждалась в серьёзном лечении.

<...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала»

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробнее см.: Военные строители Черноморского флота / Колл.авт. Севастополь: Ахтиар, 1997. С. 24, 25.

Публикация: Жарский Анатолий Петрович —

старший научный сотрудник Института военной истории МО РФ, подполковник запаса, кандидат военных наук (Санкт-Петербург)

П.М. Курочкин

«Большое количество имущества связи... было утрачено в первые дни войны»

Создалась тяжёлая обстановка и в полосе боевых действий 8А. Противник, захвативший переправу через Западную Двину в районе Риги, угрожал действовавшим на левом берегу реки войскам армии окружением. Чтобы избежать этого, наши бойцы вынуждены были переправляться на правый берег между Ригой и Крустпилсом на том, что кому попадёт на глаза и кто за что уцепится. Ведь мостов на этом участке не было, а полевых переправочных средств не доставало. Тут трудно избежать суеты, неразберихи, конфликтов.

Между тем печальный опыт размещения штаба фронта в неподготовленном районе был учтён. Начальник штаба своевременно дал указания о подготовке нового места для штаба в лесу, в нескольких километрах юго-западнее Пскова. Узел связи фронта в этом районе подготавливал командир полка связи полковник Семенихин.

К вечеру 27 июня штаб фронта передислоцировался в район Пскова. Это позволило несколько улучшить связь с Генеральным штабом, со штабами 27-й армии и группы генерала Акимова, действовавшей на даугавпилсском направлении, а также соединений, составлявших фронтовой резерв. Очень неустойчивой была она с 8А, которая отходила в направлении на Таллин. Проводная связь почти не работала, а радиосвязь, хотя и была устойчивой, но использовалась крайне недостаточно. Бывало, на неоднократные запросы о положении войск вообще не поступало никаких ответов, а если и поступало, то оказывалось, что вблизи радиостанции либо нет оперативных работников, либо штаб снялся, не предупредив радистов, вследствие чего они отстали и не смогли догнать и отыскать штаб. Одним словом, находилось много объективных причин, из-за которых информация о боевых действиях 8-й армии поступала нерегулярно, с большим опозданием, хотя возможности для её передачи имелись.

Иногда из-за того, что сведениями о боевых действиях соединений штабы армий не располагали, пребывал в неведении и штаб фронта. Не информировался он зачастую и потому, что поскольку положение войск было очень неблагоприятным, командование выжидало, надеясь на изменение обстановки в лучшую для нас сторону. Психологически такое намерение понятно и объяснимо. Но с военно-технической стороны оно ставит в затруднительное положение вышестоящих командиров, которые, не зная обстановки, не могут правильно руководить войсками и влиять своими средствами на развитие боевых действий. Естественно, что в войска поступают непрерывные требования и запросы об обстановке, отчего возрастает нагрузка на средства связи. К тому же связь используется крайне неэффективно, часто загружаясь бесполезной информацией. Если учесть, что её в это время обеспечивать трудно, что она в суетной неупорядоченной обстановке, как правило, работает с перерывами, то вдвойне досадно за такое нерациональное и, по сути, безграмотное использование технических средств управления войсками.

Поучительный и, пожалуй, даже трагичный пример с 11А. Штаб этого объединения, как уже упоминалось, из района Каунаса отходил с войсками в направлении на Полоцк. Так как с ним поддерживалась регулярная радиосвязь, то штаб фронта довольно часто получал от него информацию.

Однажды меня вызвал к себе командующий фронтом.

— Посмотрите на эти документы, — указал он на несколько расшифрованных телеграмм.

Я внимательно прочитал каждую из них, где командующий 11А генерал-лейтенант В.И. Морозов¹ доносил о тяжёлом положении в полосе действий армии и просил об оказании помощи. В последних двух-трёх телеграммах содержались даже гневные упрёки в адрес командования фронта, обвинения в бездействии, в нежелании оказать помощь.

— Может ли Морозов, дисциплинированный и тактичный человек, писать так грубо? — спросил меня командующий.

— А если к этому вынуждает обстановка? Если ему сейчас очень тяжело?

— Это — невоенный ответ. Морозов не может так писать. Не кажется ли вам, что эти шифровки мы получаем не из штаба армии, а от противника? Ведь можно допустить, что штаб Морозова попал в плен, не успев уничтожить шифры. Могла попасть в плен и радиостанция. Вот враг, используя наш порядок передачи телеграмм, и пытается нас спровоцировать на ведение неправильных боевых действий. Вот как нужно подходить к анализу документов. Необходимо быть очень бдительными. Вы недостаточно глубоко и всесторонне анализируете факты.

— Но, разрешите доложить, радисты ведь друг друга по почерку узнают. Ничего подозрительного во время радиосвязи со штабом армии не наблюдалось.

— Почерк может и не измениться. Те же радисты под угрозой смерти выходят на нас, а их работу контролирует противник. Немедленно прекратите связь с так называемым штабом одиннадцатой армии.

— Слушаюсь, но позвольте хоть приём от них производить и на вызовы отвечать. Ведь, может быть, штаб армии не пленён...

— Вы слушайте, что вам говорят, и потрудитесь выполнить приказание. Надеюсь, вам всё ясно? Можете идти.

Я долго думал над приказанием командующего. Проще всего было прекратить связь. Формально приказание было бы выполнено. Но при этом нарушилось бы руководство войсками, находившимися в сложных условиях на территории противника. Обеспечить управление другими средствами было невозможно.

Вызываю своего заместителя по радио Захарова, спрашиваю:

— Как, Николай Петрович, обстоит дело с радиосвязью со штабом Морозова?

— Нормально. Сейчас нагрузки нет, но связь проверяется регулярно, через каждые пятнадцать минут.

— А я только что получил приказание прекратить связь. Командующий предполагает, что мы поддерживаем её не со штабом армии, а с противником.

— Это чепуха. Связь мы поддерживаем с первого дня войны без нарушения. Прекращаем её только на время передвижения нашей или их радиостанции. Ничего подозрительного не замечали. Нет никаких оснований для таких предположений.

Я передал ему свой разговор с командующим.

— Да, не выполнить приказания нельзя, но выполнение грозит катастрофой. Знаете, я бы на вашем месте не выполнил приказания, не прекратил бы связи.

Поразмыслив немного, я решил обратиться к члену военного совета корпусному комиссару Диброве. Внимательно выслушав меня, он спросил:

— Есть ли у вас такая радиостанция, через которую можно вести телефонный разговор со штабом армии?

— Да, есть. Это можно сделать с помощью радиостанции 11 АК или РАТ, — доложил я.

— Вот что мы сделаем. Через радиостанцию свяжемся по телефону со штабом. Я буду лично говорить с членом военного совета армии о таких вещах, которые известны только нам двоим. Если ответы будут правильными, а голос знакомым, то наши опасения отпадут. Пусть кто-нибудь мне покажет, где расположена радиостанция и как нужно вести переговоры.

Я поручил своему заместителю Захарову обеспечить переговоры члену военного совета со штабом 11-й армии, будучи уверенным, что они пройдут успешно, и нам не придётся прекращать связи со штабом армии. Однако получилось не так, как я ожидал. Диброва и Захаров пришли на радиостанцию. Захаров приказал дежурному оператору установить связь в телефонном режиме со штабом 11-й армии. Оператор, отдав соответствующие распоряжения механику, через несколько минут доложил, что связь готова. Диброва взял микрофон, передал в эфир позывные, назвал открыто себя и попросил пригласить для переговоров члена военного совета армии.

Армейская радиостанция повторила принятый разговор и ответила: «Сию минуту пригласим...»

Но минута длилась очень долго. Наши радисты по приказанию Дибровы и Захарова несколько раз повторяли запрос слыша одно и то же: «Ждите...». Так продолжалось около часа. Диброва не стал больше ждать и, дав указание о том, чтобы его известили, когда прибудет член военного совета армии, ушёл в штаб. Но армейская радиостанция и сама вскоре перестала отвечать нам, даже тогда, когда мы пытались вызывать её в телеграфном режиме на основной и запасной частотах. Предполагая, что у армейской радиостанции отказал передатчик, наши радисты всё же не переставали её регулярно вызывать, а чтобы не пропустить долгожданный ответ, выделили четыре приёмника, которые контролировали основную и запасную частоты связи. Более двух суток велось это наблюдение. Но — тщетно. Армейская станция не отвечала на наши вызовы.

— Что, прекратили переговоры с противником? — спросил меня командующий, имея в виду радиосвязь со штабом 11-й армии.

— Да, штаб Морозова по каким-то причинам сам замолчал. Вот уже двое суток они не отвечают на наши вызовы.

— Поняли, что нас не обманешь, поэтому и прекратили связь. Вот вам ещё один урок на бдительность и внимательность. Учитесь, учитесь анализировать и наблюдать явления.

Командующий фронтом был убеждён в своей правоте. В боевом донесении нарком обороны он с той же непоколебимой уверенностью докладывал: «11-я армия и военный совет армии — по ряду данных пленены или погибли. Немцы захватили шифродокументы».

Но мне довод командующего казался неубедительным. Хотя множество недоумённых вопросов, возникавших передо мной при анализе сложившейся ситуации, вроде бы и подтверждали правильность и логичность рассуждений командующего, вместе с тем у меня было что ему возразить. Почему, к примеру, нельзя было предположить, что в армейском штабе оставалась в строю лишь одна радиостанция, которая тоже вышла из строя во время переговоров? И мог ли действительно быть пленённым штаб армии? Но тогда радисты передали бы об этом... Словом, я и Захаров склонялись больше к тому, что в штабе Морозова разрушена радиостанция.

Однако позже, после того как штаб 11-й армии вышел из окружения и мы встретились с начальником связи армии подполковником Медниковым, была выяснена истинная причина прекращения связи. Оказалось, что радиостанция была цела, штаб армии в плен не попадал, шифровки действительно были подписаны генералом Морозовым. Основанием для прекращения связи послужил открытый разговор по радио корпусного комиссара Дибровы. Когда в штаб доложили, что Диброва открыто вызывает для переговоров члена военного совета армии, там, в свою очередь, пришли к выводу, что штаб и военный совет фронта попали в плен, и немцы, используя фронтовую связь с армией, пытаются вести провокационные разговоры. Поэтому и был отдан приказ о радиомолчании.

Так излишняя бдительность, с одной стороны, и неумение пользоваться радио — с другой привели к прекращению связи в то время, когда в ней ощущалась острая нужда, а техническая возможность её осуществления была реальной.

Вследствие вынужденного быстрого отступления войск Северо-Западного фронта из прибалтийских республик была нарушена система планомерной мобилизации людских контингентов и материальных средств, находящихся перед войной в этих республиках. Также оказалась неукomплектованной ни людским составом, ни транспортом, как это было предусмотрено предварительным планом развертывания войск, ни одна часть связи фронта. Да и не появилось ни одной вновь сформированной, хотя мобилизационным планом таких частей в округе должно было образоваться более тридцати. Помню, единственное, что удалось сделать, это получить из народного хозяйства Латвии несколько десятков грузовых автомобилей для укомплектования фронтового полка связи.

Вместе с тем быстрое проникновение немецко-фашистских войск в глубь Прибалтики поставило перед штабом военного округа острую проблему сохранения запасов вооружения, боевой и специальной техники, интендантского имущества, находящихся на окружных складах. К примеру, на окружном складе по нашему ведомству имелись ценные запасы имущества для новых формирований, а также материалы для соответствующего оборудования укрепрайонов. Но чтобы оно не досталось врагу и смогло в последующем быть использовано нами, его следовало своевременно вывезти. Но для этого требовался железнодорожный и автомобильный транспорт, которого как раз-то и не хватало. Приходилось часть имущества зарывать в землю на территории округа. Так, по распоряжению начальника склада связи майора Кошелева были зарыты

телеграфные аппараты и коммуникаторы, а также барабаны с подземным кабелем, предназначенным для укрепрайонов.

Войска нашего фронта словно преследовал злой рок: не удалось сдержать натиск противника в первый день войны; не получился контрудар силами механизированных корпусов в третий и четвертый дни; не сумели наши войска своевременно организовать устойчивую оборону по правому берегу Западной Двины; не удержали они районы Риги и Даугавпилса... Много было и других неудач. В результате этого в Москву отозвали командующего фронтом Кузнецова, члена военного совета Диброву и начальника штаба Клёнова. Вместо них были назначены новые руководители: командующим войсками — Собенников² (до этого он командовал 8-й армией), членами военного совета — Богаткин, Бочков и Штыков, начальником штаба — Ватутин.

Генерал-майора Собенникова я знал по Дальнему Востоку. В Приморской группе он командовал в то время кавалерийской дивизией. Встречались мы с ним и перед войной, в Прибалтике. Это был очень спокойный, уравновешенный человек, хорошо знающий военное дело, всегда аккуратно одетый, чисто выбритый, подтянутый. Своим спокойствием он вносил порядок в ту нервную обстановку, которая царила в штабе.

Моя первая встреча с новым командующим совпала с перемещением штаба фронта.

— Скажите, Петр Михайлович, как, по-вашему, — спросил меня Собенников вроде бы в шутку, — где лучше умереть? В городе или в лесу?

— Одинаково плохо, — в тон ему ответил я.

— Это, пожалуй, верно. А жить где удобнее?

— Жить, пожалуй, удобнее в городе.

— А откуда удобнее связь с войсками обеспечить?

— При недостатке средств, разумеется, из города. Там можно использовать местные средства.

— Так тому и быть, — подвел итог короткой беседе комфронта. — Переводим штаб из леса в город, в помещение, где раньше располагался штаб корпуса.

С новым начальником штаба генерал-лейтенантом Н.Ф. Ватутиным я тоже был знаком раньше. Впервые встретился с ним в Киеве, перед освободительным походом в Бессарабию; во второй раз — в Прибалтике, на учениях. Тогда он очень внимательно относился к организации управления и связи.

Первый мой доклад генералу Ватутину был довольно продолжительным. Помню, я стремился подробнее охарактеризовать состояние связи в войсках фронта в целом, затем в каждой армии, раскрыть полнее проблему с нехваткой технических частей и средств, отсутствием запаса необходимого имущества для восполнения потерь, которые при отходе войск оказались весьма значительными.

Внимательно выслушав мои сетования, Ватутин резонно заметил:

— Всё это так. Но, как бы там ни было, управлять войсками-то нужно. Иначе будем терпеть поражение за поражением. Поэтому сейчас более важны практические меры, исходя из того, что имеем. Так, что вы предлагаете?

— Я так подробно говорил о состоянии дел не с целью оправдать плохое обеспечение управления, — объяснил я свою позицию, — а для того, чтобы при его организации учитывались возможности установления связи. Конкретно же? Первым делом считаю, что до тех пор, пока не будут полностью сформированы и укомплектованы фронтовые и армейские части связи, единственный выход — это широкое использование местных средств. Кроме того, необходимо привлечь гражданских специалистов для восстановления разрушений. Из них нужно сформировать рабочие колонны, команды, обеспечив их питанием наравне с военнослужащими. Необходимо также взять из гражданских учреждений некоторую аппаратуру и строительный материал для укомплектования войск. Следует изменить и порядок перемещения штабов.

— То есть? — поспешил уточнить новый начальник штаба, видимо, не ожидавший такого дерзкого пожелания.

— Я считаю, — продолжил я, — что такой крупный штаб, как штаб фронта, должен располагаться в глубине и оттуда руководить войсками. Ведь нельзя считать нормальным явление, когда он за неделю оборонительных действий шесть раз сменил районы своего местопребывания. При таком положении, даже при достаточном количестве полевых средств, нельзя установить прочную связь. Нужно также заблаговременно намечать и подготавливать районы для очередного перемещения штаба. Необходимо регламентировать время перемещения и расположения штабов армий. В противном случае местную связь нельзя эффективно использовать.

— А как вы оцениваете радиосвязь? — задал ещё один вопрос явно заинтересованный моими рассуждениями и доводами Ватутин.

— Убеждён, что радиосвязь в наших условиях является основным средством, которое в сложных условиях может обеспечить управление войсками. Но, к сожалению, штабисты не используют этот вид связи. Одни боятся, что противник может обнаружить месторасположение штаба по излучению электромагнитной энергии радиостанции, другие опасаются ложных передач противника.

Вдохновившись внимательностью собеседника, я рассказал о случае, происшедшем со штабом 11-й армии.

— Да, — резюмировал начштаба, — все ваши доводы основательны. Подготовьте, пожалуйста, по ним материал для соответствующего решения военного совета. И не забудьте о пайках для гражданских связистов. Обязательно включите пункты о самолётах связи и подвижных средствах. Они тоже могут принести большую пользу. Теперь же наметим район, который целесообразно подготовить для очередного перемещения штаба фронта.

После некоторых обсуждений Ватутин дал указание подготовить для очередного перехода район Старой Руссы, а в качестве запасного района наметил Лугу. В отношении использования местной связи и тот, и другой были вполне приемлемы.

В соответствии с указаниями начальника штаба я незамедлительно послал в район Старой Руссы полковника Семенихина с частью его полка, а в Лугу — полковника Дадерко (он исполнял обязанности моего заместителя). При этом тешил себя мыслью, что можно будет своевременно, без излишней торопливости, суетою подготовить связь из нового района расположения штаба фронта. К сожалению, этого не получилось.

В результате отхода войск 8-й армии на Ригу и 27-й — на Опочку между ними образовалась огромная брешь, не прикрытая войсками. Это позволило немцам осуществить прорыв в сторону Пскова, где нахождение штаба фронта становилось небезопасным. Когда поступил приказ подготовиться к переходу, я был уверен, что переместимся, как и было заранее намечено, в Старую Руссу. Однако перед самым отъездом генерал Ватутин вызвал меня и сказал, что штаб фронта через два часа выступает в Новгород.

— Как в Новгород? Ведь подготавливаются место и связь в Старой Руссе? — растерялся я.

— Знаю, но, к сожалению, изменить ничего не могу. Директивой Генерального штаба предписано перейти в Новгород. Так что принимайте соответствующие меры, перестраивайте связь.

Да, легко сказать «перестраивайте». А что перестраивать? Средств связи почти нет. Часть их два дня тому назад была направлена в Старую Руссу. Чтобы снять эти средства и перебросить в Новгород, нужно не менее суток. А штаб через 5—6 часов уже прибудет в новый район. Свертывать средства, находящиеся в Пскове, нельзя до тех пор, пока штаб не прибудет на новое место. Вот и «перестраивай связь».

Но выход всё же был найден: до прибытия собственных средств к новому месту решил, впрочем, как и в некоторых предыдущих случаях, использовать местный, то есть новгородский, телеграф. Немедленно доложил об этом Ватутину, что он без всяких возражений одобрил.

Отдав распоряжение о переброске средств из Старой Руссы в Новгород, я со своим заместителем Захаровым на предельной скорости помчался в Новгород. Ведь дорога была каждая минута!

По пути уже мало обращали внимания на следы войны — воронки от взрывов авиационных бомб, подбитые автомобили, сожжённые дома. Но они всё же нет-нет, да и мозолили глаза.

Вот и город. Едем в местную контору связи. Начальником телеграфа оказался старый знакомый — К.И. Шафров. Встречались в 1938—1939 годах с ним в Ленинграде: он учился на курсах, а я на них преподавал. Встреча оказалась неожиданной, Шафров сильно расчувствовался. Но предаваться воспоминаниям и расспросам было некогда.

— Требуется немедленная помощь, и не лично мне, а Красной армии, — непроизвольно-патетически остановил я, извинившись, его душевный порыв.

— Готов сделать всё, что от меня зависит, — в тон мне, но тоже неподдельно, ответил мой бывший слушатель.

Я коротко рассказал, что телеграф должен обеспечить связь штабу фронта в течение одного-двух дней, пока не прибудут средства для развертывания военного узла связи. Он понял меня с полуслова. Тут же, вызвав механика, поручил тому выполнять все мои пожелания, а затем отдал распоряжение о временном прекращении гражданских почтово-телеграфных операций. Он умел здорово распоряжаться, в считанные минуты наметив, какие из помещений конторы связи могут быть использованы для размещения штаба фронта.

Генерал Ватутин, приятно удивлённый тем, как при полном отсутствии собственных технических средств оказалось возможным обеспечить своевременную связь, тут же отдал распоряжение на размещение основных работников оперативного и разведывательного управлений в помещении почтового отдела конторы. Для работы командующего и начальника штаба был отведён кабинет начальника телеграфа. Остальные отделы и управления нашли пристанище в различных районах

города, в зданиях военного ведомства. В течение суток управление войсками фронта обеспечивалось силами и средствами новгородской конторы связи, специалисты которой хорошо справились с поставленной неожиданной задачей.

Вскоре из Старой Руссы прибыли наши штатные средства, что позволило развернуть военный узел связи и освободить новгородскую контору.

Обстановка же на нашем направлении продолжала оставаться очень тяжёлой. Никак не удавалось хотя бы на короткое время остановить противника и стабилизировать фронт, от чего непрерывно ухудшались и условия обеспечения связью. Штабы всех командных инстанций перемещались довольно часто и в большинстве случаев недостаточно организованно, причём расстояния между ними были очень большими. К тому же подотчётные мне малочисленные части несли значительные потери в личном составе. Так, в боях под Тельшаем был почти полностью уничтожен отдельный батальон связи 12-го механизированного корпуса. Работавшая в районе Рокишкиса по оборудованию фронтового узла отдельная кабельно-шестовая рота не успела своевременно переправиться через Западную Двину и осталась на территории, занятой противником.

Следует сказать несколько слов об этом подразделении. Когда было установлено, что штаб фронта не будет располагаться в Рокишкисе, командир роты лейтенант Жабин получил распоряжение снять все построенные линии и двигаться на Даугавпилс. Пока снимали линии, передовые части гитлеровцев захватили Даугавпилс. Когда выяснилось, что рота оказалась на территории, занятой противником, лейтенант Жабин не растерялся, решив во что бы то ни стало пробиться к своим. Продвигались в направлении Дрисса — Полоцк только ночью, иногда даже... в колонне немецких войск и по командам немецких регулировщиков! Невероятно, но это так. Помогало знание лейтенантом Жабиным немецкого языка и то, что бойцы были переодеты в обмундирование бывшей литовской армии. Последнее обстоятельство объяснялось тем, что в Рокишкисе находился интендантский склад бывшей литовской армии, а чтобы он не достался немцам, Жабин уничтожил его, предварительно взяв несколько комплектов обмундирования для своей роты.

Имея возможность объясняться с регулировщиками, отвечать на их вопросы и спрашивать, куда ведёт та или иная дорога, Жабин все же подвергал себя и подчинённых риску лишь в темноте. Днём они отсиживались в лесу. Так, принимая все меры предосторожности, рота Жабина передвигалась по территории, занятой противником, пока не вышла в районе Полоцка в расположение своих войск. Лейтенант не потерял ни одного человека, сохранил все машины и имущество связи, кроме шестов, которые были брошены Жабиным только потому, что в немецкой армии, с которой приходилось «содействовать» на этом героическом марше, шестовые линии не применялись.

Несколько суток вела боевые действия в районе Даугавпилса как стрелковое подразделение школа младшего состава фронтового полка связи, понесла потери убитыми и ранеными. Значительный урон понёс и отдельный батальон связи 11-й армии, пробивавшийся вместе со штабом из окружения в районе Полоцка.

Большое количество имущества связи, особенно проводных кабельных линий, которые из-за быстрого отхода наших войск связисты не успевали снимать, было утрачено в первые дни войны. Пополнять же потери в личном составе и возмещать утраченное имущество не представлялось возможным. Мобилизация в Прибалтике оказалась сорванной, а внутри страны еще не

завершилась. Запасы же необходимого имущества и технических средств на фронтовом складе были ничтожно малы. Линии и узлы общегосударственной связи систематически разрушались авиацией противника.

Таким образом, потребности в связи возрастали, а возможности её обеспечения резко сокращались. Чтобы хотя бы частично представить трудности, возникшие передо мной и другими подобными мне управленцами, достаточно сказать, что по существовавшим тогда оперативным нормам для обеспечения связи между штабами фронта и армии предусматривался отдельный линейный батальон численностью свыше 300 человек; фактически же в первые дни войны на нашем фронте для этой цели в лучшем случае выделялся взвод сокращённого состава (12—15 человек) или команда (6—8 человек). Точно так же обстояло дело с обеспечением связи между штабом армии и штабами корпусов.

Выручали гражданские связисты. С их помощью удалось обеспечить связь штаба фронта в Даугавпилсе, Новгороде. За счёт псковской и новгородской контор полк связи пополнился телеграфистами. Из гражданских специалистов-линейщиков были сформированы рабочие колонны для восстановления разрушенных противником линий связи. Такие колонны были в Пскове, Острове, Шимске, Старой Руссе, Дно, Новгороде и других пунктах.

За счёт гражданских предприятий пополнялись запасы строительных материалов и имущества связи для укомплектования соответствующих частей. Так, в родственных нам конторах в Резекне, Пскове, Опочке и Острове мы позаимствовали десятки тонн стальной и медной проволоки, несколько сотен телефонных аппаратов, несколько коммутаторов малой ёмкости. Конечно, имущество гражданских пунктов и учреждений по сравнению с полевым было менее удобным, но при том остром недостатке, который ощущался в средствах связи, оно с успехом использовалось даже в тактических звеньях управления, не говоря уже о крупных штабах.

Известную помощь оказывали нам и связисты Северного фронта (Ленинградский военный округ). В полосе действий войск нашего фронта в Пскове, Шимске и Чудове оказались вспомогательные узлы связи этого фронта. Правда, генерал И.Н. Ковалёв³ предполагал их закрыть, но по моей просьбе они были оставлены, и очень кстати, поскольку помогли обеспечить связью войска нашего фронта при ведении ими боевых действий на рубеже реки Великой и восточнее его.

С боевыми действиями на этом рубеже у меня связаны довольно неприятные воспоминания.

Для подготовки и организации надёжной обороны на линии Псковского и Островского укреплённых районов и прочного прикрытия направления на Ленинград фронт был усилен двумя стрелковыми корпусами и одним механизированным корпусом, который передавался из состава Северного фронта. Последний был создан из формирований, принимавших участие в Советско-финляндской войне, и представлял собой хорошо укомплектованное маневренное соединение, обладающее большой ударной силой. Хотя за его применением лично следил Верховный Главнокомандующий И.В.Сталин, использовался он всё же не лучшим образом. Так, с началом войны из него была изъята танковая дивизия для выполнения специальной задачи по указанию командующего Северным фронтом; 163-я моторизованная дивизия, тоже входившая в его состав, была передана в подчинение 27-й армии; зенитный дивизион — оставлен в составе Северного фронта; был изъят и ещё ряд частей для выполнения отдельных боевых задач. Таким образом, к моменту развертывания ответственных боевых действий на островском направлении механизированный корпус был значительно обессилён.

4 июля 1941 года корпусу была поставлена задача: ударом из района Большая Лобянка, Немоево, Шванибахова в направлении на Остров уничтожить прорвавшиеся части противника. Исходя из этого, атака началась во второй половине дня 5 июля. Вначале она увенчалась успехом: 5-й танковый полк овладел Островом. Однако, не имея артиллерийской и авиационной поддержки и пехоты для закрепления на занятом рубеже, корпус не смог развить успех. Более того, его части, неся большие потери от мощного противотанкового и артиллерийского огня противника, ударов пикирующих бомбардировщиков, начали отходить.

Боевыми действиями по восстановлению положения на рубеже реки Великой, и в частности освобождением Острова, интересовался Генеральный штаб, иногда поступали звонки и из приёмной Сталина. Со штабом корпуса радиосвязь была довольно устойчивой, и информация от него поступала более или менее регулярно. К исходу дня были получены донесения о значительных потерях с обеих сторон. Затем связь с корпусом вдруг прекратилась, после того как корпусная радиостанция передала обычный сигнал: «Связь кончаю» (СК). Больше на наши вызовы она не отвечала. Мы внимательно следили за работой радиостанции, слушали её на нескольких приёмниках. Пытались также прослушать (перехватить) работу в корпусной радиосети, по которой обеспечивалась связь штаба корпуса с дивизиями. Ничего не получалось.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Генерал-лейтенант В.И. Морозов во время Великой Отечественной войны командовал 11-й, 1-й ударной, 63-й армиями.

² Генерал-майор (затем генерал-лейтенант) П.П. Собенников после командования войсками Северо-Западного фронта (июль—август 1941 г.) в дальнейшем возглавлял 43-ю армию.

³ Генерал-лейтенант И.Н. Ковалёв являлся в 1941—1945 гг. начальником войск связи Северного, затем Ленинградского фронтов.

(Окончание следует)

локальные войны и вооружённые конфликты XX—XXI века

СЕРКОВ Владимир Тимофеевич —

заместитель председателя областного краеведческого общества, полковник в отставке (г. Курган)

Советники советской армии в Египте. 1967—1970 гг.

В предлагаемой читателям публикации рассказывается о работе и жизни военных советников Советской армии в Египте, куда они были направлены в конце 1960-х годов для восстановления

боеспособности египетской армии, потерпевшей поражение в «шестидневной войне» с Израилем в 1967 году. Автор материала — участник тех событий.

В 1967 году я служил в г. Перми начальником штаба одной из частей мотострелковой дивизии. И вот вечером 12 ноября дежурный офицер вручил мне телефонограмму. Её содержание было неожиданным и кратким: «...немедленно пройти медицинскую комиссию на предмет годности к службе в стране с жарким и сухим климатом, при себе иметь 12 фотографий в штатском костюме. 13.11. прибыть в г. Свердловск, в штаб Уральского военного округа».

После беседы в отделе кадров я получил предписание для следования в Москву в распоряжение 10-го Главного управления Генерального штаба. Когда я прибыл, там уже собралась довольно большая группа офицеров из разных военных округов. Нам предстояла поездка в Объединенную Арабскую Республику (ОАР)*. Мы прослушали несколько лекций о стране пребывания, ознакомились с задачами, которые нам предстояло там выполнять, получили назначение на должности. Через три дня, переодетые в штатское платье, прибыли в аэропорт «Шереметьево», чтобы следовать спецрейсом в Египет.

Уместно напомнить о предшествовавших нашей командировке событиях июня 1967 года, известных как «шестидневная» война.

Очередную агрессию против арабских стран (Египта, Сирии и Иордании) Израиль начал при поддержке западноевропейских стран и США. Египетские войска, потерпев поражение на Синайском полуострове, отступали, почти не оказывая сопротивления, в глубь страны. Лишь серьезное предостережение Правительства Советского Союза предотвратило дальнейшее продвижение израильских войск, которые были вынуждены прекратить наступление, достигнув рубежа Суэцкого канала.

2 ноября 1967 года Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 242 «О политическом урегулировании ближневосточного конфликта», в которой предусматривались вывод войск Израиля со всех оккупированных арабских территорий, обеспечение территориальной независимости каждого государства в этом районе. Однако правительство Израиля решение Совета Безопасности выполнить отказалось.

В такой сложной обстановке перед вооруженными силами Египта стояла задача как можно быстрее восстановить свою боеготовность. Ведь их потери были огромны: примерно 10 тыс. погибших и раненых, более 5500 попавших в плен; из имевшихся до боевых действий военного снаряжения и вооружения в наличии осталось немногим более 20 проц.

Справиться с этой задачей самостоятельно и в короткие сроки Египту было не под силу, вот почему его президент Г.А.Насер обратился к дружественному Советскому Союзу за помощью.

Прилетели мы в Каир в начале декабря 1967 года, и вскоре оказались в г. Исмаилия, где дислоцировалась 2-я пехотная дивизия (пд) египтян. <...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала»

* ОАР образована в 1958 г. союзным договором между Египтом и Сирией. В 1961 г. последняя вышла из состава объединенной республики, сохранявшей свое прежнее (коалиционное) название еще в течение десяти лет. С 1971 г. — Арабская республика Египет (АРЕ).

ИЗ ИСТОРИИ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

ШАРЫЙ Валерий Иванович —

заведующий кафедрой общегуманитарных дисциплин Международной академии бизнеса и управления, полковник в отставке, кандидат исторических наук, доцент (Москва)

ПОДДЕРЖКА СССР НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ СТРАН АФРИКИ В 1960—1970-е ГОДЫ

Дипломатическое сотрудничество СССР с бывшими португальскими колониями в Африке начало развиваться не на пустом месте. Его основу составляли, с одной стороны, основополагающие принципы советской внешней политики в этом регионе, на которых Советский Союз строил отношения с африканскими странами, обретавшими независимость, начиная с 1950-х годов, а с другой — тот огромный авторитет, который приобрела наша страна у народов португалоговорящих государств в процессе их борьбы за национальное освобождение. В первую очередь благодаря поддержке СССР и других прогрессивных сил мира национально-освободительное движение африканских народов на рубеже 60—70-х гг. XX столетия добилось новых значительных успехов. Рухнула последняя колониальная империя, прекратил существование португальский колониализм. 25 апреля 1974 года народ Португалии под руководством организации Движение вооружённых сил сверг почти пятидесятилетнее господство фашистской диктатуры. 27 июля того же года Временное правительство Португалии приняло конституционный закон, в котором указывалось, что в соответствии с Уставом ООН, Португалия признаёт право народов на самоопределение и что урегулирование проблем её бывших заморских территорий должно носить политический, а не военный характер.

Этим знаменательным событиям на территории Африки предшествовала многолетняя упорная борьба за свои права и свободу народов Анголы, Мозамбика и Гвинеи-Бисау, которую активно поддерживал Советский Союз.

После того как в 1960 году Организация Объединённых Наций (ООН) по инициативе социалистических и многих развивающихся стран приняла Декларацию о предоставлении независимости колониальным странам и народам, вопрос о португальских колониях неоднократно обсуждался Генеральной Ассамблеей и Советом Безопасности ООН.

27 мая 1961 года Советское правительство обратилось ко всем странам и народам с призывом «заставить Португалию положить конец разбойничьей колониальной войне в Анголе и выполнить требование Декларации ООН о предоставлении независимости колониальным странам и народам»¹. Заявление Советского правительства было с одобрением встречено народами всего мира и оказало моральную поддержку народам Анголы.

Несмотря на то, что союзники Португалии по НАТО поддержали её в Совете Безопасности ООН, СССР настоял на том, чтобы резолюция США, Англии и Франции не была принята. Это активизировало развитие национально-освободительного движения португальских колоний в Африке.

Настойчивость СССР, других социалистических стран, поддержанная 32 независимыми государствами Африки, а также многими странами Азии и Латинской Америки, способствовали тому, что в июле 1963 года Совет Безопасности ООН всесторонне обсудил вопрос о португальских колониях и принял жёсткую резолюцию в отношении Португалии.

По инициативе советского представителя Совет Безопасности ООН в соответствии с Уставом ООН принял решение, имеющее обязательный, а не рекомендательный характер (этого требовал представитель США) о применении в отношении правительства Португалии политических и экономических санкций². Кроме того, в данную резолюцию был включён призыв ко всем странам прекратить поставки оружия Португалии. В результате эта страна была исключена из комиссии ООН по Африке, Всемирной организации здравоохранения и Международной организации труда. Возросла изоляция Португалии и в других международных организациях, в работе которых она в то время всё ещё принимала участие.

В 1972 году впервые на территории Африки (Аддис-Абеба) состоялось «выездное» заседание Совета Безопасности ООН. Португальские колонизаторы подверглись самому суровому осуждению. Совет Безопасности ООН заслушал представителей освободительных движений народов португальских колоний и подтвердил их право на свободу и независимость. Народное движение за освобождение Анголы (МПЛА), Единый фронт освобождения Мозамбика (ФРЕЛИМО) и Африканская партия независимости Гвинеи и Кабо-Верде (ПАИГК) были признаны ООН и рядом международных организаций. Так, представители МПЛА были приняты в ЮНЕСКО, Всемирную организацию здравоохранения, Экономическую комиссию для Африки и другие организации³.

Всё это значительно улучшило перспективы национально-освободительного движения в Анголе, Мозамбике и Гвинее-Бисау, содействовало росту международной солидарности в борьбе народов португальских колоний. <...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала»

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Правда. 1961. 27 мая.

² Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 658. Оп.3. Д.1. П.1.

з Борба (Белград). 1972. 7 ноября.

ЗАБЫТОЕ ИМЯ

Зимин Игорь Викторович —

профессор кафедры истории Санкт-Петербургского государственного медицинского университета им. академика И.П. Павлова, доктор исторических наук (Санкт-Петербург)

ЦАРСКИЙ ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ КАРЛ КОХ

Точкой отсчета политического терроризма в России стал выстрел в Александра II бывшего студента Каракозова в 1866 году. Это покушение поставило перед шефом Третьего отделения П.А.Шуваловым проблему обеспечения личной безопасности императора.

В результате в структурах Третьего отделения была создана Охранная стража, главной задачей которой стало обеспечение личной безопасности царя на трассах проезда императорского кортежа. Это специальное жандармское подразделение было организовано к маю 1866 года и получило название «шуваловская охрана». Принципиально новым было то, что в структурах «охранной стражи» были введены должности секретных агентов, которые наблюдали за публикой в местах появления царя. Им предписывалось «зорко следить за собирающейся около высочайших особ публикою и стараться удалить всякого рода причины, могущие послужить поводом к какому бы то ни было рода беспорядкам в присутствии императорской фамилии, наипаче же всего охранять всюду драгоценнейшую жизнь его императорского величества»¹. Вновь созданное спецподразделение должно было действовать в глубокой тайне, а его сотрудники давали подписку «о неразглашении».

Сотрудники Охранной стражи носили штатское платье, и лишь в особых случаях малая часть охраны могла быть одета в форменную одежду. Надо подчеркнуть, что Охранная стража формировалась как спецслужба с особым неофициальным статусом, и не была оформлена в законодательном порядке. Начальник Охранной стражи подчинялся непосредственно управляющему Третьим отделением. Поэтому о ее деятельности было мало известно даже сотрудникам дворцовой полицейской команды, охранявшей императорские резиденции.

Тем не менее, хотя Третье отделение и пыталось сохранить в тайне образование новой спецслужбы, слухи о ней моментально расползлись в обществе. Уже в мае 1866 года один из

современников упоминал, что «при отъездах государя со станции царскосельской железной дороги начали появляться какие-то лица, обращавшие своими манерами на себя внимание. Мне сказали, что это приставленные Третьим отделением канцелярии государя телохранители. Эти господа должны были быть никем не замечены, а их узнали на другой день по их назначению»².

Одним из героев Охранной стражи стал Карл Кох, который сумел спасти Александра II во время одного из покушений. Карл-Юлиус Иоганнович Кох, лютеранин, родился в январе 1846 года в семье выходцев из немецкого города Гамбурга, приехавших в Россию в поисках лучшей доли. В 16 лет Карл-Юлиус решил посвятить себя военной службе. Сначала был унтер-офицером Алексопольского пехотного полка. В 1864 году участвовал в подавлении польского мятежа, проявив при этом храбрость и инициативу. После окончания Варшавского пехотного юнкерского училища в ноябре 1866 года Карл Кох вернулся в свой полк в офицерских эполетах прапорщика. Видимо, двадцатилетний прапорщик был честолюбив, и его мало устраивала карьера заурядного армейского офицера. Потому после тяжелых полугодовых экзаменов и всесторонней проверки Карл Кох в декабре 1874 года добился перевода в Отдельный корпус жандармов и был зачислен в штат Санкт-Петербургского жандармского дивизиона.

Там Кох непродолжительное время числился младшим офицером. Возглавляя учебную команду, он проявлял усердие и служебное рвение, за что был «всемилоостивейше награжден единовременным денежным пособием». На добросовестного и исполнительного офицера обратил внимание сам глава Третьего отделения собственной его императорского величества канцелярии и шеф жандармов генерал-адъютант Н.В. Мезенцов, благодаря чему в декабре 1876 года Карл Кох был назначен помощником начальника Охранной стражи — личной охраны Александра II и произведен в чин штабс-капитана. Впервые имя Карла Коха — жандармского капитана и царского «личника» стало широко известно в России после покушения на императора 2 апреля 1879 года.

События на Дворцовой площади потрясли Россию даже не самим фактом покушения на Александра II, а унижительными для него и позорными для охраны обстоятельствами покушения. Вот одно из характерных мемуарных описаний этого происшествия: «Утром, совершая свою ежедневную прогулку и входя в Миллионную улицу, государь видит, как навстречу ему идет человек подозрительной наружности в чиновничьей фуражке и как в расстоянии нескольких шагов от него он преспокойно вынимает из-под пальто револьвер и стреляет в государя. Государь делает движение направо, преступник стреляет вторично направо, государь переходит на левую сторону, преступник стреляет в третий раз, и в третий раз Бог чудесным образом охраняет своего несчастного помазанника, и только тогда полиция успевает схватить преступника»³. <...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала»

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ История государственной охраны России. Собственная его императорского величества охрана. 1881—1917 / Под общ. ред. Е.А. Мурова. М., 2006. С.122.

² Дельвиц А.И. Мои воспоминания. М., 1913. Т. III. С. 379, 380.

ПОЛКОВОДЦЫ И ВОЕНАЧАЛЬНИКИ

ГЕРАСИМОВА Юлия Николаевна —

доцент кафедры историографии и источниковедения Тверского государственного университета, кандидат исторических наук (г. Тверь)

«ПОЛНОЕ УДОВОЛЬСТВИЕ ЗА... ОГРАЖДЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ ОТ ВСЯКИХ СТЕСНЕНИЙ»

Участие М.Т. Лорис-Меликова в Восточной (Крымской) войне

В ходе Крымской (Восточной) войны 1853—1856 гг. России, пожалуй, впервые за всю её историю, пришлось отражать натиск противника не только на юге, но на западе и на востоке. Боевые действия сухопутных войск развернулись на Балканах, Кавказе и в Крыму, флота — на Чёрном и Балтийском морях и ограниченно на Тихом океане. Наиболее успешно русские войска под командованием генерал-лейтенанта В.О. Бебутова, генерала от инфантерии Н.Н. Муравьева, генерал-майора И.К. Багратиона-Мухранского действовали против турок на Кавказском ТВД, кульминацией чего стала осада и взятие крепости Карс в ноябре 1855года. Здесь впервые отличился тогда еще молодой офицер Михаил Тариелович Лорис-Меликов (1824[1825]—1888), впоследствии генерал от кавалерии (1875), граф (1878), член Государственного совета, председатель Верховной распорядительной комиссии, министр внутренних дел (1880—1881)¹.

Свою военную и государственную карьеру М.Т. Лорис-Меликов начал с командира отряда так называемых охотников², добровольцев из представителей народов Кавказа, организационно входивших в состав Александропольского отряда, соединившегося затем с Ахалцыхским, числившегося в корпусе В.О.Бебутова³. <...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала»

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробнее см.: *Даниелян Г.Г.* Генерал граф Лорис-Меликов: Его жизнь, военная и государственная деятельность. Ереван, 1997; *Итенберг Б.С., Твардовская В.А.* Граф М.Т. Лорис-

Меликов и его современники. М., 2004; *Кузьминов П.А.* М.Т. Лорис-Меликов на Кавказе // Кавказский сборник. М., 2005. Т. № 2(34). С. 115—118.

² Охотники — лица, добровольно поступавшие на военную службу, несмотря на формальное освобождение их по закону от воинской повинности. В России в качестве охотников в армию имели право поступать лица, не принимавшиеся на военную службу как вольноопределяющиеся.

³ Александропольский отряд — один из трёх оперативных отрядов, входивших в состав корпуса генерал-лейтенанта В.О.Бебутова.

ИСТОРИЯ ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ

АВДЕЕВ Валерий Александрович —

ведущий научный сотрудник Института военной истории МО РФ, кандидат исторических наук (Москва)

КАРПОВ Владимир Николаевич

из революционеров — в разведчики

После долгих мытарств в безденежном 1919 году Иосиф Давришвили попытался связаться с грузинскими меньшевиками, но из этого ничего не получилось.

9 октября 1919 года, когда капитан Ладу уже был оправдан французским военным судом и восстановлен на службе, Давришвили по его совету направил письмо на имя французского премьер-министра Ж. Клемансо, копия которого сохранилась в архивах французской военной разведки. Вот его содержание:

«Лично

Председателю Совета министров

г-ну Клемансо,

ул. Франклина, Париж

Господин председатель!

Не откажите служивому, который просит у вас справедливости.

Будучи до войны пилотом, я 4 августа 1914 года записался добровольцем в армию и честно исполнял свой долг на фронте в отношении Франции, которая предоставила мне убежище как эмигранту и позволила мне учиться в Сорбонне.

Будучи тяжело раненым на действительной службе в конце 1916 года и уволенным в запас по 1-й категории, я отказался от увольнения, желая до конца служить Франции рядом с моими товарищами. Военные власти передали меня в распоряжение 2-го бюро.

Я выполнял секретные задания в Швейцарии и Испании. Во время одной из моих поездок снова был тяжело ранен в результате автомобильной катастрофы, находясь в компании с резидентом разведки бошей бароном фон Кроном (по согласованию со 2-м бюро я готовил его похищение).

Французские газеты, особенно «Аксьон франсез», узнали об этом происшествии и измарали в грязи мое имя, изображая меня германским агентом, к полному изумлению моих родителей и друзей во Франции.

Теперь я остался калекой на всю жизнь. Я возвращаюсь к гражданской жизни и долго буду хранить воспоминания об этом задании, которое оказало мне честь. Я добровольно отдал Франции мою кровь и мою честь и готов отдать ей все, что у меня осталось. Но я хочу иметь право, господин председатель, возвратиться домой с высоко поднятой головой и доказать, что я сделал эту «работу» для святого дела. Несмотря на все обещания, я остаюсь единственным довоенным пилотом, не имеющим ни военного креста, ни медали.

Так что же, исполнять секретные задания во время войны – это бесчестие?

Смею надеяться, господин председатель, что Вы соизволите обратить внимание на мой случай, и моя преданность Франции будет вознаграждена.

Примите, господин председатель, уверения в моих чувствах преданности к Вам и Франции.

Сержант-пилот в отставке

Ж. де Давришеви

11-бис, ул. Лористона, Париж

Постскрипту: прилагаю свидетельство об увольнении в запас, подтверждающее мои слова, и прошу Вас вернуть его мне»¹.

Премьер-министр Франции Ж. Клемансо переправил письмо И. Давришеви в военное министерство с просьбой перепроверить изложенные в нем факты и высказать мнение о целесообразности наградить его.

После нескольких запросов в различные подразделения в конце декабря 1919 года 2-е бюро (секция централизации разведанных) направило служебное донесение на имя военного министра, в котором подтвердило факт сотрудничества Зозо с французской военной разведкой, однако не высказало своего мнения о целесообразности его награждения. В донесении, в частности, говорится: «...Давришеви действительно использовался 2-м бюро вместе в Мартой Рише («Жаворонок»), и бывший резидент французской разведки в Испании г-н де Нефвиль может сообщить свое мнение об услугах, оказанных Давришеви.

Прилагаем досье на капитана Ладу и некоторые документы, которые могут относиться к его делу (телеграммы из Мадрида от 3 июля и 2 мая 1917 года).

Прилагаем также проект письма господину Жильберу де Нефвилю»2.

Причин столь осторожного отношения руководства 2-го бюро к делу Зозо было несколько. С окончанием войны состав бюро был значительно сокращен, пришли новые люди, которые ничего не знали о деятельности разведки в годы войны и тем более о Зозо. Кроме того, хотя капитан Ладу был оправдан по суду, он во 2-м бюро был в положении «парии», несмотря на его славное прошлое. Зная об «опале» бывшего руководителя французской разведки, новое руководство не желало подвергать себя риску, выжидая, чем закончится его дело. Ведь у руля страны стоял премьер-министр «тигр» Клемансо, отправивший за решетку своего предшественника по обвинению в предательстве. В этих условиях лучше не высовываться со своим мнением и действовать строго по инструкции.

Как бы там ни было, Иосиф Давришвили был награжден французским Военным крестом, а затем и военной медалью. Это было престижно, но его материального положения не поправило.

Чтобы как-то заработать на жизнь, Зозо пытается заинтересовать собой французскую военную разведку. В начале 1922 года он совершает поездку в Константинополь (Стамбул), возможно, по заданию того же 2-го бюро, которое интересовалось положением в его родной Грузии. После возвращения из Константинополя он направляет во 2-е бюро письменный отчет, в котором дает сведения о положении на Кавказе в целом и в Грузии в частности.

С ним захотели встретиться. 22 февраля 1922 года произошла беседа с двумя представителями 2-го бюро – капитаном Мандра (оперативный псевдоним – Мулен) и капитаном Прюльером (псевдоним – Дюма). В своем отчете об этой беседе они пишут: «Общее впечатление: хорошее, выглядит откровенным, немного самоуверенным авантюристом.

Чем недавно занимался: ездил в Константинополь с целью завязать торговлю с Россией. Столкнулся с непреодолимой ситуацией на черноморских рынках со стороны компании Нуланса, система взяток которого, как он утверждает, делает невозможной любую конкуренцию.

Там же получил со стороны большевиков весьма щекотливое предложение в случае возвращения в Россию, которое, как утверждает, он отклонил.

Что он узнал:

Константинополь.

1. Восстановил прежние связи с Федором Баткиным. Этот тип, придерживающийся эсеровских взглядов (Керенский), в свое время играл некоторую роль при Временном правительстве в 1917 году. Недавно он выступил посредником между большевиками и генералом Слащовым из армии Врангеля, вследствие чего был допрошен французской полицией. После этого он переехал в Совдепию, движимый амбициями сыграть новую роль и, может быть, даже получить задание (во Франции?) от большевиков. Якобы на этот счет были некоторые предложения.

Г-н Д. сохранил контакты с ним и надеется получить новые данные от него.

2. Возобновил также отношения с некоторыми старыми друзьями, которые в настоящее время работают в советском полпредстве в Константинополе. Благодаря этому он сумел получить некоторые документы, которые прилагаются, а именно:

а) Копию телеграммы, составленной условным языком и направленной Бухариным в Париж Александру Соколову (псевдоним Скобелева, советского торгового делегата во Франции и Бельгии).

Эта телеграмма сообщает о том, что через некоего Гольдберга в адрес газеты «Юманите» было направлено 12 500 турецких лир (23 декабря 1921 года).

б) Копию аналогичной телеграммы, отправленной Джозефу Кортону (псевдоним Красина, советского торгпреда в Великобритании) в Лондон.

В этой телеграмме сообщается об отправке через Ольгу Ивановну Липчинскую 15 тыс. турецких лир от того же числа. Г-н Д. утверждает, что из того же источника он узнал, что примерно три недели или месяц назад в адрес редакции «Юманите» было отправлено по каналу некоего Макса (?) 2 млн франков.

Кроме того, он утверждает, что член советской делегации в Константинополе Модебадзе направляет активность своей пропаганды на Францию.

Что он предлагает:

Чтобы ему вернули документы, которые он нам любезно предоставил и которые прилагаются к донесению. Он намерен получить расположение Красина, вручив ему эти документы, которые он якобы нашел, а потом добиться от него поручения организовать службу разведки большевиков во Франции»³.

Предложение Зозо внедриться в разведывательную сеть советской военной разведки во Франции не нашло поддержки со стороны 2-го бюро. Вероятно, потому, что в 1922 году таковой пока еще не было. А вот документы, полученные от Зозо, представили интерес для французской разведки. Так, 1 июня 1922 года секция централизации разведывательных данных 2-го бюро направила на имя военного министра специальную докладную записку по этому поводу. Предварительно информация нашего героя была проверена. Криптографические службы Франции подтвердили ее достоверность. Однако лично для него это не имело никаких последствий кроме того, что в апреле 1930 года Иосиф Давришвили все-таки получил новую награду – Золотую медаль признательности Франции.

В 1935 году он вновь пытался заинтересовать собой 2-е бюро, решив выступить посредником в деле налаживания сотрудничества между французской и советской военными разведками. 26 августа 1935 года французская разведка оформила сведения от Зозо в виде разведывательного донесения следующего содержания:

«... Г-н Жак Давришеви (кличка «Зозо»), в настоящее время поддерживает контакт с некоторыми генералами из русской Военной миссии во Франции. Последние, говорит информатор, абсолютно убеждены, что в течение двух ближайших лет разразится военный конфликт между Францией и Россией, с одной стороны, и Германией и Польшей — с другой.

В России весьма сильны национальные чувства против Польши. Русские убеждены, что неизбежно военное поражение этого соседа, который всячески их раздражает. Недавно русская эскадрилья совершила облет польской территории, чтобы «узнать реакцию». Реакции никакой не было.

Россия считает, что она в течение двух лет будет готова противостоять вторжению ее врагов, даже если будет сражаться в одиночку. Она использует всю свою мощь на развитие своих армии, флота и авиации... В настоящее время заботой русского Генерального штаба является организация собственной разведывательной службы, которой придается все возрастающее значение.

Что касается специального поля ее деятельности, то один из руководителей русской Военной миссии открылся г-ну Давришеви (так говорит сам Давришеви, но мы не были бы удивлены, учитывая его прошлое, что идея исходит от него самого: он избегает назвать имя и звание своего собеседника), что русский Генштаб разработал проект создания совместной с французской армией разведывательной службы. Дело в том, что он испытывает большие затруднения в содержании агентуры в Польше, где недоверие и враждебность к выходцам из России достигли апогея. Россия же, наоборот, имеет для этого самые благоприятные возможности в Германии и располагает самыми точными сведениями (говорит Давришеви со слов своего собеседника) о массированном перевооружении, которое в настоящее время производит рейх. Для Франции, считает русский Генштаб, ситуация является обратной, информаторы французской разведки могут работать в условиях достаточной отдачи в Польше, в то время как их миссия в Германии является практически невозможной.

Исходя из этой фактически двойственной ситуации, русский Генштаб якобы предписал собеседнику Давришеви «прощупать почву» во время его нынешней командировки во Францию для объединения усилий русской и французской разведывательных служб путем создания совместного органа, действующего в общих интересах в Германии и Польше. Если Генштаб армии одобрит априори подобную идею, г-н Давришеви готов, по его словам, установить контакт между его собеседником и французской службой разведки, чтобы обеспечить приезд из СССР во Францию высокопоставленного лица русской разведки, наделенного всеми необходимыми полномочиями для того, чтобы совместно с нашими специальными службами реализовать создание и наладить работу этой новой службы.

Русский Генштаб, или, по крайней мере, собеседник г-на Давришеви, предусматривает придать этой организации форму, аналогичную той, которую придают немцы своим мощным специальным службам за границей: акционерное общество, являющееся внешне совершенно независимым, – финансовое, промышленное или торговое, – представительство фирмы, орган статистических исследований и т.п.

Кроме того, г-н Давришеви сообщил нам, что русский Генштаб якобы готов раздобыть «все необходимые средства», а Франция должна будет дать «людей», по крайней мере для Польши.

В заключение г-н Жак Давришеви, ссылаясь на ранее оказанные им услуги, заявил, что хочет поставить на службу Франции доверие, которое питают к нему его бывшие товарищи – русские революционеры, занимающие в настоящее время руководящие посты в СССР, и просит разрешить ему изложить военным властям идею, которую, по его словам, ему поручено продолжить и, если возможно, реализовать.

Мы сообщили ему, что в нашу компетенцию не входит давать ему указания даже в принципе, но мы немедленно и полностью доложим о его демарше...»4.

Но Зозо не оставляет свои попытки быть полезным одновременно французской и советской военным разведкам. 10 сентября 1935 года 2-е бюро передаёт в службу контрразведки следующее его разведывательное донесение:

«В продолжение разведдонесения от 25 августа 1935 г... направляем приложением документ, который информатор записал почти под диктовку своего собеседника... Давришеви уточнил, что автором предложений является генерал, который будет командовать танковыми войсками на маневрах, назначенных на 10 сентября...

1. Мы хотим любой ценой избежать вмешивать политиков в это дело, как ваших, так и наших, именно поэтому этот вопрос не был задан в Москве г-ну Лавалю в момент подписания нашего соглашения, когда это предложение, разумеется, имело бы больше шансов привести к конкретным результатам, нежели сегодня.

2. Замешивать в это дело, имеющее чисто военный характер, г-на Лавалю или г-на Литвинова равноценно тому, что передать его г-ну Марти или Кашену. Русское 2-е бюро не доверяет всем четверым. Мы не политики, мы только военные.

3. Мы хотим откровенной встречи, чтобы изложить вам нашу аргументацию, могущую служить основой для принятия принципа нашего сотрудничества. Согласно аргументам, которые мы приведем, мы уверены в том, что этот принцип будет принят. Впоследствии мы увидим, будет ли этот принцип приемлем для вас.

4. Нам известна работа, которую ведут французские службы для того, чтобы изменить политическую ориентацию Польши. Прежде чем прийти к этой ориентации, Польша (а это возможно) придет к другой ориентации (итальянской). Мы представим неопровержимые доказательства на этот счет. Мы потеряем время, которое в работе 2-го бюро никогда не будет наверстано.

5. Технические вопросы соглашения будут приняты нами после формального одобрения их французами. Мы предлагаем с нашей стороны такой план, который, мы в этом уверены, будет приемлем для 2-го бюро.

6. Мы хотим гарантий для себя в случае войны с Польшей и Германией против нас, то есть СССР и Франции. По нашему мнению, эта война неизбежна. Если наше военное сотрудничество, заключенное в Москве, действительно является искренним и служит гарантией нашего союза против врага, соглашение между двумя разведывательными бюро является полезным, необходимым и представляется бессрочным.

7. Это соглашение будет распространяться на темы и проблемы, выработанные совместно, дающие свободу договаривающимся сторонам прекратить его в случае изменения обстоятельств.

8. Мы повторяем, что время торопит, и что поздно или рано мы сможем оценить, является ли военное соглашение, подписанное в Москве, искренним желанием обсудить наше предложение. Это дело между Ворошиловым и вашим военным министром, но ни в коем случае не между Литвиновым и Лавалем. Обмен мнениями между французским и советским 2-м бюро, очевидно, возможен с согласия обоих военных министров. Мы это очень хорошо понимаем»5.

В досье, в котором находится вышеприведенный документ, подшита написанная на бланке службы контрразведки рукописная пояснительная записка: «Среди генералов из состава

советской Военной миссии, прибывших на маневры в Шампани и способных командовать танковыми войсками на ближайших маневрах, числятся: дивизионный генерал Малашенко и бригадный генерал Лизюков»б.

Приведённые документы французской военной разведки весьма примечательны. Пожалуй, впервые в отечественной исторической литературе приводится ранее никому не известный факт, что в 1935 году Советский Союз предлагал Франции наладить сотрудничество по линии военных разведок обеих стран. Французская сторона также не предавала огласке советское предложение, свидетельствующее об искреннем желании СССР установить с ней полномасштабное военное сотрудничество.

Поясним читателю, что в 1934 году между Германией и Польшей был подписан договор о неприменении силы, фактически направленный против СССР. Польша надеялась, что в будущей большой европейской войне она будет воевать против Советского Союза вместе с Германией и с ее помощью возродит Великую Польшу «от моря до моря», отрезав от СССР Белоруссию и Украину. Правда, Гитлер имел иное мнение на этот счет. Он помнил завещание «железного канцлера» Отто фон Бисмарка, согласно которому Германия должна заключать пакты, подобные союзу наездника с ослом. При этом Германия всегда должна быть наездником. В этой связи Гитлер не без основания полагал, что договор с Польшей оградит его страну от нападения с востока в тот момент, когда пока еще слабая в военном отношении Германия не решит своих территориальных проблем на западе (возвращение Саара, демилитаризованной Рейнской области и т.п.).

Германо-польский договор вызвал большую обеспокоенность во Франции, где усмотрели в этом фактически военном союзе двух стран угрозу своим интересам на континенте. Поэтому в противовес ему в следующем, 1935, году между СССР и Францией впервые было подписано соглашение о военном сотрудничестве, фактически направленное против возможной агрессии нацистской Германии.

Оно вызвало раздражение у лондонских «мюнхенцев», которые рассматривали его как «предательство» их политики поощрения гитлеровской агрессии на востоке. Под давлением Лондона советско-французское соглашение осталось чисто декларативным и не наполнилось конкретным содержанием, обязывающим обе стороны оказывать друг другу реальную военную помощь в случае нападения Германии на одну из них.

Попытки советской военной разведки наладить сотрудничество с французскими спецслужбами в Польше и Германии, впрочем, также оказались бесплодными, поскольку правившие в тот период во Франции «двести семейств» больше боялись Советского Союза, нежели Гитлера.

Дальнейшие попытки Зозо как-то обратить на себя внимание французской военной разведки были также безрезультатными. Не удалось и его хлопоты по устройству сына Дато в престижное военное училище Сен-Сир: он не был французским гражданином, поэтому Дато взамен было предложено записаться в Иностраннный легион. Наверное, французские власти, учитывая заслуги Давришвили-старшего перед своей страной, могли бы пойти навстречу просьбе его сына, однако не сделали этого. Вероятно, Зозо как бывшему революционеру-террористу французы не очень доверяли: в 30-е годы у них хватало своих террористов (достаточно вспомнить профашистских кагуляров).

После многочисленных отказов французских властей принять Дато Давришвили в училище Сен-Сир его призвали в армию. Правда, возможно, речь все-таки идет об Иностранном легионе, поскольку французского гражданства он так и не получил.

14 сентября 1938 года его отец Иосиф Давришвили обращается с письмом во французский генеральный штаб. Вот его текст:

«Париж, 14 сентября 1938 года

Г-ну начальнику генерального штаба

генералу Гамелену

Париж

Господин генерал!

Считаю своим абсолютным и неоспоримым долгом просить оказать мне честь поступить в ваше распоряжение. Поскольку мой сын призван в армию, я требую права поручить мне самые секретные и опасные задания, какими бы они ни были.

Мое прошлое безупречно, мой опыт, услуги, оказанные во время войны 2-му бюро, и мои обширные связи во всех уголках мира дают мне надежду, что моя скромная просьба будет принята во внимание.

Примите, господин генерал, уверения в моей полной преданности Франции и вам.

Бывший сержант-пилот

Жак де Давришеви

Ул. Мениль, 14

Париж»7.

Письмо это было написано за две недели до «мюнхенского сговора», когда Германия потребовала от Чехословакии возвращения Судетской области. В воздухе снова запахло порохом. Однако Зозо явно поторопился: Париж и Лондон воевать за Чехословакию не собирались. 29 сентября 1938 года они в баварской столице выдали Чехословакию на растерзание Гитлеру. Поэтому на письме никаких резолюций не имеется. Кроме того, в ту пору летчику Зозо было уже 56 лет. В таком возрасте в разведку идти поздно...

Таким был агент Павла Игнатьева, боевой летчик по кличке Зозо. В его характере причудливо перемешались самые разнообразные черты — от безумной храбрости и самопожертвования до стремления обеспечить себе и своим близким спокойную, зажиточную жизнь. Он был пламенным революционером и одновременно заурядным грабителем. Не будем строго судить его: Зозо был сыном своего бурного времени, о котором нельзя писать только в черных или белых красках.

Как сложилась дальнейшая судьба Иосифа Давришвили? 10 мая 1940 года стальные полчища германской армии вторглись во Францию. После полутора месяцев бесславного сопротивления французская армия капитулировала, и страна была оккупирована германскими войсками. Документы 2-го бюро и других французских спецслужб попали в руки гестапо. Изучив их,

гитлеровцы казнили агента НКВД, известную русскую певицу Надежду Плевицкую, бывшего министра в правительстве Колчака Сергея Третьякова, арестовали генерала Дьяконова, также работавшего на советскую внешнюю разведку, и ряд других русских патриотов. Удалось ли Иосифу Давришвили избежать их судьбы?

Сумел ли он, подобно Марте Рише, уйти в маки (партизаны), чтобы сражаться с оккупантами его второй родины? Мы этого не знаем, и загадка «пилота Зозо» ждет своего разрешения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 7К. Оп. 1. Д. 647. Л. 781.

² Там же. Л. 771, 772.

³ Там же. Л. 742, 743.

⁴ Там же. Л. 59—62.

⁵ Там же. Л. 53, 54.

⁶ Там же. Л. 50. «В личном деле А.И. Лизюкова, касавшегося довоенного времени, указано, что осенью 1935 года он около месяца был во Франции членом нашей военной делегации на маневрах французской армии» // *Симонов К.* Разные дни войны. Дневник писателя. М., 1977. Т. 1. 1941. С. 28.

⁷ Там же. Л. 29.

Критика и библиография

Шаманов Владимир Анатольевич —

Герой Российской Федерации, начальник Главного управления боевой подготовки и службы войск Вооруженных Сил РФ, Президент Российской Ассоциации Героев Советского Союза, Социалистического Труда, полных кавалеров ордена Славы и Героев Российской Федерации, генерал-лейтенант (Москва)

Они сражались за родину в Заполярье

В Мурманском областном книжном издательстве вышла в свет книга местного краеведа, писателя В.А.Сорокажердьева о Героях Советского Союза, сражавшихся в 1939—1945гг. в Заполярье*. Это стало возможным благодаря финансовому обеспечению администрации города-героя Мурманска, что весьма символично. Администрация города стремится к тому, чтобы более

широко стали известны подвиги мурманчан, ставших героями в ходе Советско-финляндской и Великой Отечественной войн на Карельском фронте и Северном флоте в 1939—1945гг., а также на других фронтах, принимавших участие в обороне Заполярья. Поэтому прежде всего сердечное спасибо администрации города-героя Мурманска за сохранение и умножение памяти о гражданах, совершивших подвиги во имя Отечества, в целом о Великой Отечественной войне.

В книге В.А.Сорокажердьева читатели найдут боевые биографии 236 Героев Советского Союза. Да, это только 2проц. от общего числа 12772 граждан, удостоенных высокого звания Героя Советского Союза за всю историю СССР, но это 236подвигов, каждый из которых уникален. Люди, совершившие их, сумели подняться до самого высокого уровня преданности Родине, до самопожертвования во имя ее существования.

Жизнеописания героев построены в книге по единой схеме. Когда и где человек родился, какое получил военное образование, как и когда попал на Север, за что был удостоен звания Героя Советского Союза. Описание подвига. Послевоенная судьба. Чем и когда награждался. Как увековечен. Награждения орденами и медалями указаны с соответствующими датами выхода указов и приказов. В отдельных случаях сказано и о наиболее значительных наградах, полученных после окончания Великой Отечественной войны. Названия мест рождения и захоронения даны в современном написании, однако наименования географических объектов, встречающиеся в тексте, оставлены без изменения — как они звучали в довоенные и военные годы. Воинские звания в начале биографий даны на момент оформления наградного документа.

Источниковой базой для автора при создании книги стали исторические документы — наградные листы, послужные и наградные карты, в отдельных случаях личные дела и другие материалы из военных архивов и военных комиссариатов.

В книге приведены описания подвигов, за которые были присвоены первые звания Героев Советского Союза на мурманском направлении: пехотинца политрука Сергея Дмитриевича Василисина (звание присвоено посмертно), одного из четырёх танкистов Александра Михайловича Борисова, лётчика Леонида Илларионовича Иванова.

А разве может оставить читателей равнодушными рассказ о подвиге, совершенном 11 октября 1944года в ходе Петсамо-Киркенесской наступательной операции пулемётным отделением сержанта Анатолия Федоровича Бредова, где наводчиком был сержант Никита Егорович Ашурков? В боях за высоту Придорожная отделение преградило путь отступающему противнику, отбив 11 его атак. Когда кончились боеприпасы, оставшиеся в живых командир и его помощник отбивались гранатами, а потом Н.Е.Ашурков и А.Ф.Бредов последней гранатой подорвали пулемет и себя. По представлению командования 14-й стрелковой дивизии Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24марта 1945года оба пулемётчика были удостоены звания Героя Советского Союза посмертно. Но свершилось чудо — сержант Ашурков остался жив. Всё его тело было иссечено осколками. Через несколько дней на поле боя его, подавшего голос, похоронная команда передала санитарам. Отважный пулемётчик долго лечился в госпиталях в Мурманске, затем в Забайкалье.

За героизм, мужество и отвагу в боях с врагом на море также посмертно Указом Президиума Верховного Совета СССР от 23октября 1942года присвоено высокое звание Героя Советского Союза капитану 2ранга Гаджиеву Магомеду Имадутдиновичу, славному сыну дагестанского народа. Его именем назван поселок в Мурманской области, а также улицы в городах Мурманск,

Полярный, Североморск, Усть-Каменогорск, бухта в Антарктиде, плавбаза на Каспии, установлены памятник на родине в селе Мегеб и бюст в ВВМУ им.М.В.Фрунзе в Санкт-Петербурге.

Нашло в книге место и описание жизненного пути и подвигов, совершённых летчиком штурмовой авиации Владимиром Васильевичем Козловым, который с февраля 1943 года воевал на Карельском фронте — в 828-м штурмовом авиаполку 260-й штурмовой авиадивизии 7-й воздушной армии. Он громил врага на петрозаводском, кестеньгском, кандалакшском направлениях. За два года войны на штурмовике Ил-2 он совершил 86 боевых вылетов, уничтожил 22 автомашины, 29 повозок с грузом, взорвал 20землянок и блиндажей, 4 орудия полевой и 10 зенитной артиллерии, подбил 3 танка, вывел из строя 2 паровоза, разбил и сжег 25 вагонов и платформ.

Правда, автор не отметил в книге, что Герой Советского Союза Владимир Васильевич Козлов и сегодня активно работает на благо ветеранского движения, возглавляя Краснодарское региональное отделение Российской Ассоциации Героев. Он является почетным гражданином не только поселка Белое Море Кандалакшского горсовета Мурманской области, как указано в книге, но и города Краснодара и станицы Кавказской Краснодарского края. Удостоен звания «Заслуженный строитель России»

Книга не свободна и от некоторых других мелких погрешностей. Так, не о всех героях, ушедших из жизни, даны точные сведения о месте их захоронения и увековечения. В частности, не сказано, что Герой Советского Союза С.К.Бирюков похоронен в г.Москве на Николо-Архангельском кладбище, Герой Советского Союза В.М.Иванов — на воинском участке Троицкого кладбища в г.Орле. Не приведены даты смерти Героев Советского Союза А.М.Асрияна (07.10.1992), Н.М.Бекасова (19.09.2002), К.М.Гонтаря (22.05.2003, похоронен в г.Москве на Хованском кладбище). В книге ошибочно указано, что Герой Советского Союза В.М.Иванов скончался в г.Орле 11 августа 1982 года, в то время как он умер 21 августа 1982-го.

Не приведены и даты рождения Героев Советского Союза Г.С.Асеева (05.05.1920), А.М. Борисова, А.М. Грязнова, Н.Ф.Данилова, С.Т. Казакова, В.Д. Капустина, М.С. Квасникова, И.И.Казьмина. Требуют уточнения даты рождения В.С.Адонкина (указано 01.04.1918, а по данным других источников — 07.04.1913), В.П.Антонова — 08.03.1917 (13.03.1917), И.М.Белова — 10.10.1915 (15.06.1915), М.П.Белуцова — 07.11.1904 (12.11.1904), М.Г.Владимирова — 20.11.1918 (21.11.1918), Л.И. Елькина — 19.03.1916 (06.03.1916), И.М. Желвакова — 03.03.1917 (03.03.1918), Л.И.Иванова — 08.09.1909 (08.08.1909), И.П.Каторжного — 20.10.1920 (11.09.1920), В.Н. Киселева — 15.01.1910 (15.10.1910).

Нуждаются также в уточнении даты гибели или смерти Героев Советского Союза: С.И. Азарова — 7.05.1942 (по иным источникам — 8.05.1942), С.Д. Алиева — 12.10.1992 (12.10.1991), В.П.Антонова — 19.12.1988 (18.12.1988), И.И. Афанасьева — 08.09.1952 (08.10.1952), В.П. Балашова — 23.01.1990 (01.04.1990), А.Ф.Бредова — 1.10.1944 (11.10.1944), В.И. Быкова — 17.11.1999 (16.11.1999), Л.А. Гальченко — 28.09.1986 (26.09.1986), Л.И.Иванова 27.06.1941 (28.06.1941), И.П. Каторжного — 16.11.1982 (15.11.1982), В.П. Кислякова — 01.12.1990 (29.11.1990), С.П.Кобзева — 21.01.1993 (29.01.1993).

Ошибочно указан номер медали «Золотая Звезда» у Героя Советского Союза И.П.Каторжного — №5062 (эта медаль у Героя Советского Союза А.И.Кисова), фактически — №5068.

Однако эти замечания не снижают значимости труда Владимира Сорокажердьева. Они могут быть учтены при переиздании книги, необходимость которого очевидна, — её тираж всего 1000 экземпляров.

Нужда в подобного рода книгах в российском обществе чрезвычайно высока. Далеко не всё ещё сделано для претворения в жизнь крылатого выражения: «Страна должна знать своих Героев!».

Очень важно запечатлеть подвиги героев страны, ведь с каждым годом число их уменьшается. Так, если в Российской Ассоциации Героев год назад насчитывалось 1034 Героя Советского Союза, Героев Российской Федерации и полных кавалеров ордена Славы, то сегодня в наших рядах осталось 992 человека.

К сожалению, в числе сорока двух ушедших от нас за год героев и два Героя Советского Союза, о которых говорится в книге. Это Герой Советского Союза Георгий Михайлович Паламарчук (умер в г.Москве 10.10.2007) и Герой Советского Союза Кузнецов Георгий Андреевич (скончался в г.Москве 08.01.2008).

На наш взгляд книга Владимира Сорокажердьева поможет читателям лучше узнать биографии людей, совершивших подвиги во имя Отечества. Она, безусловно, будет также способствовать повышению внимания ко всем участникам Великой Отечественной войны, которые, к счастью, всё ещё находятся рядом с нами. Как им живётся сегодня, все ли их проблемы решены, окружены ли они заботой со стороны власти и общества — все эти вопросы, конечно же, не должны оставлять безучастными граждан России. Одновременно с этим необходимо, как представляется, привлечь самое пристальное внимание к местам воинских захоронений и мемориальных комплексов, посвященных тем, кто отдал свою жизнь за свободу и независимость нашей Родины.

Наконец, эта книга будет способствовать и укреплению уважительного отношения россиян к Великой истории своего государства.

* *Сорокажердьев В.А.* Они сражались в Заполярье: Герои Советского Союза, 1939—1945: боевые биографии. Мурманск: Кн. изд-во, 2007. 304 с., ил.

КУЛИШ Василий Михайлович —

полковник в отставке, доктор исторических наук (Москва)

Германская стратегия во второй мировой войне

Это четырёхтомное издание*, увидевшее свет более трёх лет назад, но до сих пор сопровождающееся противоречивыми оценками, является одним из наиболее основательных исследований стратегии Германии во Второй мировой войне. В нём весь путь фашистского рейха, начиная с создания стратегической концепции, разработки планов войны, их осуществления и

кончая его полным разгромом, представлен немецкими документами, что позволило доктору исторических наук, профессору полковнику в отставке В.И.Дашичеву сосредоточиться на анализе гитлеровской стратегии без описания её.

Германская стратегическая концепция войны, обстоятельно рассмотренная автором в 4-й главе Тёма (с.135—189), в своей принципиальной основе не отличалась оригинальностью. Она повторяла стратегию войн прусского короля Фридриха и Наполеона Бонапарта, то есть войн, победа в которых была достигнута в одном генеральном сражении. Планируя очередное в истории завоевание мирового господства, фашистское руководство разделило предстоящее вооружённое столкновение с враждебными государствами на несколько военных кампаний, каждая из которых рассматривалась как самостоятельная с завершением в предельно короткие сроки война. Материалы и факты, собранные в работе, авторский анализ и обобщения свидетельствуют, вопреки окончательному выводу В.И.Дашичева, что благодаря этой стратегии были побеждены Польша, Франция, Великобритания, Бельгия, Нидерланды, обеспечен быстрый захват Дании и Норвегии, а также достигнуты военные успехи в кампаниях 1940года на Балканах и Средиземном море. Поэтому нельзя согласиться с автором, что она была изначально порочной, авантюрной. Банкротство немецкой стратегии во Второй мировой войне в целом было предопределено дальнейшими действиями рейха — авантюристической политикой агрессора, откусившего большой кусок и пожелавшего откусить ещё больший. В ответ на это другие страны, не менее амбициозные, а тем более не уступавшие по силам Германии, особенно в своём союзническом объединении, не могли позволить очередному завоевателю «проглотить» весь мир.

Автор уделил много внимания и созданию Германией собственной коалиции, способной противостоять Великобритании, Франции, США, а также Советскому Союзу и другим государствам, что являлось важнейшей задачей политики нового рейха в готовившейся войне. Это вылилось ещё до начала войны в возникновение альянса стран «Оси» (Германия и Италия), который с присоединением к нему Японии превратился в «Тройственный союз». В него в роли сателлитов были вовлечены Венгрия, Румыния, Болгария и Финляндия. Процесс создания и участие «Тройственного союза» в войне хотя уже изучены нашими и зарубежными историками, однако во всех опубликованных трудах, в том числе и в данной работе, нельзя получить ответ на вполне уместный вопрос: а какое влияние оказал этот союз на германскую стратегию? Думается, есть над чем задуматься и многим другим военным историкам.

В исследовании обстоятельно рассмотрено решение германской политикой задач международной и военно-стратегической изоляции жертв агрессии (т. 1, с. 366—514). Главным для неё было не допустить образования антигерманской военной коалиции европейских государств, что приобрело особую остроту в августе 1939года. Тогда Германия уже была готова начать войну, её вооружённые силы развёрнуты для нападения на Польшу и назначен день начала агрессии. В то же время в Москве проходили переговоры между советской, английской и французской военными делегациями о заключении военной конвенции, которым предшествовали англо-франко-советские переговоры о заключении пакта о взаимопомощи, направленного против германской агрессии в Европе. Однако из-за возникших противоречий между СССР, с одной стороны, Англией и Францией — с другой коалиция трёх держав не состоялась.

Германское руководство, конечно, не исключало возможности принятия в Москве соглашений, которые могли бы создать для него серьёзные трудности. Вот почему оно, чтобы не допустить

вступления СССР в союз с Англией и Францией, пошло на серьёзные уступки почти по всем нерешённым вопросам и заявило о готовности заключить с Советским Союзом пакт о ненападении сроком на 25 лет по предложенному советской стороной проекту. Подписание пакта состоялось 23 августа 1939 года. Возникший на пути Германии политический кризис был разрешён, и вскоре, 1 сентября 1939 года, началась Вторая мировая война.

О событиях, связанных с разрешением Германией отмеченного кризиса и с заключением советско-германского пакта, написано много нашими и зарубежными историками. Но нет работ, в которых всесторонне анализировались бы эти события, причины их возникновения, позиции сторон на переговорах и поведение их участников. В отношении последних чаще всего историки оперируют лишь фактами, связанными с подписанием пакта, и заявлениями сторон во время этой процедуры. Приведённых в рецензируемом труде документов советско-германских переговоров, высказываний их участников и некоторых заявлений достаточно для оценки пакта с точки зрения германской стратегии. Однако их совершенно недостаточно для обоснования сделанных автором важных и вместе с тем во многом бездоказательных оценок: отношения СССР к назревавшей войне в Европе; роли советско-германского пакта как предпосылки к этой войне; столь резкого осуждения позиции советской стороны на переговорах, в частности И.В. Сталина и В.М. Молотова, к тому же не совсем уместного в освещаемой теме.

В исследовании обстоятельно рассматривается экономическое обеспечение Германией войны, использование ею рабочей силы, производственных и материальных ресурсов, сырья, полуфабрикатов оккупированных стран Европы, а также труда военнопленных. Всё это освещается (см. т. II издания) на базе германской статистики, что даёт возможность читателю более внятно осмыслить победную эйфорию, охватившую немецкие разносословные круги, в том числе вооружённые силы, в предчувствии скорого вторжения в пределы Советского Союза и его разгрома в течение 8—10 недель. Однако захватническим планам не суждено было сбыться из-за грубых просчётов германского руководства. Так как Советский Союз являлся в то время единственной силой, реально противостоявшей Германии, он стал центром антигитлеровской коалиции, на создание которой агрессор явно не рассчитывал.

В третьем томе труда подробно исследуется ход разработки плана «Барбаросса» (с. 41—64 и 56—146). Отмечая тщательность планирования и подготовки Германии к войне против СССР, автор указывает на авантюристический характер агрессивной затеи. При этом весь процесс реализации германской стратегии покорения Советского Союза представлен так, как он отразился в документах высших немецких штабов. Захват германскими вооружёнными силами стратегической инициативы и крупные победы в приграничных сражениях на всём германо-советском фронте воспринимались как повторение схемы военных действий в Западной Европе в 1940 году. Всё возраставшее сопротивление Красной армии — как неприятная неожиданность, которая, однако, не повлияет на развитие запланированных действий вермахта.

Между тем советское командование под влиянием первых поражений Красной армии было вынуждено изменить стратегический план войны и противопоставить германской стратегии «сокрушения» стратегию «изнурения», то есть стратегию активной обороны. Ближайшая цель этой, фактически новой, стратегии состояла в том, чтобы путём наращивания силы сопротивления ослабить наступательную мощь противника, уменьшить темпы его продвижения, а затем остановить. Принятая стратегия развивалась и конкретизировалась по мере подготовки и проведения очередных операций. Последующей целью было изменить соотношение сил в свою пользу, овладеть стратегической инициативой и перейти в решительное наступление.

Подводя итоги кампании 1941 года, автор заключает: «Стратегия Гитлера зашла в тупик» (т.3, с.323). Исследуемые материалы, в первую очередь немецкие(!) документы, а также авторские обобщения дают основания для более точных и категоричных выводов: план «Барбаросса» и все, связанные с ним «политические, стратегические и экономические расчёты», — рухнули; главная цель кампании — лишить Советский Союз способности оказывать сопротивление — не была достигнута; немецкие вооружённые силы понесли огромные потери в живой силе, оружии и боевой технике.

В четырёхтомном труде В.И. Дашичева показано, что борьба за мировое господство не представляла собой просто лозунг немецкой пропаганды. Стремление к завоеванию мирового господства во Второй мировой войне не только было важнейшим направлением политики Германии, но и оказало влияние на её военную стратегию, конкретные военные планы. В частности, об этом свидетельствует и то, что ещё на этапе разработки «Барбароссы» германские штабы приступили к «конкретной разработке оперативно-стратегических планов» войны после её завершения: «Оккупации и охраны русской территории», «Операции против промышленной зоны Урала», «Операции из района Северного Кавказа через Кавказский хребет и Северо-Западный Иран» с целью выхода к Ираку, планов борьбы против английских позиций на Средиземное море и на Ближнем Востоке, в Северной Африке, захвата Гибралтара, английских и французских владений в Западной Африке и др. (т.3, с.151—171). Крах стратегии Германии в Великой Отечественной войне означал банкротство её политики борьбы за мировое господство.

Примечательно, что эту эстафету, не афишируя своих окончательных целей подхватили Соединенные Штаты Америки. Они заняли лидирующее положение в мире, потеснив на международном Олимпе Великобританию. Автор посвятил теме борьбы США за господство в Европе заключительную главу труда — «Послесловие: 60 лет спустя» (т.4, с. 273—291). Эта глава, вполне заслуживает того, чтобы внимательно ознакомиться с её содержанием, впрочем, как и стоит того весь объёмный, противоречивый, но небезынересный труд.

· *Дашичев В.И.* Стратегия Гитлера. Путь к катастрофе. 1993—1945. Исторические очерки, документы и материалы. М.: Наука, 2005. В 4 т.

Чиков Владимир Матвеевич —

полковник в отставке (Москва)

ВОЙНА БЕЗ ОБЪЯВЛЕНИЯ ВОЙНЫ ИЛИ ПОЛЕТ «НАГЛОГО ОРЛА — 2007»

Начало XXI века совпало с глубоким духовным кризисом не только в России, но и во всём мире. О том, как спасти цивилизацию от бездуховности и гибели, сегодня задумываются мыслители и философы многих стран. Собственное представление о ситуации, складывающейся сегодня в мире, и о роли разведсообщества США на путях стратегической трансформации излагают в своей книге* Ю.И.Дроздов и А.Г.Маркин. В обращении к читателю они объясняют, что их труд является ответом на вышедшую в 1983 году книгу трех американских авторов К.А.Ойе, Р.Дж.Либеры и Д.Ротшильда под названием «Наглый орел. Внешняя политика США в 80-е годы». Тогда эта книга

привлекла внимание мировой общественности, в том числе и советского руководства, тем, что в ней предсказывалась вероятность упадка военной мощи США, то есть невозможность приостановления развития неблагоприятных для Америки тенденций в третьем мире. Тогда же администрация президента Р.Рейгана взяла курс на обострение «холодной войны» с СССР и заявила о том, что главным противником, против которого Соединённые Штаты ведут войну, остаётся Кремль (с.7).

Наибольшего накала агрессивность США по отношению к России достигла в 2006—2007 гг., что позволило авторам дать книге название «Наглый орел-2007» и тем самым обратить внимание читателей на место и роль разведсообщества в системе американского государства.

На протяжении практически всего прошлого столетия перед разведкой США ставилась и ныне ставится задача разработки в глобальном масштабе всё более мощных сил, тайных и явных средств подавления любого государства, которое США сочтет своим реальным или предполагаемым противником.

В книге приводятся документы, ранее не публиковавшиеся в советской и российской периодике. Особое внимание авторы уделяют исторически сложившейся в США теории и практике проведения тайных операций, направленных на разрушение Российского государства. И «хотя Советского Союза уже нет, но действия, направленные на уничтожение России, как вероятного соперника США на мировой арене, продолжались и продолжают, обретая всё новые формы прикрытия истинных целей» (с.8). Такой посыл авторы делают на основании впервые публикуемой в книге Директивы Совета национальной безопасности США за №20/1 от 18 августа 1948 года — «Задачи в отношении России». Этот документ, по утверждению самих американцев, в нашей стране полностью никогда не публиковался, на него лишь иногда ссылались отдельные авторы или из него брались небольшие выдержки.

Приход XXI века человечество ждало с нетерпением, связывая с его наступлением свои самые лучшие надежды. Точно так же сто лет назад мир встречал век XX, когда население развитых стран аплодировало достижениям технического прогресса и верило, что человечество стоит на пороге эры благоденствия. Сегодня мы хорошо знаем, чего стоили эти ожидания: две мировые войны, «холодная война», сотни локальных войн и вооружённых конфликтов на фоне постоянной угрозы развязывания новой мировой войны с применением ядерного оружия. В этих условиях, считают авторы, лидеры ведущих мировых держав стали приходить к пониманию того, что войны за мировое господство можно вести и выигрывать иными средствами, в частности с помощью разведки, которая в условиях стратегической неопределённости становится важнейшим инструментом обеспечения безопасности государства, а зачастую и реализации его политики.

В первой части книги дается компетентное суждение о разведке, нелегальной работе и тайных специальных операциях, которые являются продолжением проводимой государством политики, подробно раскрывается структура разведсообщества США и программа реформирования его на краткосрочную перспективу, а также рассматривается реформа ФБР. *«Будущее ставит перед разведкой, — подчеркивают авторы, — две сложнейшие проблемы. Первая — это необходимость прогнозирования сценариев развития общества в условиях глобализации, вторая — необходимость убедить политиков поверить в то, во что они верить не хотят»* (с.96). И далее: *«По мнению американских экспертов, будущие возможности разведки, включая космическую разведку, позволят обеспечить проведение операции в любом районе мира, любых географических условиях, против любой цели, в любое время суток и любых метеоусловиях»* (с. 123).

Со времен «холодной войны» разведка США завоевала неплохую репутацию и сформировала у многих политиков и военачальников мнение, что ей по силам решение каких угодно задач. Координация структур разведсистемы США значительно осложнена существованием трёх различных, неподатливых и практически несовместимых организационных структур: военной разведки, гражданской разведки национальной безопасности (по большей части ЦРУ) и криминальной разведки (ФБР). «Самостийный» дух ФБР давно уже стал притчей во языцех среди сотрудников американских спецслужб... «Можно с уверенностью сказать, что в будущем ФБР должно стать и станет одним из разведывательных управлений», — убеждены авторы книги (с.132, 135).

С большим интересом читается публикуемая в главе «Контрразведывательное обеспечение и безопасность» брошюра под названием «Будьте начеку!» (с.168—176). Как отмечают авторы, «по мнению американских экспертов, безопасность сотрудника разведки в значительной мере зависит от него самого. Более того, от него зависит безопасность членов его семьи, выезжающих вместе с ним за рубеж. Именно поэтому контрразведывательное ведомство США столь внимательно и требовательно относится к вопросам безопасности американских граждан за рубежом.

В Советском Союзе вопросам контрразведывательной безопасности сотрудников спецслужб, совзагранпредставительств и совграждан тоже уделялось особое внимание. С каждым выезжающим за пределы СССР гражданином сотрудники КГБ проводили беседу, предупреждая о возможных провокациях и угрозах со стороны спецслужб вероятного противника. Опыт показывает, что эта практика была абсолютно правильной и не имела ничего общего с политикой “полицейского государства”, которую якобы проводило руководство СССР в отношении своего народа. Это приносило свои результаты. В советское время нападения на совгражданина было случаем достаточно редким.

Граждане СССР были неплохо защищены за пределами своей Родины. В значительной мере это было обусловлено “контрразведывательным ликбезом”, который проводили чекисты, а это, в свою очередь, было возможно только благодаря доверию граждан к КГБ СССР... После 1991 года эта практика под давлением псевдодемократической общественности канула в лету. А зря! В отличие от России США наоборот активно берут эту форму работы на вооружение. Примером тому может служить брошюра, которая адресована контрразведкой США не только сотрудникам спецслужб, но и всем гражданам Соединенных Штатов, выезжающим за рубеж. Авторы решили опубликовать ее полностью. Возможно, это поможет и нашим гражданам не стать жертвами провокаций со стороны американских и прочих “партнеров”» (с.167)

Таким образом, брошюра «Будьте начеку!» раскрывает угрозы со стороны иностранной разведки по сбору информации и подсказывает простые шаги по их нейтрализации.

Вторая часть книги посвящена исследованию теории войн и переворотов. Она даёт ответы на вопросы: что такое война, что такое состояние войны, ведется ли война в настоящее время, и если «да», то кем, где, каковы её масштабы, какие формы, методы, силы и средства применяются?

Сейчас, как сказано в книге, уже идет новая мировая война, и то, что у нас называется миром, в Пентагоне считают не более чем стратегической паузой. К сожалению, авторам не удалось дать точного определения этого понятия, но на основе изучения зарубежных материалов они полагают, что стратегическая пауза — это период, когда интенсивность противоборства между государствами или группами стран минимальна.

Появление книги Ю.И.Дроздова и А.Г.Маркина заставляет задуматься и ещё над одним обстоятельством: мир вступил в фазу наиболее опасного противостояния — цивилизационного. Цена поражения в нём — полное исчезновение с лица Земли одной из цивилизаций. В данном случае под словом «цивилизация» понимается система или системы ценностей, объединяющих людей разных национальностей, живущих в разных странах и исповедующих разные религии. Постглобализационный мир потому и называют однополярным, что Запад стремится к тому, что в этом мире сохранится только одна из двух моделей общественного развития, и заявляет об этом открыто, называя эту ситуацию концом исторического процесса.

«Тем временем, пишут в конце книги авторы, — “наглый орел” продолжает свой полет. Его жертвами уже стали сотни тысяч мирных граждан из государств, расположенных на противоположной от США стороне Земли. Тень от его крыльев уже скользит по окраинным землям нашей Родины. Кто остановит его полет?» (с.410).

* *Дроздов Ю.И., Маркин А.Г. Наглый орел — 2007 (Разведка и война в системе США). М.: ООО «Арстиль-полиграфия», 2007. 416с.*

Памятные даты

Публикация: ВАХРОМЕЕВА Наталья Игоревна —

специальный корреспондент редакции «Военно-исторического журнала» (Москва)

МАЙ в ВОЕННОЙ истории

2 мая 1945 года войска 1-го Белорусского (Маршал Советского Союза Г.К.Жуков) и 1-го Украинского (Маршал Советского Союза И.С.Конеv) фронтов завершили разгром берлинской группировки немецких войск и полностью овладели Берлином.

4 мая 1918 года декретом Совета народных комиссаров №491 на территории страны учреждено 11 военных округов. Таким образом был осуществлён один из этапов плана реорганизации органов центрального и местного военного управления.

5 мая 1903 года родился И.В.Доронин (с. Каменка Саратовской обл.), лётчик, полковник, один из первых Героев Советского Союза (1934 г.). На военной службе с 1920года. В 1926—1930гг. служил лётчиком на Черноморском флоте. С 1930года летал в Заполярье. В 1934 году участвовал в спасении экипажа затёртого льдами парохода «Челюскин». Затем начальник лётно-испытательных станций на ряде авиазаводов. Умер 2февраля 1951года.

6 мая 1908 года родился Н.Ф. Гастелло (Москва), лётчик, капитан (1940г.), Герой Советского Союза (1941г.). В Красной армии с 1931года. Участвовал в боях на р.Халхин-Гол (1939г.) и в Советско-финляндской войне 1939—1940гг.

6 мая 1945 года во время Великой Отечественной войны войска 1-го (Маршал Советского Союза И.С.Конев), 2-го (Маршал Советского Союза Р.Я.Малиновский), 4-го (генерал армии А.И.Ерёменко) Украинских фронтов, при участии 2-й армии Войска Польского (генерал дивизии К.К.Сверчевский) и 1-го чехословацкого корпуса (генерал Л.Свобода) начали Пражскую наступательную операцию. В ходе операции, завершившейся 9 мая, была окружена и пленена почти вся группа армий «Центр».

7 мая — День Российских Вооружённых Сил. В этот день в 1992 года вышел указ Президента РФ о создании Вооружённых Сил Российской Федерации.

7 мая 1940 года указом Президиума Верховного Совета СССР в армии и на флоте введены генеральские и адмиральские звания. Политсостав, медики, ветеринары и юристы сохранили прежние воинские звания и знаки различия до 1943 года. Этим же указом звание Маршала Советского Союза присвоено С.К.Тимошенко, Г.И.Кулику и Б.М.Шапошникову.

9 мая 1945 года — День Победы советского народа над нацистской Германией в Великой Отечественной войне. Церемония подписания акта о безоговорочной капитуляции германских вооружённых сил проходила в пригороде Карлсхорсте в здании бывшей столовой немецкого военно-инженерного училища. Она началась ровно в полночь 8 мая и закончилась в 04:43 по московскому времени 9 мая 1945 года. Этот акт от имени германского верховного командования подписали фельдмаршал Кейтель, генерал-адмирал флота фон Фридебург и генерал-полковник авиации Штумпф. От имени союзных держав-победителей — Маршал Советского Союза Г.К.Жуков, главный маршал авиации Великобритании А.Теддер и свидетели — представитель США генерал К.Спаатс и представитель французской делегации генерал Ж.-М.де Латтр де Тассиньи. Праздник введён в 1945 году, однако с 1947 года долгое время фактически не отмечался и являлся рабочим днём: впервые широко был отпразднован в СССР лишь спустя два десятилетия. В том же юбилейном 1965 году День Победы вновь стал нерабочим.

18 мая 1868 года родился Николай II, последний российский император.

18 мая 1918 года по приказу Ленина в Новороссийске затоплен Черноморский флот.

21 мая 1942 года учреждён нагрудный знак «Гвардия» для личного состава гвардейских частей и соединений Красной армии и ВМФ, а также нагрудные знаки «Снайпер».

25 мая 1942 года приказом наркома ВМФ №108 создана Соловецкая школа юнг со штатной численностью 1500 учащихся из числа юношей 15—16 лет с образованием 6—7 классов. Школа осуществила 3 выпуска, подготовив свыше 4000 квалифицированных морских специалистов.

29 мая 1918 года Всероссийский центральный исполнительный комитет принял постановление о переходе от добровольного принципа комплектования Красной армии ко всеобщей мобилизации рабочих и крестьян.